

70 лет
СМЕРШ

О нем доложили Сталину

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2013

УДК 355.40
ББК 63.3(2)722
Л82

Лузан Н. Н.

Л82 О нем доложили Сталину: Повесть. — М.: Кучково поле, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-9950-0296-3

В основе повести — деятельность советской контрразведки в одной из наиболее значимых разведывательных операций под кодовым названием «ЗЮД» по агентурному проникновению в абвер. Главный герой — техник-интендант 1 ранга Петр Иванович Прядко (оперативный псевдоним Гальченко) который находился в логове врага с ноября 1941-го по октябрь 1943 г. Ему одному из первых зафронтowych агентов удалось внедриться в разведывательно-диверсионный орган абвера — абвергруппу-102, действовавшую в операционных зонах Юго-Западного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов.

Книга предназначена для специалистов, а также широкого круга читателей.

УДК 355.40
ББК 63.3(2)722

ISBN 978-5-9950-0296-3

© Лузан Н. Н., 2013
© Кучково поле, 2013

Об авторе

Николай Николаевич Лузан (литературный псевдоним Абин) — полковник, ветеран органов безопасности. Лауреат 1-й (2009) и 2-й (2006) премий ФСБ России в области литературы и искусства; лауреат литературной премии им. А. Грибоедова (2008); лауреат Всероссийского конкурса журналистских и писательских произведений «Мы горды Отечеством своим» (2004).

Автор политических детективов: «Титан в плену багровых карликов», «Бандократия», «Несостоявшаяся командировка», «Операция «Восточный ветер», «Загадка для Гиммлера», «Загадка Смерша», «Прыжок самурая», «Диверсанты», «Секреты операции «Бумеранг», а также исторических очерков: «Лубянка. Подвиги и трагедии», «Военная контрразведка. Тайная война», «Махаджиры, возвращение домой», «Грузия: утраченные иллюзии», «Призрак Перл-Харбора»; член авторского коллектива сборников: «Лубянка», «Смерш», «Огненная дуга», «Военная контрразведка. История, события, факты».

Зафронтовой разведчик Петр Прядко

В русском языке есть поговорка «И один в поле воин». Правда, до выхода в свет в 1886 году романа русского писателя-народника Григория Александровича Мачтета (1852–1901) она звучала иначе и имела совершенно противоположную суть — «Один в поле *не* воин», где отражался аспект не военный — не ратный подвиг на поле брани, а сельскохозяйственного труда ратая — пахаря, земледельца.

Позже появились варианты этой народной мудрости: «И один в поле воин, если по-русски скроен», «И один в поле воин, если по-казацки скроен» и т. п. Но как бы она ни произносилась, в ней неизменно выражался героизм воина — защитника Отечества.

В полной мере героический аспект поговорки «И один в поле воин» продемонстрировали военнотружущие разных родов войск Красной армии в суровые годы Великой Отечественной войны.

Проявление высоких морально-боевых качеств ограничено, как правило, временными рамками конкретного боя, операции. Но есть одна уникальная военная профессия — зафронтовой разведчик, действующий в логове врага. Срок окончания выполнения им задания невозможно заранее даже предположить — он просто непредсказуем, так как действует разведчик, как правило, один и всегда на грани риска.

Об одном из таких зафронтных разведчиков и рассказывается в предлагаемой читателю повести, в основу книги положена наиболее значимая разведывательная операция отечественной военной контрразведки под кодовым названием «ЗЮД». Главным ее исполнителем был Петр Иванович Прядко (оперативный псевдоним Гальченко), ставший одним из первых, кому удалось внедриться в разведывательно-диверсионный орган абвера — абвергруппу-102, действовавшую на операционных направлениях Юго-Западного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов.

Путь в военную контрразведку Петра Ивановича был не прост. Оказавшись в окружении, он — младший начальник, да еще интендант, техник-интендант 1-го ранга, — не растерялся. В экстремальных условиях проявились лучшие его качества — дерзкий и холодный ум, умение находить выход из, казалось бы, тупиковых ситуаций, но остались привлекательность и обаяние. Сплотив вокруг себя бойцов и командиров разгромленных частей и подразделений, Прядко возглавил отряд, с боями провел его через всю Украину и вывел из окружения.

В контрразведке Юго-Западного фронта Петра ждал далеко не теплый прием из-за навета изменника-provokatora, но его достойное поведение и поддержка бывших подчиненных, стоявших за него горой, а также здравый смысл подсказали начальнику контрразведки 6-й армии Павлу Рязанцеву, что перед ним настоящая оперативная находка.

Прежде чем стать зафронтным агентом, Прядко пришлось пройти через сито проверок.

Рязанцев отправил его во главе разведгруппы с заданием в тыл немецких войска, после блестящего его выполнения предложил Петру Ивановичу внедриться в абвер. И не без колебаний он дал свое согласие.

А дальше ему пришлось пройти все круги нацистского ада: плен, лагерь военнопленных, каторжный труд, голод и холод,

унижения со стороны охраны и лагерных отморозков и... ненависть соотечественников.

Но и в плену Петр оставался личностью, потому что на него обратили внимание вербовщики абвера. Хорошо проработанная легенда прикрытия яркого антисоветчика, смертельно обиженного большевиками и особистами, сработала, и его завербовали в абвер под оперативным псевдонимом Петренко.

Вживание в атмосферу одного из активных органов абвера было нелегким. Пришлось, преодолевая душевные мучения, надеть личину предателя-перебежчика, забыть о своем прошлом и стать одним из окружавших его бывших сограждан, оказавшихся по различным причинам пособниками оккупантов — полициями, карателями, шпионами, диверсантами и просто холоуями.

После вербовки агента Петренко направили в советский тыл. С помощью Рязанцева он «успешно выполнил задание» и по возвращении в абвер вырос в гитлеровской иерархии: его назначили командиром разведгруппы и снова перебросили через линию. После выполнения и этого задания он был зачислен в кадровый состав абвера на ключевую должность — ответственного за подготовку документов прикрытия для вражеских агентов.

На этой канцелярской должности Петр Прядко находил такие приемы контрразведывательной работы, что абвер чуть ли ни постоянно трясло, как в лихорадке. И каждая его акция строилась с учетом конкретных обстоятельств.

Так, в декабре 1942 года в Краснодаре, где в то время находилась абвергруппа-102, он поднес гитлеровцам вместо рождественского гуся большую «свинью». Вместе с Василием Матвиенко, которого привлек к сотрудничеству, написал и ночью вывесил на фасаде штаба плакат: «Здесь живут шпионы капитана Гесса.».

Эта, казалось бы, простая акция нанесла серьезный удар по шпионскому гнезду. Для расследования ЧП в Краснодар

прибыла специальная комиссия из центрального аппарата абвера. По итогам ее выводов начальника абвергруппы капитана Гесса и некоторых преподавателей сняли с должностей, а весь набор курсантов отправили обратно в лагерь для военнопленных. В результате заброска в советский тыл очередных групп вражеских агентов и диверсантов задержалась на несколько недель, что, естественно, отразилось на качестве деятельности немецких штабов.

В другой раз перед отправкой группы диверсантов на задание в тыл советских войск Петр организовал пьянку с участием инструктора Шевченко, занимавшегося ее подготовкой к заброске. Наутро часовой обнаружил во дворе документы, подготовленные для диверсантов. Шевченко тут же был отчислен из абвера, группу расформировали, а Петр получил трое суток ареста.

Таких «проделок» со стороны Петра Ивановича было немало.

Даже вроде бы успешно забрасываемые абвергруппой-102 шпионы и диверсанты довольно часто бесследно исчезали. И это тоже было «делом рук» Петра Ивановича; он вносил некоторые неточности в их документы прикрытия, которые не оставались незамеченными советскими контрразведчиками — сотрудниками особых отделов НКВД СССР, а с апреля 1943 года — Главного управления советской военной контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны (ГУКР Смерш НКО СССР).

В связи с отступлением советских войск к Волге и на Северный Кавказ Прядко остался без связи с Центром, и накопленный разведматериал лежал мертвым грузом, а его хранение было смертельно опасно. Умение же Петра Ивановича распознавать в человеке истинную сущность патриота своего Отечества позволило найти выход и из этой ситуации. Собранные разведматериалы он оставлял надежным людям с просьбой при освобождении советскими войсками оккупи-

рованной территории незамедлительно передать их в органы контрразведки.

В Ростове Петр, как он писал в рапорте Рязанцеву, познакомился «с комсомолкой и надежным товарищем Верой Пивоварчук» и оставил ей на хранение пакет с ценными сведениями, которые после освобождения города 14 февраля 1943 года она передала особисту одной из воинских частей. Уже через несколько дней эти документы были вручены начальнику Управления особых отделов НКВД СССР В. Абакумову.

Это «деловое» знакомство с Верой Пивоварчук переросло в большую любовь с вполне логичным финалом — бракосочетанием по окончании войны.

По возвращении с задания осенью 1943 г. П. И. Прядко доложил начальнику 4-го отдела ГУКР Смерш НКО СССР (контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения его агентуры в части и учреждения Красной армии) полковнику госбезопасности Георгию Валентиновичу Утехину о выполнении задания и свои предложения по дальнейшей работе в абвере.

В целом, за 22 месяца работы в абвере Петр добыл данные на 18 официальных сотрудников, 101 агента абвера и 33 фотографии из их личных дел, а также ценные разведывательные сведения для советского командования.

За эти невероятно долгие месяцы жизнь Петра Ивановича Прядко не один раз подвергалась смертельной опасности. Лишь благодаря невероятной находчивости и самообладанию ему удалось не только избежать коварных ловушек гестаповцев, но и существенно дезорганизовать разведывательно-диверсионную деятельность абвергруппы-102, а также сорвать крупные диверсии на нефтетерминале Туапсе и нефтехранилищах в портах Поти и Батуми.

Об этом беспрецедентном случае работы зафронтного агента Гальченко в органах абвера в течение длительного времени и ее результатах было доложено в мае 1944 года начальником

Главного управления контрразведки Смерш генерал-полковником Абакумовым лично Верховному главнокомандующему И. В. Сталину.

24 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «За проявленное мужество и героизм в тылу противника» П. И. Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

Опыт зафронтовой работы Петра Ивановича Прядко убедительно показал, что профессиональный, мужественный разведчик воистину «и один в поле воин».

Осенью 1943 года руководство Смерша, проанализировав ситуацию, сложившуюся в абвергруппе-102 вокруг П. И. Прядко, пришло к выводу, что вероятность его расшифровки слишком велика и дальнейшая работа там может привести к провалу.

На этом деятельность Петра Ивановича как зафронтового разведчика закончилась. Но он не захотел отсиживаться в тылу и настоял на отправлении его на фронт, в действующую армию.

Службу в действующей армии Петр Иванович продолжил по своей прежней специальности — интендантом. В воинском звании вырос до майора, в должности — до заместителя командира полка по тылу. Был награжден несколькими медалями.

В течение почти семидесяти лет имя блестящего разведчика Петра Ивановича Прядко было известно только небольшому числу ответственных сотрудников отечественных спецслужб, имевших доступ к святым святым — личным делам зафронтовых агентов.

Но пришло время, когда архивы открыли потомкам имена и подвиги их отцов и дедов. С дел, в которых хранились документы о деятельности разведчика Петра Ивановича Прядко, гриф секретности был снят, и представилась возможность рассказать о его подвиге широкому кругу читателей. А совершенно секрет-

ные донесения и рапорты зафронтной агента Гальченко стали предметом исследования историков отечественных спецслужб и вошли в сборники «Смерш» и «Военная контрразведка России. История, события, люди», подготовленные к изданию Центральным архивом и Департаментом военной контрразведки ФСБ России.

А. Аристов

Часть первая

Огонь, вода и медные трубы разведчика Петра Прядко

Глава 1

22 июня 1941 года хрупкую предрассветную тишину на западной границе СССР взорвали залпы десятков тысяч орудий и рев моторов армады люфтваффе. Невиданный по мощи удар артиллерии и авиации стер с лица земли пограничные заставы и передовые укрепления советских войск. Вооруженные до зубов полчища гитлеровцев, быстро подавив немногочисленные очаги сопротивления, ринулись в глубь страны.

Красная армия, «несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед», которая, по заверениям партийных вождей, должна бить противника на чужой территории, терпела одно поражение за другим на собственной земле. Это стало страшным потрясением для них и для многострадального русского народа.

Вдвойне испытали его сотни тысяч бойцов и командиров Красной армии, оказавшихся в окружении. Одни, раздавленные этой, казалось, несокрушимой мощью германской военной машины, теряли волю к сопротивлению и сдавались в плен, другие сражались до последнего патрона, который оставляли для себя, третьи наперекор всему упорно пробивались на восток для соединения с регулярной армией. К концу осени 1941 года, когда фронт откатился на сотни километров на восток, лишь немногим по силам оказался долгий, полный множества испытаний путь к своим.

27 ноября 1941 года на участке обороны 6-й армии Юго-Западного фронта ненадолго установилось короткое затишье. Морозная дымка окутала окопы и нейтральную полосу. Но обманчивая тишина не усыпила бдительности часовых 417-го стрелкового полка; они напрягали слух, чтобы не прозевать вылазку вражеских диверсантов.

К концу подходила вторая смена дежурства, когда в тылу гитлеровцев вспыхнула беспорядочная стрельба. Ее шум нарастал и стремительно накатывался на нейтральную полосу. Резервные огневые группы второго батальона не успели еще занять места в окопах, как наступила разгадка: из тумана, подобно призракам, возникли размытые силуэты. Заросшие, изможденные лица, истрепанное обмундирование и трофейное оружие говорили сами за себя — это были окруженцы. Потом, когда радость встречи прошла и была выпита кружка спирта, командир батальона капитан Ильин, пряча от них глаза, распорядился: сдать оружие старшине и отправиться на фильтрацию к особистам — в военную контрразведку. В ответ послышался недовольный ропот, он, потупясь, развел руками.

— Тихо, ребята! Не бузить! — успокаивал окруженцев их командир техник-интендант 1-го ранга Петр Прядко.

Галдеж прекратился, и бойцы, сбившись в кучку, отправились сдавать оружие.

Спустя час у блиндажа, где временно разместился фильтрационный пункт Особого отдела НКВД 6-й армии, выстроилась молчаливая очередь. Бойцы нервно переминались с ноги на ногу и исподлобья постреливали колючими взглядами на брезентовый полог, закрывавший вход. Прошла минута-другая, а в блиндаж все не вызывали. Особист, видимо, решил поиграть на нервах окруженцев, рассчитывая быстро расколоть затаившихся среди них агентов абвера — гитлеровской разведки.

Оперуполномоченный лейтенант госбезопасности Виктор Макеев, просмотрев документы, решил начать допрос с техника-интенданта 1-го ранга Прядко. Его насторожило то, что раз-

ношерстную группу бойцов и младших командиров возглавил не политрук или строевой офицер, а какой-то там «интендант-тишка». Он подозревал — здесь что-то не чисто: Прядко мог оказаться «подсадной уткой» абвера. На эту мысль Макеева наводила ориентировка особого отдела армии — фамилия Прядко числилась в списке разыскиваемых вражеских агентов.

За пять месяцев войны Макеев насмотрелся всякого и уже ничему не удивлялся. Вербовку пленных красноармейцев абвер поставил на поток и сотнями перебрасывал через линию фронта. Большинство из них пошло на сотрудничество, чтобы не умереть от голода. Но находились и такие, кто люто ненавидел советскую власть или повязал себя кровью. Они, попав к особистам, знали, что их ждет, и нередко пускали в ход ножи и кулаки.

Макеев на всякий случай расстегнул кобуру, проверил пистолет и, бросив строгий взгляд на сержанта, глыбой застывшего у входа, распорядился:

— Дроздов, вызывай Прядко!

Тот откинул полог, приподнялся над бруствером траншеи и выкрикнул:

— Кто тут Прядко?

— Я! — откликнулся голос из толпы.

— Заходи!

Окруженцы пришли в движение. От группы младших командиров отделился высокий, стройный, лет тридцати офицер-интендант и решительной походкой направился к блиндажу. Вслед ему неслись дружные выкрики:

— Иваныч, скажи, пусть не тянут резину, а то скоро от холодрыги околеем... Што зря мурыжат, мы свое слово уже сказали... Пусть за нас мертвые фрицы отчитываются...

— Все будет нормально, ребята, — заверил Петр бывших своих подчиненных и спрыгнул в траншею.

Комья мерзлой земли посыпались на дощатый настил и покатались в блиндаж. Сержант отбросил их сапогом и недовольно буркнул:

— Че грязь тащишь.

— Может, еще ноги вытереть? — огрызнулся Петр и, отодвинув его плечом, протиснулся в блиндаж.

В нем царил полумрак. В тусклом свете фитиля-самоделки, сделанного армейскими умельцами из гильзы сорокопятки, бледным пятном отсвечивало невыразительное лицо. Физиономия особиста ничего не выражала. Перед ним на наспех сколоченном из досок столе лежали тощие папки, стопка листов бумаги, ручка с обгрызенным концом и пузатая чернильница.

«Ручка — самое опасное оружие особистов, — вспомнил Петр мрачную шутку о военных контрразведчиках, гулявшую в армейской среде, и с горечью подумал: — Для кого — война, а для кого она — конторская писанина».

Особист поднял голову и, откинувшись на стенку блиндажа, принялся буравить окруженца подозрительным взглядом.

«Глаза только не проешь. Меня этим не возьмешь. Видал таких», — заговорило в Петре давнее неприязненное отношение к военным контрразведчикам.

Незадолго перед войной на складе ГСМ из-за нерасторопности техника произошла утечка бензина. Ретивый особист тут же взялся раскручивать дело о группе вредителей, а из него, Прядко, принялся лепить главного организатора «преступления». Расследование набирало обороты и катилось к военному трибуналу. От суда Петра и других «вредителей» спас арест самого особиста: он оказался «пробравшимся в органы троцкистом и агентом мирового империализма». Но на том злоключения интенданта Прядко не закончились.

Спустя два месяца его снова вызвали в особый отдел — на этот раз из-за антисоветских разговорчиков, которые вели подчиненные, — и, изрядно помурывжив, отпустили.

И от этой встречи с особистом Петр не ждал ничего хорошего. А Макеев все держал многозначительную паузу. Ему надоело торчать перед ним свечкой, и, не спрашивая разрешения, он сел на чурбак, заменявший табуретку. Особист грозно

сверкнул глазами и тоном, не сулящим ничего хорошего, начал допрос:

— Быстро! Фамилия, имя, отчество?

— Прядко Петр Иванович, — представился Петр.

— Звание?

— Техник-интендант 1-го ранга.

— Должность?

— Начальник головного склада горючего 5-й армии Юго-Западного фронта.

— А как стал командиром этого... — Макеев не мог подобрать слова и кивнул в сторону полога, закрывавшего вход в блиндаж.

— Война не спрашивает, она сама назначает, — с вызовом ответил Петр.

— Да-а? Это мы еще посмотрим, кто и куда тебя назначил.

— Ну, смотри-смотри.

— И посмотрию! Гляди, чтоб потом локти не кусал, — пригрозил Макеев.

Петр поиграл желваками на скулах и промолчал. Прошлый печальный опыт общения с особистами говорил: злить их — себе выйдет дороже. Макеев же, посчитав, что угроза возымела действие, решил не тянуть резину и сразу взять быка за рога, но, встретившись взглядом с «интендантешкой», понял: не стоит спешить. В свете нещадно чадающего фитиля из-под кудрявой пряди волос на него с вызовом смотрели карие глаза. Судя по всему, Прядко был «крепким орешком», и Макеев решил использовать проверенный прием, — пошелестев бумагами, сделал первый выпад:

— Гражданин Прядко, а как ты объяснишь, что пять месяцев скрывался на территории, оккупированной врагом?

— Я-я?! Скрывался? — опешил Петр.

— Ну, не я же, — хмыкнул Макеев и, не давая опомниться, обрушился на него с новыми обвинениями: — Почему уничтожил партбилет? Где личное оружие? Почему раньше не вышел на соединение с частями Красной армии?

Петр был потрясен абсурдностью вопросов. А Макеев продолжал наседать — взял из стопки бумаги чистый лист, пододвинул к нему и сказал:

— Короче, бери ручку и пиши. Только не вздумай юлить, со мной этот номер не пройдет!

— Пи-сать? — чужим голосом спросил Петр.

— Не петь же?! Ты не соловей, шо б слушать тебя, — с кривой ухмылкой заметил Макеев и придвинул чернильницу с ручкой.

Петр не шелохнулся и глухо произнес:

— За меня трофейный автомат росписи ставил.

— А-а, все вы так говорите, а как копнешь, то такое говно вылазит...

— Говно-о? Т-ы-ы чего несешь! Мы там своей кровью умывались, пока вы тут линию фронта выравнивали! Мы... — вскипел Петр.

— Чего-о? — взревел Макеев. Папироса, зажата в уголке рта, сползла с губы и шлепнулась на стол, а когда к нему вернулся дар речи, он обрушился на Петра с угрозами: — Молчать, гад! Ты на кого пасть разеваешь? Я тебя как вошь одним пальцем раздавлю!

— На это вы мастера. А кто с фрицем воевать будет? Кто?

— Заткнись, пока не шлепнул!

— Не пугай, пуганый уже. Я не в обозе отъедался, а фрицев колошматил.

— Молчать! Да я тебя... — взвился Макеев и ухватился за кобуру.

Петр дернулся вперед. Тут же за его спиной угрожающе заворочался сержант, и лязгнул затвор автомата. Наступившую вязкую тишину нарушали лишь прерывистое дыхание и треск нещадно чадившего фитиля. В отблесках тусклого пламени лица Макеева и Прядко, искривленные судорогами, напоминали уродливые маски. Несколько секунд они сверлили друг друга пылающими взглядами. Макеев, не выдержав, отвел глаза в сто-

рону. Подрагивающая от напряжения рука отпустила кобур. В блиндаже воцарилось гнетущее молчание.

Петр продолжал гвоздить Матвеева испепеляющим взглядом. Тот быстро взял себя в руки, достал из папки документ и, размахивая им перед лицом Петра, злорадно процедил:

— Говоришь, с фрицами воевал?

— Ну, — насторожился Петр; на его лицо легла тень.

Это не укрылось от Макеева, и он с напором продолжил допрос:

— Здесь черным по белому написано, как ты с фрицами снюхался!

— Я-я? Снюхался с фрицами? Это же... — Петр не мог поверить своим ушам.

— Ну, не он же, — Макеев мотнул головой в сторону Дроздова и снова перешел в наступление: — Говори, какое дали задание? Кого еще внедрили в группу? Фамилии? Псевдо?

— Задание? Внедрили? Ты что несешь, лейтенант! — Петр уже не отдавал себе отчета и бросился к Макееву.

— Сидеть! Не двигаться! — взвизгнул тот и судорожно заскреб ногтями по кобуре.

Сзади на Петра навалился сержант и припечатал к чурбаку. Он пытался освободиться, но ручищи мертвой хваткой вцепились в плечи и не давали не то что двинуться — свободно вздохнуть.

— Какое задание? Ты охренел? — прохрипел Петр.

Макеев подался к нему и, заглядывая в глаза, прошипел:

— Сволочь! Я тебе покажу охренел! Хватит ваньку валять! У меня на тебя бумаг воз и маленькая тележка, — и, хлопнув папкой по столу, сорвался на крик: — Говори, когда на фрицев стал работать?

Мягкий клочок бумаги, которым потрясал особист, перевесил пять месяцев хождения Петра по мукам в гитлеровском тылу. Он съежился и глухо обронил:

— Мне признаваться не в чем. За меня скажут ребята. Я за чужие спины не прятался, а оружие в бою добыл.

— Ты эти частушки пой кому-нибудь другому. Говори правду, если жить хочешь! — напирал Макеев.

— Не пугай — пуганный. Я свой испуг на той стороне фронта оставил.

— Смелый, говоришь?

— Побываешь в моей шкуре — поймешь.

— Чего-о? Тоже мне овца нашлась. Я твое шпионское мурло насквозь вижу.

— Что? А ты кору с деревьев жрал? А ты воду с кровью хлебал? А ты...

— Молчать! Хорош на жалость давить!

— Жалость? У меня ее не осталось. Суки! Детей, детей — гусеницами... — и, уронив голову на грудь, Петр как заведенный твердил. — Ненавижу!.. Ненавижу!..

Макеев, поигрывая желваками на скулах, достал из пачки новую папиросу, прикурил от фитиля и, постреливая колючим взглядом в Петра, ждал, чем все закончится. После такого навала гитлеровские агенты обычно ломались и начинали просить о пощаде. Расчет на то, что упрямый интендант поплывет, не оправдался, сжавшиеся в плотную складку губы и сама его фигура выражали молчаливый протест. Поняв, что от Прядко ничего не добиться, Макеев распорядился:

— Сержант, в холодную его!

— Есть, товарищ лейтенант!

Дроздов вскинул автомат и рыкнул:

— Встать!

Петр, окатив Макеева ненавидящим взглядом, с трудом поднялся с чурбака.

— Руки за спину! Шаг в сторону — попытка к побегу. Стреляю без предупреждения! — гвоздил его своими командами сержант.

Все происходящее казалось Петру кошмарным сном. На ставших непослушными ногах Петр выбрался из блиндажа и страшился взглянуть на своих бойцов. Растерянные, недоуменные взгляды бывших подчиненных были невыносимы; пряча от них глаза, он прибавил шаг.

— Тише, штаны порвешь! — рыкнул за спиной сержант.

— За свои трясешься? — буркнул Петр.

— Чего-чего?

— Они у тебя последние?

— Поговори мне, быстро пулю схлопочешь.

— Побереги для фрицев.

— Заткнись, шкура фашистская! — прикрикнул сержант, и ствол автомата уперся в спину Петра.

Петр промолчал. Оловянные глаза конвоира говорили о том, что этот истукан, не раздумывая, может нажать на курок. Обойдя стороной артиллерийскую батарею, они вышли на узкую тропинку. Вскоре она резко пошла вниз. Ноги скользили по схваченной легким морозцем земле, и им пришлось двигаться черепашным шагом.

Окрик «Стой, кто идет?» заставил их остановиться.

Из-за угла сарая показался часовой, узнав сержанта, уныло произнес:

— Цэ ты, Степан?

— А хто ж еще.

— Я думав, шо смена.

— Притопает, куды денется, — буркнул сержант. — Принимай жмурика.

— Хто такой?

— Шпион.

— Вот же, гад, а с виду не скажешь.

— Фрицы не дураки, знают, кого засылать.

— А ты их видел, крыса тыловая? — не сдержался Петр и тут же получил прикладом в спину и полетел на землю.

— Я тебе покажу — крыса! Сволочь недобитая! — взбеленился сержант и заорал на часового: — Че стоишь? Открывай!

— Щас, — засуетился тот и, громыхнув засовом, распахнула дверь в сарай.

Из него пахнуло запахом сена. Петр приподнялся, новый удар сапогом в спину швырнул его в темный провал. Пролетев несколько метров, он врезался в стену и сполз на пол. Перед глазами поплыли разноцветные круги, а в ушах застучали тысячи невидимых молоточков. Сквозь их звон донеслись жалобный скрип ржавых дверных петель и сухой лязг засова. Затем все стихло.

Вязкая, словно глина, тишина обволокла Петра. Он без сил распластался на земляном полу и остановившимся взглядом уставился в дырявую крышу. Робкие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь щели, придавали всему окружающему ирреальные очертания. Таким же ирреальным ему представлялось все, что произошло за последний час. За стенами сарая своим чередом шла полная лишений и страданий фронтовая жизнь. Но все-таки жизнь, которой продолжали жить сорок шесть его бывших подчиненных, но не он. Из-за какого-то маньяка-особиста, помешанного на шпионах, его безжалостно вычеркнули из нее и отбросили за черту, из-за которой не было возврата.

«Почему? По какому праву?» — терзался Петр.

Сухой кашель заставил его встрепенуться. Он поднял голову и увидел перед собой бледное лицо-маску. На месте глаз зияли темные провалы, а над щелью рта топорщились буденовские усы. Они пришли в движение и, как сквозь вату, до Петра донеслось:

— Как ты?

— Живой, — непослушным языком ответил он.

— Ну, слава богу.

— Лучше бы подох.

— А что так?

— Там хоть знал за что. А здесь...

— Да, брат, война. Она так вывернет, так перекрутит, что и не знаешь, куда деваться. Выходит, из окруженцев?

— Из них. Шел к своим, а они... хуже врага.

— Всяко бывает, — неопределенно ответил усач и перебрался ближе.

На вид ему было все шестьдесят.

«Да, хреновы наши дела, если таких на фронт посылают», — с горечью подумал Петр и спросил:

— Давно в окопах?

— Как шахта под немца ушла, почитай второй месяц.

— И сколько тебе годов?

— На нынешний должно стукнуть пятьдесят два... Если доживу.

— А что, моложе не нашлось?

— Моложе, старше... А кто нашего брата спрашивает? Вон Гитлер як прет, под Москвой уже стоит.

— Да-а? Кто бы мог подумать.

— Вот так и думали, что пол-России просрали! А народу сколько угробили — страх божий!

— Как же так? Пора уж научиться воевать, — сокрушался Петр.

— Эт ты меня спрашиваешь? А мне откель знать. С командиров надобно спросить. Пацанов понаставили! А они што в военном деле понимают — ниче! У них только одно: вперед да вперед. На танки и пулеметы с трехлинейками и лопатками кидают, думают в нашей кровушке фрица утопить.

— Выходит, с командиром характерами не сошлись? — догадался Петр о причине того, почему бывший шахтер оказался с ним в одном сарае.

— А што мне с ним сходиться? Его дело — командовать, а наше — выполнять. Но когда барана на убой гонят, то и тот начинает брыкаться. Дурачок, почти весь взвод положил.

— Застрелил?

— Я што, душегуб какой-то? Не, мне лишний грех на душу не надобен. По морде смазал. А рука у меня тяжелая, считай, двадцать годков в забое шуровал.

— Убил?

— Не, морду на сторону своротил.

— И что теперь?

— А ничего, у них разговор короткий — под трибунал.

— Может, не все потеряно, разберутся.

— Гляди... С тобой больно разбирались, — с горькой иронией произнес бывший шахтер и полюбопытствовал: — За што хоть страдаешь?

Петр замялся. В это время из дальнего угла донесся шорох. Копна соломы рассыпалась, и из нее показалась тщедушная фигура. Если бы ни форма, то бойца можно было принять за мальчишку, на его правой руке болталась замызганная повязка, а под глазами расплывались темные круги.

— Ты кто? — спросил Петр.

Боец промолчал, за него ответил бывший шахтер:

— Дурачок.

— В смысле?

— Самострельщик.

— Кто-кто? — не сразу понял Петр.

— Фрица увидал, в штаны наложил и пальнул себе в руку. Што с них возьмешь? Молоко на губах не обсохло — и тех под пули.

— Я в бою. Я не виноват, — лепетал в свое оправдание боец.

— Да мне какая разница. Я не особист. Жалко таких. Пожить не успели, а их, если не фриц, так наши шлепнут. Будь трижды проклята война! Всех вывернула наизнанку, — в сердцах произнес бывший шахтер.

Послышались всхлипы. Мальчишка-боец заплакал навзрыд. Жалость к нему охватила Петра, но он не смог найти слов утешения и замкнулся в себе. Бывший шахтер тоже смолк и возвратился на место. В наступившей тишине были слышны

только унылый вой ветра в щелях чердака и мерные шаги часового.

Шло время. Об арестованных будто забыли. Короткий зимний день подошел к концу. В сарае сгустились сумерки. Вместе с ними все сильнее давали о себе знать холод, тысячами иголок терзавший измочаленное тело, и голод, мучительными спазмами отзывавшийся в пустом желудке. Спасаясь от них, Петр зарылся в сено и принялся жевать засохшие стебли.

Грохот засова на двери заставил его встрепенуться. Отбросив в сторону сено, он выглянул. В дверном проеме в блеклом лунном свете прорезался силуэт часового, и сердце Петра екнуло.

— Шпионы, самострельщики и прочая шваль, встать! — рявкнул часовой.

Арестованные поднялись и, переминаясь с ноги на ногу, ждали, что последует дальше.

— Што как не живые? Всем на середку! — надрывался часовой.

Петр первым шагнул вперед, рядом пристроился бывший шахтер, а за ним — раненый боец. Они не решались поднять глаза и посмотреть за спину часового. За ним маячили двое.

«Вот, Петя, ты и отвоевался. Как все глупо», — пронзила его леденящая душу догадка.

Об этом, вероятно, подумали и другие арестованные. У мальчишки-бойца окончательно сдали нервы, он рухнул на пол и взмолился:

— Дяденьки, пожалуйста! Я не виноват. Я...

— Заткнись! Пулю на тебя, сопляка, жалко! — рявкнул на него часовой и позвал: — Раздатчик, заноси гадам баланду!

«Баланду?.. Значит, еще не конец», — встрепенулся Петр.

Он не слышал, что там бубнил часовой, как звякнули миски и ложки, брошенные на землю, непослушными руками взял кусок зачерствевшего ржаного хлеба и принялся торопливо глотать баланду. Она напоминала то ли жидкую кашу, то ли

густой суп, но ему было не до того — голод заставил забыть обо всем. Последним кусочком хлебной корки он собрал остатки варева со дна миски и положил его под язык, чтобы хоть на время обмануть сосущую боль в желудке. Бывший шахтер и мальчишка-боец не спешили и медленно цедили баланду. Раздатчику надоело ждать.

— Все, дармоеды, хорош жрать! — прикрикнул он.

Ему поддакнул часовой:

— Добро только переводим, — и приказал: — Встать, гады! К стенке!

Петр опустил на землю миску с ложкой и отступил назад, его примеру последовали остальные. Раздатчик сгреб посуду в вещмешок и двинулся к выходу. Вслед за ним покинул сарай и часовой. Перед тем как захлопнуть дверь, он с презрением бросил:

— Живите пока, жмурики.

— Сука тыловая, — сквозь зубы процедил бывший шахтер.

Тяжело вздохнув, Петр возвратился на место, с головой зарылся в сено и попытался уснуть. Несмотря на свинцовую усталость, сон не шел, одна и та же мысль «За что? По какому праву?» раскаленным гвоздем жгла мозг. Так же, как и он, не могли уснуть соседи; из их углов доносились шорохи, приглушенные всхлипы и тяжелые вздохи. Петр потерял счет времени, когда за стеной сарая снова раздались шаги. Он прислушался — шли несколько человек.

«Расстреливают на рассвете», — обожгло его, и предательская слабость разлилась от живота к ногам.

О том же подумал бывший шахтер и мрачно обронил:

— Кажись, по нашу душу.

— Не хочу, не хочу! — взвизгнул молоденький боец.

После короткой возни над засовом дверь в сарай распахнулась, и на пороге возникла сутулая фигура. Лунный свет упал на лицо.

— Сычев? Ты? — не поверил своим глазам Петр.

В его голосе смешались радость и облегчение. Ответ Сычева заглушил скрип ржавых петель. Дверь захлопнулась, и сарай снова погрузился в кромешную темноту.

— Серега, двигай сюда, — позвал его Петр.

Тот, громыхнув попавшей под ноги жестянкой, пробрался к нему и опустился рядом. Несколько минут прошли в тишине. Первым заговорил Сычев:

— Кажись, отвоевались, Иваныч? Кто бы мог подумать, что так все кончится.

— М-да, — не нашелся, что ответить, Петр.

— Неужели копец?

— Ты это брось, еще проживем.

— До утра, а потом перед строем шлепнут.

— Погоди хоронить себя. На одном Макееве свет клином не сошелся, разберутся.

— А-а-а, — Сергей безнадежно махнул рукой. — Все они одним миром мазаны. Им везде враги мерещатся.

— Есть еще наши ребята, и они свое слово скажут.

— Кто их слушать-то будет... У Макеева одна бумага все перевесит, — потерянно произнес Сычев.

— Туфта это, — отмахнулся Петр.

— Не, ни туфта, Иваныч. Там такая бумага — не отвертишься!

— Какая? Чья?

— Эта... как ее... Ориентировка.

— Ориентировка? От кого?

— Погоди, Иваныч, не сбивай. Кажись, от Рязанова. Нет, Рязанцева.

— Да хрен с ней, с фамилией. Кто такой?

— Начальник особого отдела шестой армии.

— Начальник особого отдела? — спину Петра обдало холодом.

То, что сейчас он услышал, не походило на театральную сцену с потрясанием бумагами и папкой, которую перед ним

разыграл Макеев. Ориентировка — это тебе не донос сверхбдительного красноармейца; по ней без всякого следствия и суда ставили к стенке. Теперь Петра терзал только один вопрос, какое отношение она имела к нему, и он надел на Сычева:

— Что в ней написано? Что?

— Щас, щас... — вспоминал тот. — Э-э, принять меры по задержанию этих, ну, агентов немецко-фашистских разведорганов и пособников.

— Агентов? Пособников?

— Так было написано.

— Дальше, дальше.

— И... и там были наши фамилии.

— Чего-о? Наши? Ты с ума сошел, Сычев?

— Лучше бы сошел.

— Нет, постой-постой, Серега! Такого не может быть. Не может быть! — не мог поверить Петр в это обвинение.

— Што годить, Иваныч? Я своими глазами видел. Макеев мне той бумажкой всю рожу изъелозил.

Сычев продолжал что-то говорить, а у Петра голова шла кругом. Несколько минут назад у него еще теплилась надежда, что от нелепых обвинений Макеева в предательстве рано или поздно ничего не останется, а его примитивный прием с мифическим заявлением являлся лишь средством психологического давления. Теперь же, когда выплыла ориентировка какого-то там Рязанцева, положение стало безнадежным.

— Не, Серега, этого не может быть. Тебя на испуг брали, мало ли Сычевых и Прядко, — цеплялся за соломинку Петр.

— Какой там испуг, Иваныч. Ты помнишь Струка?

— Ну.

— Так то его, суки недобитой, работа!

— Как! Его же под Винницей...

— Живее нас с тобой, сволота. Вражиной оказался. На допросах у особистов раскололся. Представляешь, его фрицы к нам заслали!

— Заслали?

— Теперь, Иваныч, ты понял, кто нас под Винницей подставил!

— У-у, сволочь! — застонал Петр и в ярости хватил кулаком по стене.

— Он, падла, напелл особистам, что это мы отряд на засаду навели.

— Чего-о?

Предательство, а еще больше оговор Струка потрясли Прядко. С августа они сражались бок о бок, и тот не дал повода усомниться в своей надежности: в бою не прятался за спины других и не отлынивал от засад. Под Винницей отряд напоролся на колонну гитлеровцев, завязался бой, после которого Струк пропал. И вот теперь он воскрес, чтобы похоронить его и Сычева. А тот, склонившись к уху, с жаром нашептывал:

— Иваныч, пока не поздно, надо рвать когти.

— Чего? Какие когти? — все еще не мог прийти в себя Петр.

— Очнись, Петя! Потом будет поздно. Надо сматываться, — тормошил его за плечо Сычев.

— Куда? От кого? От своих?

— Какие свои? Для них мы хуже фрицев. Кокнут — и глазом не моргнут.

— Ты это... Ты кончай! Я... я... — голос у Петра сорвался.

— Иваныч, тише, тише, не кипятись. Мы не первый день друг друга знаем, сейчас против них не попрешь. А своей смертью кому и что докажешь? Живы останемся, тогда и будем доказывать. Надо уходить, пока темно, — твердил Сычев.

— Куда?

— В лес, там отсидимся.

— От себя не убежишь.

— Глупо это, Иваныч.

— За меня ребята и дела скажут, — упрямо твердил Петр.

— Как знаешь, а я подыхать не собираюсь, — отрезал Сычев и, выбравшись из сена, поднялся на чердак. Под его ногами

предательски затрещали доски. Он замер и, выждав минуту-другую, принялся искать лаз.

Возня на чердаке не осталась незамеченной, и предрасветную тишину нарушил грозный окрик часового:

— Эй, кому там нейдется? Пулю захотел схлопотать?

Это остановило Сычева. Он спустился с чердака и забился в угол. А Петр весь извертелся в поисках выхода их тупика. За время войны ему пришлось повидать немало чужих смертей и мысленно свыкнуться с собственной. Но вопиющая несправедливость, что ее предстояло принять от своих, изводила Петра. Он снова и снова искал аргументы, чтобы разрушить горы лжи, нагроможденные мерзавцем Струком, и не находил.

«Будь что будет», — решил положиться на судьбу Петр и остановившимся взглядом уставился в потолок.

Мучительно медленно тянулось время. Полоска света упала на лицо. За стенами сарая занимался хмурый осенний рассвет, и смертельная тоска сжала сердце: скоро, совсем скоро все должно закончиться. Его обостренный опасностью слух ловил каждый звук, но хрупкую утреннюю тишину нарушало лишь звонкое потрескивание льда под ногами часового.

«На носу зима, — отметил про себя Петр и с тоской подумал: — Тебе не дожить».

Шорох сена отвлек его от мрачного раздумья. К нему подсел Сычев и тихо обронил:

— Извини, Иваныч, гадам помирать не хочется.

— Будем живы — не помрем, Сережа, — дрогнувшим голосом произнес Петр, и, поддавшись порыву, они обнялись.

Громкие голоса на улице заставили их напрячься. Один из них принадлежал сержанту Дроздову.

— Сидоров, открывай! — крикнул он часовому.

Громыхнул засов, скрипнули ржавые петли, и в сарай хлынул яркий поток света. Первый снег, укатавший пушистым белым покрывалом землю, искрился и сверкал в лучах солнца. Он слепил глаза арестованным, и они, щурясь, потянулись к выходу.

— Всем стоять! — рявкнул Дроздов и, посмотрев в список, приказал:

— На выход: Сычев! Голобородько! Кузьмин!

Сергей, крепко пожав руку Петра, торопливо произнес:

— Прощай командир и не поминай лихом.

— Держись, Сережа, — обронил вслед Петр.

— Рыжий, в строй! — крикнул на Сычева Дроздов.

Тот, бросив прощальный взгляд на Петра, пристроился за бывшим шахтером.

— Шагом марш! — команда подстегнула арестованных.

Петр, оставшись один, приткнулся к двери и, затаив дыхание, прислушивался к тому, что происходило за стенами сарая. Вскоре от напряжения заломило в висках. Так и не услышав звука выстрелов, он возвратился на место. Шло время. На дворе стугустились сумерки, а о нем будто забыли.

Но нет, о нем не забыли. Дверь сарая неожиданно распахнулась, и на пороге возник незнакомый сержант.

«Что случилось? Почему не Дроздов? Где конвой?» — вихрем пронеслось в голове Петра.

— Эй, еще не околел? — взглядываясь в темноту, окликнул сержант и, не услышав ответа, позвал: — Ну, где ты там? Пошли!

— Куда? Зачем?

— Там узнаешь.

— К Макееву?

— Пошли, пошли, машина ждет, — торопил сержант.

Петр сделал шаг, бросил настороженный взгляд по сторонам — часового на месте не оказалось и вышел на улицу. Сержант кивнул головой и, не оглядываясь, свернул на тропку, которая вела в расположение батальона. Петр поспешил за ним. Сержант шел, не сбавляя шага. Позади остались землянка командира батальона и блиндаж Макеева.

«Пронесло», — с облегчением вздохнул Петр и поравнялся с сержантом. Тот, бросив на него сочувственный взгляд, полез в карман бушлата, достал пачку папирос и предложил:

— Закуривай.

— Спасибо. После такого и пить бросишь, — с вымученной улыбкой ответил Петр.

— Война... Всяко бывает, — сержант не стал поддерживать разговор и, обогнув минометную батарею, прошел в глубь дворов.

Там стояла полупорт. В ее кузове лежали трое раненых, над ними хлопотала молоденькая медсестра. Услышав шум шагов, она подняла голову и, увидев сержанта, принялась распекать:

— Костя, где тебя черти носят? Сколько можно ждать? У меня один тяжелораненый!

— Я что, Ильин приказал.

— Так едем или нет?

— Едем, — не стал дальше препираться сержант и поторопил Петра: — Товарищ техник-интендант 1-го ранга, залезайте. Время не ждет.

Петр мялся и не решался спросить — слова комом застряли в гортани. Он все еще не мог понять: то ли свободен, то ли находится под арестом. Задорный голос медсестры положил конец сомнениям:

— Давайте к нам, товарищ техник-интендант 1-го ранга. Или боитесь, что покусаю?

«Я свободен?» — Петр все еще не мог поверить в чудесное освобождение. Не почувствовав своего тела, он легко оттолкнулся от земли, перемахнул через борт полупорта и опустился рядом с медсестрой.

— Ну, прям орел! Смотри, чтоб Настюха перья не пощипала, — хмыкнул Константин.

— Чего-о? Ах, ты, петух недорезанный. Покукарекай мне, — пригрозила ему Настюха.

— Тих-тих! Все, молчу, — Константин подмигнул медсестре, запрыгнул на подножку и поторопил водителя. — Давай вперед, Илюха!

Простуженно чихнув двигателем, тудяга-«газончик» тронулся в путь. За рулем находился бывалый водитель, и, несмотря на кромешную темноту и распутицу, он каким-то шестым чувством находил дорогу. До штаба 6-й армии Юго-Западного фронта было чуть больше пятнадцати километров, однако путь к нему растянулся на всю ночь. Не один раз Петру, сержанту и медсестре приходилось выталкивать машину из кювета и дважды пережить налет гитлеровской авиации.

К месту они добрались перед рассветом. Константин уверенно ориентировался в лабиринте узких улочек и приказал водителю остановиться у двухэтажного кирпичного дома.

Петр, простившись с медсестрой, спрыгнул на землю и присоединился к Константину. На входе во двор дорогу им преградил часовой и потребовал:

— Пароль?

— Ростов, — назвал Константин.

— Проходите! — часовой отдал честь и уступил проход.

По узкой деревянной лестнице они поднялись на второй этаж и остановились перед деревянной перегородкой. Из-за нее выглянул дежурный офицер и спросил:

— Вы к кому?

— К капитану Рязанцеву.

— От кого?

— От лейтенанта Макеева, — пояснил Константин и передал дежурному запечатанный пакет.

Тот отложил пакет в сторону и распорядился:

— Подождите внизу.

— Это где? — поинтересовался Константин.

— Вас проводят. — И, выглянув в коридор, дежурный окликнул: — Семенов? Гена?

— Я! — отозвался тот.

— Отведи ребят в кандейку.

— За мной, — позвал тот и энергично зашагал по лестнице.

Константин и Петр проследовали за ним в тесную, с одним окном комнату. Колченогий стол, на котором лежала стопка газет и стояла тускло светившая керосиновая лампа, да две лавки у стен — вот и весь интерьер кандейки.

— Ждите здесь. Без разрешения дежурного отдел не покидать! — предупредил Семенов и оставил их одних.

— Присядем, как говорится, в ногах правды нет, — предложил Константин и, подсев ближе к лампе, зашелестел газетами.

Петр занял место напротив и, откинувшись к стене, ушел в себя. Он пытался осмыслить события последних нескольких часов и понять, чего ждать от встречи с загадочным Рязанцевым, подписавшим ориентировку по розыску фашистских агентов и пособников, в которой значилась и фамилия Прядко.

Глава 2

*Совершенно секретно
Начальнику Особого отдела НКВД СССР
6-й армии Юго-Западного фронта
капитану П. Рязанцеву*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Об итогах фильтрации среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в окружении войск противника

В результате агентурно-оперативной работы среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в окружении войск противника, изъяты 1 человек по подозрению в принадлежности к немецко-фашистским разведорганам и 2 человека, допуславшие пораженческие высказывания.

Всего профильтровано: 47 чел.

Из их числа, имевших в прошлом:

офиц. звания — 4 чел.

сержантов — 6 чел.

рядовых — 35 чел.

еще служивших в Кр. ар. — 2 чел.

Дальнейшего оперативного внимания заслуживают:

бывший начальник головного склада горючего 5-й армии Юго-Западного фронта, быв. техник-интендант 1-го ранга Прядко Петр Иванович 1913 г. р., уроженец м. Каневцы Чернобаевского района Полтавской области, украинец, быв. кандидат в члены ВКП(б), быв. кадровый военный, в Красной Армии с 1937 г., проходит по ориентировке № 7/12 ОА от 25.11.41 г. разыскиваемых агентов немецко-фашистских разведорганов и их пособников; бывший заместитель командира взвода охраны головного склада горючего 5-й армии Юго-Западного фронта быв. старший сержант Сычев Сергей Анисимович 1919 г. р., уроженец г. Н. Тагила Свердловской обл., русский, б/п., в Красной армии с 1939 г., привлечен к сотрудничеству в качестве агента под псевдонимом Сыч.

Оперуполномоченный ОО НКВД СССР
6-й армии Юго-Западного фронта лейтенант

*В. Макеев.
29.11.41 г.*

Прочитав докладную записку Макеева, начальник Особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта капитан Павел Рязанцев обратился к протоколам допросов подчиненных Прядко. И чем больше он в них вчитывался, тем все больший интерес просыпался в нем к личности, казалось бы, обыкновенного интенданта. Решительный, смелый, дерзкий, способный быстро находить правильные решения в сложных ситуациях и повести за собой личный состав — так характеризовали его младшие командиры. Близкие к их характеристикам давали показания и рядовые красноармейцы. Они отмечали в Прядко такие качества, как справедливость и требовательность в сочетании с заботой, а главное — бережное отношение к их жизням.

Наибольшее внимание Рязанцева привлекли показания старшего сержанта Сычева. Тот знал Прядко по службе на головном складе горючего 5-й армии и находился с ним рядом с первого дня войны. Сычев, как и все остальные, отзывался о нем только положительно. Рязанцев же привык больше доверять не словам, а фактам, и потому с особым интересом вчитывался в агентурное сообщение Сычева — Сыча. В нем речь шла о поведении Прядко после фильтрации, когда он оказался под арестом по подозрению в сотрудничестве с фашистами. Задержанный неделю назад агент абвера Струк, спасая свою шкуру, вывалил все, что знал о кадровом составе абвергруппы-102, действовавшей в полосе 6-й армии, дал наводки на ее агентов и пособников, в их числе оказался и Прядко.

Макеев уцепился за это и воспользовался возможностью, чтобы лично разоблачить затаившегося врага. С присущим для него напором навалился на Прядко и потерпел неудачу. Но она его не остановила, завербовав Сычева, Макеев провел незатейливую оперативную комбинацию — отправил обоих под замок. Ее результат, а главное — поведение Прядко, отказавшегося совершить побег из-под ареста, убеждали Рязанцева, что он стал жертвой банального оговора агента абвера. Подтверждением тому служили не только отзывы окруженцев, но и сотни убитых фашистов и десятки единиц трофейного оружия, добытого ими в бою.

Отложив в сторону агентурное сообщение Сыча, Рязанцев встал из-за стола и прошелся по кабинету. В его голове пока еще смутно формировалась мысль: «А почему бы Прядко не взять на службу? Готовый оперативный работник. Неделю на обкатку — и в строй, в отдел к Майорову. У того страшный некомплект, за последние дни еще двоих потерял. В его положении он любому работнику будет рад, а такому, как Прядко, вдвойне. Кадровый военный — это тебе не «скороспелка». Имеет боевой опыт. Да еще какой! Считаю, полгода в тылу у фрицев воевал. В тылу? Ладно, это еще полбеды. А что делать

с липовыми показаниями Струка? Что? Вот же зараза», — чертыхнулся в душе Рязанцев. Первое, что пришло на ум, — провести очную ставку, тогда от показаний предателя ничего не останется.

«Не останется? А эта чертова бумага? Как ни крути, а из дела ее не выбросишь. Найдется буквоед, как пить дать, зацепится за показания Струка, и можешь не сомневаться — на Прядко, как на опере, однозначно поставит крест. А жаль, парень просто находка для оперативной работы», — Рязанцев возвратился к столу и снова стал перечитывать материалы дела Прядко.

В смелых, прямых и порой язвительных ответах Петра угадывались недюжинный ум и твердый характер, позволившие не только ему, но еще 46 человекам выжить и вырваться из окружения.

«А что, если... Это же не в кадровый состав. Такое предложение в отделе фронта могут поддержать, — зажегся Рязанцев новой идеей. — Зафронтовой агент! Тут нет никаких препятствий. Нет? А вдруг не вернется? Нет, Прядко не тот человек. И все-таки мало ли что — нарвется на фрицев, погибнет, и тогда всех собак на меня спустят. Вспомнят про показания Струка и обвинят, что матерого шпиона отпустил. Матерого? Ну, если так рассуждать, то на хрена ты это место занимаешь. Надо рисковать, но с подстраховкой. Для начала отправить с заданием: провести войсковую разведку ближайших тылов фашистов, и не одного, а с надежным прикрытием. Первый кандидат уже есть — Сыч, второго подыщем, а потом и решение примем», — определился Рязанцев и снял трубку телефона.

Ответил дежурный:

— Слушаю вас, Павел Андреевич.

— Где Прядко?

— Здесь, внизу.

— Проводи ко мне.

— Есть! — коротко ответил дежурный, и из коридора донесся дробный стук каблуков.

Рязанцев собрал со стола документы и, положив их в сейф, прошел к столику, коснулся чайника — он еще не остыл — и заглянул в шкаф в поисках сахара. Стук в дверь отвлек его от этого занятия.

— Войдите! — крикнул Рязанцев.

На пороге появился дежурный и доложил:

— Прядко по вашему приказанию, Павел Андреевич.

— Пусть заходит. И еще, Володя, скажи коменданту, чтобы сахарку подкинул, а если есть, и свежих сухарей, а то у меня такие, что зубы сломать можно.

— Сделаем, — дежурный кивнул головой и отступил в сторону.

Петр шагнул в кабинет, остановился у порога и исподлобья посмотрел на того, кто подписал роковую ориентировку, зачислившую его в разряд предателей, и затем пробежался взглядом по кабинету. Его отличали непривычные для фронтальной полосы чистота и порядок, лишнего ничего не было. Видное место, как и положено, занимала святая для большевиков «икона» — портрет Сталина. В углу на разлапистой металлической треноге громоздился массивный сейф.

«Сколько же в этом чертовом ящике несчастных человеческих душ томится?» — невольно подумал Петр и косил глаза вправо.

Рядом с сейфом на вешалке висели автомат, полевая сумка и плащ-палатка. От вешалки до двери выстроился ряд разнокалиберных табуреток и стульев. Напротив между двух окон, густо забранных решетками, стоял большой двухтумбовый стол.

«А как драпать будешь, если фрицы нагрянут? Зубами решетки грызть станешь?» — позлорадствовал Петр над хозяином кабинета и посмотрел на него.

Форма, словно с иголочки, ладно сидела на спортивной фигуре Рязанцева. Свежий подворотничок отливался легкой синевой. Наглаженная на рукавах гимнастерка, казалось, рубцами резала воздух.

«Хлыщ кабинетный! Посмотрел бы я на тебя на передовой. Не утюжком, а своим брюхом землю бы утюжил. Чистюля хренов! Да-а, не чета горлохвату Макееву. Этот все нервы вымотает», — пришел к неутешительному для себя выводу Петр и, вглядываясь в лицо Рязанцева, пытался понять, к чему готовиться.

Высокий лоб, русые, слегка вьющиеся волосы и необыкновенной синевы глаза выдавали в нем выходца из северных областей России. Жесткие складки у рта и волевой подбородок свидетельствовали о твердом характере капитана. Ранняя седина на висках говорила о том, что, несмотря на свои тридцать с небольшим лет, ему пришлось повидать в этой жизни всякого.

Они встретились взглядами. В выражении глаз Рязанцева не было того леденяще-обжигающего и беспощадно-обвинительного блеска, который Петр видел у Макеева и ему подобных. В них читалось обыкновенное любопытство, а сама поза Рязанцева не таила в себе скрытой угрозы. Особист с нескрываемым интересом разглядывал Прядко. Тот смутился и не сразу понял, что к нему обращаются.

— Здравствуй, Петр Иванович. Чего стоишь? Проходи, садись, — с характерным оканьем заговорил Рязанцев.

— Э-э... Здравия желаю, товарищ капитан, — сбивчиво произнес Петр и присел на крайний стул.

— Подсаживайся ближе.

— Уже насиделся.

— Все на Макеева злишься? — догадался Рязанцев и добродушно заметил: — Не держи на него зла, что поделаешь — война.

— Значит, людей по одному слову можно в расход пускать?

— Так уж по одному слову?

— А что, разве не так? Сорок шесть говорят одно, а какой-то гад лепит другое, и ему верят. Если так дальше пойдет, то скоро воевать некому будет, — не сдержался Петр и пожалел о том, что сказал.

Синева в глазах Рязанцева сгустилась, губы сошлись в тугую складку, а пальцы сжались в кулаки. Петр поник и приготовился к потоку брани и угроз. Прошло мгновение-другое, и ставшую вдруг вязкой тишину нарушил голос особиста, в нем зазвучал металл:

— Говоришь, по одному слову — и в расход? Если хочешь знать, то на тебя их вагон и маленькая тележка, но ты-то живой.

— Пока.

— Брось, нечего раньше времени себя в покойники записывать. Там, — Рязанцев ткнул пальцем вверх, — тебя не ждут.

— Я... Я... Это Макеев...

— Дался тебе Макеев. Вот что, Петр, давай-ка виноватых искать не будем — не благодарное это занятие. Но врага проморгать ни Макеев, ни я не имеем права. Такая наша служба.

— Понимаю, но когда сорок шесть говорят одно, а Макеев их херит какой-то вшивой бумажкой, как быть? — твердил свое Петр.

— Да что ты заладил: сорок шесть да сорок шесть.

— Другого ничего не остается. Вы же не верите ни одному моему слову.

— Слово, конечно, к делу не пришьешь, но...

— Вот-вот! Получается у меня один выход: бежать к фрицам за справкой. И словечко же Макеев придумал — пособник. Тоже мне нашел...

— Стоп, Петр Иванович, не лезь в бутылку! — оборвал его Рязанцев. — Давай договоримся, если хочешь, чтобы разговор получился, то запомни: первое — оценки своим подчиненным я как-нибудь сам дам и второе — в контрразведке вшивых бумажек не бывает.

Петр потупился и невнятно пробормотал:

— Понял, товарищ капитан, но без вины виноватого во враги народа записать — это...

— Ну, хватит одно и то же повторять. Сколько ты знал Струка?

— Струка?

— Его.

— У-у, сволота, своими бы руками задушил! — и Петр яростно сверкнул глазами.

— Так сколько?

— Месяц, может, больше. Точно не скажу, не до того было. К отряду он прибилась где-то под Житомиром.

— Ладно, это уже не столь важно. Что про него знаешь? Только без эмоций, честно.

— Э-э, — замылся Петр, ненависть к предателю путала мысли, и, пожав плечами, ответил: — Боец как боец, ничем особенным не выделялся — обыкновенный.

— Вот-вот, обыкновенный. Но ты с ним месяц воевал и не раскусил, а от нас требуешь, чтобы мы в один миг с тобой разобрались, да еще когда против тебя имеются прямые показания фашистского агента.

— Так он же, сволочь, набрехал.

— Но это еще надо доказать.

— И... и... Доказали? — голос Петра дрогнул.

— Проверяем.

Рязанцев свернул разговор и предложил:

— Давай чайком побалуемся.

Петр не нашелся, что ответить, и, подозревая подвох, ловил каждое движение и жест Рязанцева. Тот, лукаво улыбнувшись, спросил:

— Может, чего покрепче?

Тон, каким это было произнесено, а еще больше веселые зайчики, заскакавшие в глазах Рязанцева, сказали Петру больше всяких слов. С души словно камень свалился; теплая волна поднялась в груди, и у него вырвалось:

— С вами, товарищ капитан, хоть уксус!

— Чего-чего? — переспросил Рязанцев и расхохотался.

Смеялся он искренне, от души. В уголках глаз лучились морщинки, на щеках появились забавные ямочки, а лицо

приобрело озорное, ребячье выражение. Оно окончательно растопило лед настороженности, которую все еще испытывал Петр, и робкая улыбка появилась на его губах. Справившись со смехом, Рязанцев теплым взглядом прошелся по нему и многозначительно заметил:

— Не знаю, как там с уксусом, но крови фрицам мы, похоже, попьем. А пока предлагаю побаловаться чайком.

Встав из-за стола, он прошел к столику, потрогал рукой чайник — вода в нем успела остыть — и, выглянув в коридор, окликнул:

— Володя?

— Я, Павел Андреевич! — отозвался дежурный.

— Куда комендант запропастился?

— Где-то здесь.

— Сказал ему про сахар и сухари?

— Да.

— Если сейчас не принесет, то потом себе сухари сушить будет. И пусть прихватит чайник с кипятком, в моем давно остыл.

— Сделаем, Павел Андреевич, — заверил дежурный.

Возвратившись к столу, Рязанцев пошутил:

— С моим комендантом, Петр Иванович, как бы ни пришлось воспользоваться твоим предложением — пить уксус, — и затем поинтересовался: — Небось голодный, а я тебя одним чаем потчевать собрался.

Петр пожал плечами.

— По глазам вижу, голодный. Разносолов у меня не водится, но сало найдется. Ты как к нему относишься, только не говори, что со мной за компанию хрюкать станешь.

— Какие могут быть возражения, товарищ капитан, я ж на Украине родился.

— Ах да, что за хохол без сала и горилки. Ладно, соловья баснями не кормят. Подсаживайся ближе к столу, — пригласил

Рязанцев, затем открыл шкаф и принялся выставлять на стол кружки и миски.

В это время постучался комендант. В одной его руке сердито попыхивал чайник, а в другой громоздились кульки. Из-за них выглядывала встревоженная физиономия: угроза сушить для себя сухари была не пустым звуком. Торопливо сложив все на стол, комендант поспешил оправдаться:

— Извините, товарищ капитан, пришлось к Гончаренко сбегать. У него разжился сгущенкой.

— А наша чем хуже? — удивился Рязанцев.

— Вчера закончилась.

— А ты тогда на что, если к Гончаренко за каждой мелочевкой бегашь?

— Закрутился, забыл.

— Михаил Алексеевич, я тебе уже не раз говорил: нельзя жить одним днем, наперед думай. Намотай себе на ус — у нас не богадельня, а особый отдел. Понял?

— Так точно! Исправлюсь, Павел Андреевич.

— Сейчас проверим. Хорошее сало сможешь достать?

— Считайте, что оно на столе! — заверил комендант и ринулся к двери.

— Старательный парень, а организованности пока не хватает, за все дела разом берется, — бросил ему вслед Рязанцев и, разлив кипяток по кружкам, спросил у Петра: — Ты как, с заваркой или со смородиновым листом?

— Лучше со смородиной.

— Правильно, больше и аромата, и пользы, — поддержал Рязанцев и пододвинул к нему коробку из бересты.

В ней горкой лежали подсушенные листья смородины. Петр взял щепотку, опустил в кружку, и в кабинете запахло летним садом. Он глубоко вдохнул и закрыл глаза. Этот довоенный запах на мгновение заставил забыть о ненавистном Струке, Макееве, ужасах отступления и смерти, витавшей над ним до последнего времени.

— Ты сахар, сахар бери, не стесняйся, — напомнил о себе Рязанцев.

— Да-да, — встрепенулся Петр и потянулся к сахарнице.

Не успели они выпить по первой кружке, как в кабинет возвратился комендант и, выложив на стол здоровенный шмат сала, заявил:

— Лучшего сала, Павел Андреевич, не найти!

— Хороший был хряк. Случайно, не у Гончаренко разжился? — уколол его Рязанцев.

— Не, свои запасы имеем.

— Молодец!

— Разрешите идти? — повеселевшим тоном спросил комендант.

— Да, — отпустил его Рязанцев и, улыбнувшись Петру, заметил: — Под такую закуску грех не выпить.

Не ожидая ответа, он достал из шкафа фляжку со спиртом и, разлив по кружкам, предупредил:

— Чистый, не разбавленный.

Они сдвинули кружки, их взгляды встретились, и на душе Петра потеплело. Ему казалось, что он снова среди своих бойцов, объединенных бескорыстным духом боевого братства, истинную цену которого определяли дела и поступки.

— С возвращением, Петр Иванович, — буднично произнес Рязанцев и залпом выпил.

Петр кивнул и последовал его примеру. Спирт оказался медицинским — девяносто шесть градусов. Во рту запылало, а из глаз брызнули слезы. Он лихорадочно зашарил по столу в поисках кружки с чаем. Расплескивая по гимнастерке, Петр выпил его до дна, а когда пришел в себя, смахнул набежавшие слезы и с трудом выдохнул:

— У-у-х, и крепкий же, чертяка, не то что шнапс фрицев.

— Ты на сальце, на сальце налегай, — Рязанцев пододвинул ему нарезанные ломтики сала.

Комендант не подвел: сало действительно оказалось отменным и таяло во рту. Под него вторая порция спирта пошла легче. Петр окончательно размяк и прочувственно произнес:

— Как будто и войны нет.

— Будь она трижды проклята! — с ожесточением произнес Рязанцев и поинтересовался: — Тебя она где застала?

— В Ковеле.

— А меня в Рава-Русской. В первый же день пол-отдела потерял. Эх, какие ребята были! С Вадиком Лихачевым вместе всю финскую прошли — и ни одной царапины, а тут один осколок и все — нет человека, — с болью в голосе произнес Рязанцев.

— То же самое и в моем полку. Склад ГСМ сразу накрыло. Остались без горючки. Машины стали колом. Связи нет. Никто и ничего не знает. А тут еще командира с начальником штаба снарядам убило, — мучительно вспоминал Петр.

Участливый взгляд Рязанцева располагал к откровенности, и, поддавшись чувствам, Петр излил ему все, что бередило душу. Это была типичная история окруженца.

Они, рядовые и командиры, в те первые, полные ужаса и кошмара июньские дни срок первого, испытали настоящий шок и трепет перед невиданной мощью, казалось, не знающей сбоев военной машины вермахта. Огненно-свинцовый вал безжалостным катком прокатился по ним. Одни остались навечно в земле, другие попали в плен, но были третьи, кто продолжал отчаянно сопротивляться. И вдруг, о чудо, гитлеровская машина начала давать сбой!

Эти, пусть маленькие, добытые самой дорогой ценой, победы над многократно превосходящим врагом вернули окруженцам веру в себя и дали надежду на то, что им удастся не только выжить, но и выстоять. Именно там, в гитлеровских котлах сорок первого, начал коваться тот удивительный сплав победителей, которые в ликующем мае сорок пятого поставили

последнюю точку в самой кровопролитной и жестокой войне двадцатого века.

Опытный контрразведчик и тонкий психолог Рязанцев разглядел эти качества победителя в Петре Прядко и окончательно утвердился в том, что перед ним находится настоящая оперативная находка и прирожденный разведчик. Он, в мирное время хваткий и пробивной интендант, не потерялся и не сгорел бесследно в безжалостной топке войны. Петр проявил себя прирожденным командиром, за которым подчиненные готовы были идти в огонь и воду. Война, этот безжалостный экзаменатор, отмеряла каждому его цену; она сметала шелуху повседневности и обнажала внутренний стержень — характер.

«Чего-чего, а характера тебе, Петр, не занимать, на двоих хватит. Не зря поговорили по душам. Не ошибся я в тебе — ты настоящий разведчик, но об этом позже», — решил Рязанцев, с теплотой посмотрел на захмелевшего Петра и спросил:

— Может, еще чайку?

— Спасибо, напился, — отказался Петр.

— А сало?

— Не, уже ничего не лезет.

— Тогда отдыхать, а завтра на свежую голову поговорим о деле, — не стал настаивать Рязанцев, снял трубку телефона — ответил дежурный, и распорядился: — Володя, значит, так: определи, где квартировать Петру. На довольствие поставь во взводе охраны. А главное — организуй баньку, чтобы смыл все грехи, те, что есть, и те, каких не было, — с добродушной улыбкой на лице закончил разговор Рязанцев.

— Есть, Павел Андреевич, сделаем все в лучшем виде! — заверил дежурный.

Из кабинета Петр вышел, не чувствуя под собой ног. Его переполняли радость и опьяняющее чувство свободы. Чудовищное обвинение в предательстве отпало. Он спуускался по

лестнице и не слышал телефона, надрывавшегося в дежурке, не замечал двух затравленных красноармейцев с кровоподтеками на лицах — очередной пары вражеских агентов-диверсантов, захваченных разыскной группой особистов.

«Мне поверили! Я чист!» — повторял про себя Петр. Выйдя во двор, он вдохнул полной грудью бодрящего морозного воздуха, и голова пошла кругом. В эти счастливые мгновения ему казалось, что он заново родился.

— Так как, сначала порубать или в баню, товарищ техник-интендант 1-го ранга? — вернул его к действительности голос дежурного.

— А-а? Что? — Петр не сразу понял, о чем идет речь.

— Я говорю: порубать или в баню?

— В баню! В баню!

— Хозяин — барин, — не стал настаивать дежурный и, повернувшись к гаражу, позвал: — Старшина! Пилипчук!

В ответ из распахнутых ворот надсадно фыркнул двигатель и снова заглох.

— Пилипчук! Ну, где ты там?

— Шо надо? — наконец отозвался тот, и из гаража появилась коренастая фигура. Хитрющая физиономия старшины говорила, что ее хозяин способен не только организовать баню, но при желании и найти в раю даже черта.

— Семеныч, сколько можно ждать? — ворчливо заметил дежурный.

— Та шо, мини разирваться? Машину на колеса поставь. Караул с арэстантамы отправь. Сэйф Бондарю достань. Шо, кроме мэнэ никого бильше нэма?

— Перестань, не бухти. Вот видишь товарища?

— Бачу. И шо? — буркнул Пилипчук и стрельнул в Петра оценивающим взглядом.

— Так вот, Семеныч, тебе особое поручение от начальника: позаботься о нем, как о родном сыне. Для начала банька, по-

том напоить-накормить и к хорошенькой вдовушке под бок положить.

— Може, ще свечку подэжраты?

— Свечку? — хохотнул дежурный и язвительно заметил: — Еще чего, запусти козла в огород, так без капусты останешься.

— Сам ты такой, — огрызнулся Пилипчук и, не став вступать в перепалку, спросил у Прядко: — Рушнык, мыло, чиста нижняя одежда еэ?

— Нет, только воз грязи, — Петр шуткой попытался смягчить разговор.

Она не тронула сурового старшину. Насупившись, он буркнул:

— И дэ я цэ визьму? Я шо, фокусник?

— Семеныч, кончай вольтить. Ты старшина или кто? Тебе что, непонятна задача начальника? Техник-интендант 1-го ранга должен сверкать, как новая копейка, — дежурному надоели пререкания старшины, и он повысил голос: — Кончай разговорчики и выполняй приказ!

— Развэлось начальнивив, сховаться нукуды, — огрызнулся Пилипчук и кивнул Петру: — Пишы.

Утопая по колено в грязи на разбитой грузовиками и артиллерийскими тягачами дороге, они добрались до края села, и вошли во двор. В нем еще теплилась хрупкая и недолговечная на войне мирная жизнь. В хлеву тяжело ворочался скот, а за тонкой дощатой перегородкой сарая кудахтали невесть как уцелевшие куры. Небольшая, сложенная из самана хатка с веселыми синими ставеньками выглядела беззащитно и одиноко на фоне мрачных развалин.

Пилипчук отряхнул с сапог комья грязи, поднялся на крыльцо и постучался в дверь. Никто не ответил. Он осмотрелся и, не заметив живой души, позвал:

— Зинаида, дэ ты?

— А хтось туточки? — откликнулись из хлева.

— Цэ я, Пылыпчук. Принимай на постой.

— Так куды ш мини его? У мэнэ миста бильше нэма.

— И шо, мы такичкэ будэмо размовлятым? Выходь! — потребовал Пилипчук.

Из хлева показалась закутанная в платок по самые глаза бабенка неопределенных лет. Причитая на ходу, она засеменила к ним. Весь ее разнесчастный вид, кроме жалости, ничего другого не вызывал. Пилипчук смягчил тон и утешил:

— Та нэ вбывайся жэ так, Зинаида, вин тилькэ на пару ночей. Харч будэ наш.

— И куды ж мэни его ложить? — все сокрушалась та.

— Замисто Васыля, его нэ будэ.

— Ладно, заходьтэ, — пригласила Зинаида.

— Та ни, я пишов, у мэнэ дил по самэ горло, — отказался Пилипчук и напомнил: — Баньку, Пэтро, сам истопышь, вона в сусиднем огороде. Зинаида усэ знае, а чисту одежку я з хлопцем пришлю. Ну, бывай.

— Спасибо, — поблагодарил Петр и вслед за хозяйкой прошел в горницу.

Простенько убранная, она отличалась чистотой и порядком. Зинаида распахнула шторы, закрывавшую проход в соседнюю комнату, и пригласила:

— Проходьтэ, оцэ будэ ваше мисто. Звиняйте, бильше ничего нэма. В другой вже живуть два ваших хлопца.

— Все нормально. А как с банькой? — поинтересовался Петр.

— Вона тутэчки, недалэче, пишлы, — позвала Зинаида и вышла во двор.

Петр последовал за ней. Баня располагалась на соседнем участке и оказалась единственным строением, которое уцелело после бомбежки. Сложена она была добротнo и внутри имела вполне приличный вид. Кадушка с водой, парочка измочаленных дубовых веников, висевших под потолком, десяток поленьев, лежавших у печки, и тепло, исходившее из парилки, говорили о том, что баня не простаивала.

— А как с мылом и полотенцем? — спросил Петр.

— Вэртайся в хату, там визмэшь, — ответила Зинаида.

— Потом, а пока я растоплю печку.

— Ну, як знаэш. Мыло и рушнык у сэбэ в горнице визьмешь, а я пишла. Скотына мэнэ ждэ, — заторопилась Зинаида по своим делам.

Петр остался один. Осмотревшись, нашел под лавкой топор, вышел во двор, из валявшихся у стены бани чурбаков нарубил дров и растопил печку. Тяга в ней была отменная, и через несколько минут огонь жадно облизывал поленья. Поставив на плиту бак с водой, он, подхватив ведра, отправился к колодцу, натаскал в бочку воды и снова возвратился в дом. Там его застал красноармеец, присланный Пилипчуком; за его спиной болтался увесистый вещмешок. Прижимистый старшина вдруг ни с того ни с сего расщедрился. Эта щедрость стала понятна Петру, когда красноармеец полез в карман ватника, достал пачку папирос «Казбек» и, положив на стол, сказал:

— Это вам, товарищ техник-интендант 1-го ранга, от начальника.

— Мне? — опешил Петр и удивленно наблюдал за тем гастрономическим парадом, который демонстрировал красноармеец.

Из вещмешка одна за другой появились: банка рижских шпрот, банка костромской сгущенки, три банки тушенки, пачка сахара-рафинада, свежее испеченная буханка ржаного хлеба, сверток нижнего белья и настоящее туалетное мыло «Москва».

— Откуда все это?! — поразился Петр.

— Наш старшина, ежели захочет, так и танк может достать, — не без гордости ответил красноармеец.

— А с виду не скажешь.

— Это так кажется, ежели надо, так он в лепешку расшибется.

— Лепешек мне не надо, а старшине передай спасибо, — поблагодарил Петр.

Все это продуктовое богатство он отнес на стол хозяйке, а сам, прихватив полотенце, белье и мыло, возвратился в баню. Она еще не успела как следует прогреться, но его охватил зуд нетерпения. Стащив с себя обветшавшую, пропахшую запахом костра и пота одежду, Петр подхватил ведро с водой и дубовый веник, нырнул в парилку и погрузился во влажный, пахнущий дубовыми листьями полумрак. Освоившись, отыскал взглядом лавку, камни, от которых отдавало жаром, и плеснул водой. Они сердито зашипели, и теплая, расслабляющая волна окатила тело. Нашупав лавку, Петр в изнеможении растянулся, время от времени усилием воли заставлял себя приподняться и лениво охаживал дубовым веником живот и спину. Из этой полудремы его вывели стук в дверь и голос Зинаиды:

— Солдатик, ты ще живой?

— Живой-живой, хозяйка, — откликнулся Петр.

— Пора исты. У мэнэ усэ готово, — позвала она к столу.

— Сейчас буду, — Петр окатил себя холодной водой и стал собираться.

В горнице хаты его ждали щедро накрытый стол и сама хозяйка. Он ее не узнал. Зинаида преобразилась. На вид ей было не больше сорока. Тонкие, правильные черты лица ничуть не портил слегка курносый, задорно торчащий носик, черные, как воронье крыло, волосы пышными волнами ниспадали на плечи. Крепко сбитая, с развитыми формами фигурка не поддавалась возрасту. Изумление, написанное на лице Петра, не укрылось от пронизательного женского взгляда. Лукаво улыбнувшись, Зинаида певуче, с ударением на «г» произнесла:

— Та чего ж вы стоите? Сидайте.

Петр перевел взгляд на стол. Над казанком с вареной картошкой вился ароматный парок. Рядом с ним на блюде лежала запеченная в духовке курица. Среди мисок с солеными огурцами и помидорами тускло отсвечивала бутылка самогона.

— Зинаида, ну зачем! — воскликнул он.

— Хорошего человека сразу видно.

— Спасибо, но война же.

— Так шо ж типерича, нэ жыты?

— Оно-то так, и все-таки... — замялся Петр, пробежался взглядом по горнице и, не заметив продуктов из загашников Пилипчука, укоризненно покачал головой: — Зинаида, то, что принесли, выставляй на стол.

— Цэ же военнэ.

— Мы все военные — что на передовой, что в тылу. Забирай все себе.

— Ни. Як жэ можно?

— Можно! — отрезал Петр.

— Дякую, дякую, — повторяла Зинаида и от смущения, не зная, куда девать руки, затеребила пальцами поясок на кофте.

Петр обнял ее за плечи и, усадив на табуретку, сел напротив. Зинаида, оправившись от смущения, принялась хлопотать за столом, подкладывая ему в миску то картошку, то куски курицы, и при этом не забывала подливать в рюмки.

То ли от усталости, то ли от крепкой самогонки Петр вскоре опьянел и уже с трудом помнил, как добрался до кровати и, едва коснувшись головой подушки, уснул мертвецким сном. Не разбудили его ни грохот далеской бомбежки, ни голоса постояльцев Зинаиды. Впервые за последние пять месяцев он безмятежно провел ночь.

Ранним утром его поднял на ноги помощник дежурного по особому отделу. Петр быстро собрался, перекусил на ходу и отправился на встречу с Рязанцевым.

Тот уже находился в кабинете. На этот раз он был немногословен и деловит, поздоровавшись, пригласил Петра к столу, на котором была развернута карта. Петр бросил на нее взгляд: в полосе обороны 6-й армии по тылам гитлеровцев замысловато петляла жирно прочерченная зеленая линия и выходила к расположению 417-го стрелкового полка. Она повторяла путь его отряда. Он вопросительно посмотрел на Рязанцева.

— Ты правильно понял, Петр Иванович, — подтвердил тот его догадку. — Хорошо помнишь маршрут?

— Какие-то участки — да, а какие-то — не очень. Двигаться приходилось ночью.

— Понятно. Но зато прошли своими ножками и все видели своими глазами. Меня, а точнее, командование армии, интересуют два участка, — и карандаш Рязанцева остановился на зеленом пятне — дубраве, а потом проследовал к голубому блюду — озеру.

— К сожалению, Павел Андреевич, — Петр развел руками и с горечью обронил: — Я мало что могу сообщить. Но одно точно скажу: в дубраве фрицы стоят. Мои разведчики туда сунулись, напоролась на посты и еле ноги унесли.

— Что там?

— Гадать не стану. Дорога в дубраву свежая, хорошо накатана. И еще мои хлопцы слышали работу мощных моторов — танки или самоходки.

— О, это уже кое-что! — оживился Рязанцев, и карандаш в его руке переместился к озеру.

— Там, на бывшей центральной усадьбе колхоза, румыны — пехота, — не дожидаясь вопроса, пояснил Петр.

— Румыны? Пехота?

— Разведчики по форме и разговору догадались.

— М-да, дела. Теперь у меня появилось больше вопросов, чем ответов, — был озадачен Рязанцев.

Описав круг по кабинету, он остановился перед Петром и спросил в лоб:

— В разведку сходишь?

— Я-я?.. — Петр не нашелся, что ответить.

Предложение Рязанцева стало для него полной неожиданностью. Всем своим существом Петр противился возвращению в тот бесконечный кошмар, что преследовал его последние пять месяцев. Он поднял голову и, встретившись взглядом с Рязанцевым, опустил.

— Надо, Петр Иванович. Фрицы что-то затевают, а мы толком ничего не знаем. Ты те места знаешь. Ну, так как? — мягко, но настойчиво убеждал Рязанцев.

— Я ж не разведчик. Я... — мялся Петр.

— Не разведчик? Ты им родился! Лучше тебя это задание никто не выполнит, а это тысячи спасенных жизней.

— Понимаю, Павел Андреевич.

— Итак, решено? — Раз надо, так надо.

— Другого ответа, Петр, я от тебя и не ожидал. Молодец! — потеплевшим голосом произнес Рязанцев, снял трубку телефона — ответил дежурный. — Володя, ко мне в кабинет Кулагина вместе с Сычевым и Новиченко!

— Есть!

— Сычев? Серега? Он здесь? — обрадовался Петр.

— Да, а второй, Новиченко, тоже обстрелянный боец, с боями вышел из окружения. Так что притираться вам не придется.

— Им известна суть задания?

— В общих чертах.

— Как держать связь?

— По рации. Частоту и шифр получишь у Кулагина.

Стук в дверь прервал разговор.

— Войдите! — крикнул Рязанцев.

Первым вошел лейтенант Кулагин, за ним — Сычев. Увидев Прядко, он оживился. Последним переступил порог коренастый, крепко сбитый красноармеец, из тех, кто нигде не пропадет.

Рязанцев не стал тратить время на пустые разговоры и сразу перешел к делу:

— Товарищ Сычев, товарищ Новиченко, представляю вам командира разведгруппы товарища Прядко. Вопросы, возражения есть? — В ответ было молчание. — Нет? Задание всем понятно?

— Так точно! — в разной манере ответили разведчики.

— Николай Петрович, машина к выезду готова? — обратился Рязанцев к Кулагину.

— Так точно, Павел Андреевич!

— Как обстановка на месте перехода?

— Фрицы ведут себя спокойно. У наших почти все готово. Осталось доделать проход в нейтралке. Минеры обещают за ночь управиться.

— В таком случае, как только стемнеет, выезжайте, — и, обращаясь уже к разведчикам, Рязанцев объявил: — Вы, товарищи, пока можете отдохнуть. С приездом на передовую вникните в обстановку. Завтра в вашем распоряжении весь день, чтобы в деталях изучить маршрут перехода через линию фронта. Предварительно его уже проработали, но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. По срокам выполнения задания — чем быстрее, тем лучше. Сами понимаете, прозеваем, потом локти будем кусать. В общем, ребята, постарайтесь. Я вас очень прошу.

— Постараемся, Павел Андреевич, — от имени всех заверил Петр.

— Тогда удачи вам, ребята, — Рязанцев крепко пожал руку каждому и проводил их до двери.

В оставшееся до отъезда время группе Прядко было не до отдыха. Получив на складе рацию, оружие, патроны, гранаты и сухой паек на неделю, Сычев и Новиченко принялись раскладывать все по вещмешкам, а Петр вместе с Кулагиным занялись изучением шифра. Но в тот вечер разведчики так и не смогли выехать на фронт. У Петра внезапно поднялась температура: воспаление легких свалило его с ног.

Глава 3

Две недели Петр провел в госпитале. За это время крепкий организм победил болезнь, и, едва оправившись, он возвратился в особый отдел. Там в ожидании заброски томились Сычев с Новиченко. Теперь уже вместе они принялись убеждать Рязанцева в готовности к выполнению задания. Но тот не стал форсировать события: внешний вид Петра говорил сам за

себя, и им пришлось задержаться еще на неделю. За это время стараниями старшины Пилипчука он твердо встал на ноги, и только тогда Рязанцев дал добро.

29 декабря разведчики в сопровождении лейтенанта Кулагина выехали на передовую, в расположение уже знакомого Петру и Сычеву 2-го батальона 417-го стрелкового полка, и провели еще сутки на КП, изучая позиции противника. Результаты наблюдений обнадежили: гитлеровцы не заметили саперов, проложивших под их носом проход в минном поле, и в ночь на 30 декабря Петр, Сергей и Владимир выбрались из передового окопа батальона и шагнули в неизвестность.

Валивший всю ночь снег не сбил Петра с пути — семнадцать километров, месяц назад пройденные им и Сычевым, намертво врезались в память. Рассвет застал разведгруппу в пяти километрах от элеватора; оттуда Петр намеревался совершать рейды в районы, где, по данным Рязанцева, гитлеровцы концентрировали силы для предстоящего наступления. Взвесив все «за» и «против», он решил понапрасну не рисковать.

Близость дороги и открытая местность вынудили разведчиков искать укрытие; им стал склад бывшей машинно-тракторной станции. Перекусив сухим пайком, они, разбившись на дежурные смены, прилегли отдохнуть, чтобы набраться сил перед последним броском.

С наступлением дня движение по дороге не прекратилось. Господство гитлеровской авиации в воздухе добавило нахальства армейским командирам. Колонны с боевой техникой продолжали двигаться без всякой маскировки. Сычев уже не мог смотреть на это без зубовного скрежета и в сердцах произнес:

— Сволочи! Как у себя дома.

— Недолго осталось. Рано или поздно дадим по морде! — категорично отрезал Петр.

В то же время у самого на душе скребли кошки. Данные наблюдений, которые он, Сычев и Новиченко заносили в блокнот, говорили о другом. За пять часов по дороге проследовали три

крупные военные колонны, насчитывавшие по 15–20 единиц техники. Вся она выглядела так, будто только что сошла с конвейера завода: военная промышленность Германии пока не давала сбоев.

Проводив внимательным взглядом хвост очередной колонны, Петр взял у Сычева блокнот с записями и поинтересовался:

— Все записал?

— Да. Восемнадцать боевых единиц и два «опеля», похоже, штабные.

— Сколько тяжелой?

— Девять.

— Новая?

— Хрен его знает. Глаза уже не смотрят.

— Пойди вздремни, — предложил Петр.

— Какой тут сон? Одно расстройство. Прут и прут. И где только наши соколы?

— Дай время, расправят крылья.

— Легко сказать, вон какая силища.

— И что? Нас этим уже не запугаешь, и не такое видали.

— Да уж, — лицо Сычева исказила гримаса. — Как вспомню Макеева, так жить не хочется. Сволочь тыловая, чуть под монастырь не подвел, — с ожесточением он вспомнил «знакомство» с особистом.

— Нашел, кого вспомнить. Слава богу, есть еще такие, как Рязанцев.

— Эх, Иваныч, разве в них дело? Спросить надо с тех, кто выше сидит.

— Спросят, и еще как спросят. Сейчас не время искать виноватых. Сейчас бить надо сволоту.

— Вот так всегда: пока гром не грянет, наверху не почешутся. Козлы! — И Сычева прорвало. — Я человек маленький и то даже жопой в мае почувствовал, что подпалят. А они чем думали? Прав товарищ Сталин — везде у нас враги сидели. Мало их к стенке ставили! Вспомни, что нам Козлов долдонил...

— Стоп, Серега. Не тот разговор ведешь, — оборвал его Петр и бросил быстрый взгляд на Новиченко. Тот спал.

А Сычев уже не мог остановиться:

— Тот — не тот. Кончилась терпелка! Это ж надо, силищу такую имели, а фриц нас за два дня раздолбал. Как так? Как?

— Будто не знаешь, — Петр замялся — его также мучил этот вопрос — и не нашел ничего другого, как повторить избитые утверждения: — Внезапность нападения. Вероломство...

— Иваныч, и это говоришь ты? Я — не Макеев. Вспомни, как наш комиссар распинался о дружбе с немецким рабочим. А он, падла, этот сраный рабочий, голой задницей перед нашими рожками тряс. Слепому было понятно, что фриц силу стягивает, а нас в летние лагеря, в солдатiki играть. Пушки — на полевые позиции, а снаряды — на складе. Танки — с пустыми баками, а у тебя на складе — ревизия. Так кто виноват? Гитлер? — негодовал Сычев.

— Стоп, Серега, остынь, — пытался утихомирить его Петр.

— Стыну уже полгода. Я их всех...

— Да угомонись ты! Побереги злобу на фрицев! — цыкнул на него Петр.

— Не переживай, ее у меня на всех их хватит.

— Вот и хорошо, а сейчас иди и спи. В нашем деле психовать и икру метать — себе дороже. Разведка шума не любит.

— Ладно, Иваныч, давай только без морали, я не пацан, — и Сычев, что-то бормоча себе под нос, отправился спать.

Петр, прихватив автомат, поднялся на наблюдательный пункт, приник к пролому в стене и, стараясь не попасть окулярами бинокля под луч солнца, сосредоточился на дороге. Движение по ней прекратилось, и теперь его занимало другое — как добраться до элеватора? Взгляд остановился на глубоком овраге: он начинался в сотне метров от склада, протянулся почти на три километра и заканчивался у водонапорной башни. Между ней и лесополосой, за которой мрачной бетонной громадой угадывался элеватор, простиралось открытое поле. В темноте

легко было заблудиться, и Петр стал искать ориентиры. Ими могли служить подбитый танк, покосившийся деревянный навес — это все, что осталось от полевого стана колхозников, и островок кустарника. Определившись с маршрутом, он снова переключился на дорогу — на ней по-прежнему царило затишье.

Белое безмолвие и убаюкивающий посвист ветра навевали сон, и, чтобы не заснуть, Петр принялся мысленно составлять рапорт для Рязанцева. За этим занятием незаметно подошла к концу смена. К этому времени дорогу окутала густая морозная дымка. Воспользовавшись этим, разведчики стали на лыжи, скатились в овраг и размашистым шагом двинулись вперед. Через час в вечерней мгле проступило циклопическое сооружение — элеватор. В блеклом лунном свете его стены, исклеванные осколками снарядов и пулями, походили на лицо человека, переболевшего оспой. Подобравшись ближе, они залегли и стали наблюдать. В мрачных развалинах элеватора и разоренной конторе царила кладбищенская тишина. Но Петр не стал рисковать и выслал вперед Новиченко. Прошло минут десять, когда наконец тот дал о себе знать.

— У-а, — печально прозвучало в воздухе.

— Не Соловей-разбойник, — язвительно заметил Сычев.

— Зато ты у нас Илья Муромец, — хмыкнул Петр и кивнул на вещмешок Новиченко. — Прихвати Вовкины вещички.

— Опять я, — буркнул Сычев и, взвалив на плечи два огромных вещмешка, поплелся за ним.

— Иваныч, ты што? Тут черт ногу сломит, — встретил их в штыки Новиченко и предложил: — Давай в контору перебираться.

— Остаемся здесь, — Петр был непреклонен.

— Туточки вонизма така-а-я, — не унимался Новиченко.

— Вова, не гоношись. То фрицы огнеметами шмаляли, — перебил его Сычев.

— И што с того?

— А то! Больше сюда не сунутся.

— Если мы раньше не загнемся, — буркнул Новиченко.

— Кончай разговорчики! — положил конец спору Петр и сбросил с плеч вещмешок.

Крепчающий мороз и голод, терзавший желудок, заставили разведчиков пренебречь опасностью. Они разбрелись по развалинам, собрали то, что осталось после пожара, спустились в подвал и развели костер. Сычев, не дожидаясь команды, развязал вещмешок, достал банку тушенки и предложил:

— Иваныч, надо бы устроить пир желудку.

— Давно пора, а то брюхо к хребту прилипло, — поддержал его Новиченко.

— Я что, против? Доставайте НЗ и сало Пилипчука.

— А 100 граммов наркомовских? — напомнил Сычев.

— Ради такого случая не грех и 200, — живо поддержал Новиченко и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: — Хлопцы, так сегодня ж Новый год!

— Точно! С этой долбаной войной забудешь, как себя зовут, — посетовал Сычев и бросил многозначительный взгляд на Петра.

Тот не стал испытывать их терпения, достал фляжку со спиртом и, подняв вверх, предложил:

— Давайте, ребята, выпьем за то, чтоб дожить до следующего года!

— Доживем! — дружно поддержали Сычев с Новиченко, и фляжка пошла по кругу.

Вскоре, разомлев от выпитого и тепла костра, Сергей и Владимир начали клевать носами. Петр отправил их спать, а сам заступил на пост, но чтобы зря время не терять, забрался на чердак элеватора и оборудовал там наблюдательный пункт. Отсюда, с высоты птичьего полета, дубрава, в которой гитлеровцы могли скрывать свой танковый кулак, лежала как на ладони. Теперь разведчикам оставалось запастись терпением и положиться на удачу.

Результат первого дня оказался плачевным — дубрава словно вымерла. Лишь изредка лязг металла и работа мощных двигателей свидетельствовали, что царящая в ней тишина обманчива. Движение на подъездных дорогах началось только с наступлением темноты. На этот раз гитлеровцы строго соблюдали светомаскировку, что лишний раз убеждало Петра в подготовке ими крупной наступательной операции. И тогда он решился на вылазку.

Вылазка едва не обернулась провалом: на подходе к дубраве они напоролись на боевое охранение и едва унесли ноги.

Второй и третий день также прошли впустую. До истечения срока выполнения задания оставались сутки, а Петру пока нечего было доложить Рязанцеву. Сведения о перемещениях гитлеровской техники мало что давали, и уныние охватило разведчиков.

Петр, нахохлившись, сосредоточенно смотрел на костер, будто в отблесках его пламени надеялся найти ответ на вопрос: как подобраться к дубраве? Но ничего другого, как попытаться взять языка, ему на ум не приходило.

— Опять этот «опель». Достал уже, гад, — голос Сычева заставил Петра встрепнуться.

— Какой? — машинально спросил он.

— Зеленый. Глаза уже намозолил.

— «Опель»? Намозолил? — и смутная догадка осенила Петра. Он схватил блокнот и лихорадочно зашелестел страницами. Дважды в день с постоянством маятника зеленый штабной «опель» проезжал перед ними.

«Офицер связи? Фельдъегерь? Секретные документы! Это последний шанс», — ухватился за эту мысль Петр и радостно вскрикнул:

— Ребята, не все потеряно!

— Братъ «опель»? — первым догадался Сычев.

— А там — штабная крыса, — предположил Новиченко.

Петр кивнул головой:

— Да. Других вариантов нет.

Разведчики, загоревшись этим планом, принялись дорабатывать детали, а потом, с аппетитом поужинав, легли спать, но так и не смогли сомкнуть глаз. Давали о себе знать нервы и проснувшийся азарт. Первым не выдержал Сычев и спросил:

— Иваныч, не спишь?

— Какой тут сон, — откликнулся Петр.

— Боишься, как бы не пролететь? Вдруг с дороги собьемся? Темень-то вон какая.

— Типун тебе на язык, — заворочался в своем углу Новиченко.

— Зачем маяться? Порубать — и вперед, — предложил Сычев.

— Все равно уже не уснем, — поддержал его Новиченко.

— Ладно, будем сниматься, — согласился Петр.

Перекусив, разведчики освободились от лишнего груза, стали на лыжи и направились к намеченному месту засады — мосту. Удача пока была на их стороне: мороз ослабел, пошел мелкий снежок, и им не пришлось маскироваться.

К мосту они вышли задолго до рассвета и, оборудовав укрытие, залегли в засаде.

Время тянулось томительно медленно. Наконец бледно-розовая полоска окрасила горизонт на востоке, и ночная мгла рассеялась. Наступил рассвет. В душе Петра поселилась тревога — опасение, что «опель» по какой-нибудь причине не появится на дороге в обычное время, не давало ему покоя. О том же думали Сычев с Новиченко; они бросали тревожные взгляды то на дорогу, то на часы. Стрелки лениво ползли по циферблату и бесстрастно отсчитывали секунды и минуты до восьми пятнадцати, когда зеленый «опель» должен был появиться на дороге. В запасе оставалось около четырех минут.

Первым услышал гул мотора Новиченко и сорвавшимся голосом крикнул:

— Едет! Едет!

Петр напряг слух. Сердце, забухавшее словно кузнечный молот, глушило звук.

— Слышу. Ну, давай! Давай! — торопил Сычев.

Здесь уже сам Петр увидел, как на выезде из лесополосы показалось зеленое пятно. Оно приближалось и быстро росло в размерах. Это был «опель»! Теперь все решали быстрота и натиск. Петр выбрался из укрытия и подал команду:

— По местам, ребята!

Сычев и Новиченко, передернув затворы автоматов, встали по обе стороны моста. Петр поправил на рукаве белую повязку, которая должна была убедить гитлеровцев, что перед ними полицейский, и вышел на дорогу. «Опель» стремительно приближался.

«Сто... Девяносто... Восемьдесят...» — мысленно считал Петр, а когда до машины осталось метров сорок, суматошно замахаивая руками и бросился навстречу.

Прошла секунда-другая, водитель ударил по тормозам. «Опель» пошел юзом и остановился в нескольких шагах от Петра.

— Минен! Минен! — на ломаном немецком истошно закричал он и, ухватившись за ручку дверцы, склонился над боковым стеклом.

На него таращилась рыбьими глазами растерянная физиономия капитана. Что-то сказав водителю, он приоткрыл дверцу, пробежался взглядом по Петру, Новиченко и задержался на Сычеве. В следующее мгновение холеное лицо капитана исказила гримаса ужаса, и сдавленный вскрик «Bandit!» как бич подхлестнул водителя. Он судорожно засучил ногами и руками: «опель» фыркнул мотором и прыгнул, подобно лягушке, на Петра. Тот едва успел увернуться и слетел в кювет.

Раскатистая автоматная очередь и скрежет металла слились в один звук. Боковое стекло разлетелось вдребезги, водитель рухнул на руль. «Опель», пропахав глубокую борозду, уткнулся в сугроб.

Сычев метнулся к машине. Капитан опередил его — рыбкой сиганул на обочину и кубарем покатился к реке. Сергей бросился вдогонку, но вынужден был залечь. Гитлеровец, отчаянно отстреливаясь, пытался прорваться к мосту и там спрятаться за опорный бык, до которого оставалось несколько метров. Автоматная очередь, выпущенная Сергеем, взметнула снег у ног капитана, тот дернулся и исчез за сугробом.

Петр пришел в себя, спрыгнул вниз и, откатившись под защиту дерева, взглядом искал гитлеровца. Тот бился в предсмертной конвульсии.

— Похоже, капец, — тяжело дыша, обронил подбежавший Сычев.

— Да. Эх, Серега, Серега... — не мог сдержать досады Петр.

— Я ж по ногам, Иваныч, — понурясь, промямлил тот.

— Лучше бы по яйцам.

— А если бы он под мост сиганул, то нам всем хана.

— Если бы да кабы...

— Иваныч! Иваныч! Глянь, что я нашел! — радостный вопль Новиченко положил конец перепалке.

— Ладно, Серега, забирай у фрица документы, а самого — в снег! — приказал Петр и, цепляясь за ветки кустарника, выбрался к дороге.

Навстречу, потрясая коричневым портфелем, бежал Новиченко. На душе Петра отлегло. В нем могло находиться то, за чем они охотились, — важные документы. Массивная сургучная печать на застежке была тому подтверждением.

Петр выхватил из-за пояса штык-нож, рассек ремень и встряхнул портфель. На дорогу посыпались пакеты. Подрагивающими от волнения пальцами Петр ухватил самый большой, сломал печать, разорвал плотную бумагу. В пакете оказалась карта! Все еще не веря в удачу, он развернул карту: красные и синие стрелы гитлеровских дивизий нацелились на оборонительные порядки 6-й армии Юго-Западного фронта,

— Ну что там, Иваныч? — сторя от нетерпения, тербил его Новиченко.

— Попали в самое яблочко! — ликовал Петр.

— Значит, дырку под орден вертеть?

— Если фрицы ее раньше в твоей башке не провертят. Смазывать надо! — поторопил подоспевший Сычев.

— Гляди, не накарай, — огрызнулся Новиченко.

— Каркай не каркай... — и Сычев осекся.

Со стороны лесополосы донесся рокот мощного мотора, и из-за поворота показалась самоходка. За ней катил грузовик. Времени на раздумья у разведчиков не оставалось.

— Фрица — в снег! Сами — в машину! — крикнул Петр, сгреб в портфель пакеты и бросился за руль.

Ключ зажигания торчал в замке. С замиранием сердца он повернул его. Машина отозвалась недовольным урчанием, но никак не хотела вырываться из снежного плена.

— Ребята, сюда! — позвал на помощь Петр. — Толкайте! Толкайте!

Новиченко с Сычевым, запихнув водителя в сугроб, навалились на «опель» с двух сторон. Петр вывернул руль и снова нажал на газ. Рыча мотором, машина поддавалась их усилиям и выкатилась на дорогу. Сергей с Владимиром на ходу запрыгнули на заднее сиденье, и Петр до пола утопил педаль газа. Они промчались около семи километров, но дальше не стали испытывать судьбу: за холмом виднелось большое село, там у гитлеровцев могла находиться комендатура.

На первом же повороте Петр свернул с дороги, выбрал укромное место и остаток дня разведчики провели в каких-то развалинах, а с наступлением темноты двинулись к линии фронта. Избегая дорог и населенных пунктов, шли всю ночь, когда наконец наткнулись на ряды колючей проволоки и дальше поползли по-пластунски. Вскоре в предрассветном полумраке проступила кромка окопа и послышалась родная речь. Не обращая внимания на ссадины, они рванули вперед. Их движение не осталось незамеченным: лязгнули затворы и над бруствером показались две головы.

— Стойте! Свои! — предупредил Петр.

— Свои в блиндаже сидят! Кто такие?

— Разведка!

После небольшой паузы тот же простуженный голос приказал:

— Ползите сюда! Только без фокусов!

Разведчики одним броском преодолели последние метры и скатились на дно траншеи. Над ними склонились две любопытные физиономии. Отдышавшись, Петр спросил:

— Где мы?

— А што тебе надо? — не терял бдительности старший дозора.

— Штаб 6-й армии.

— Далече собрались. А там кого?

— Тебе-то какое дело? Много будешь знать — рано состаришься, — потерял терпение Сычев.

— Помолчи, Серега! — осадил его Петр и поинтересовался: — Так сколько?

— Командир скажет, — держал строгий тон дозорный и распорядился: — Саня, отведи их к Давыдову!

Тот снял с плеча винтовку и извиняющимся тоном произнес:

— Двигай, хлопцы, и без глупостей.

Сычев недовольно засопел и попытался что-то сказать. Петр одернул его и подтолкнул вперед. Выстроившись в цепочку, разведчики двинулись за Александром, на краю оврага остановились и, придерживаясь за веревку, соскользнули вниз. Там располагался штаб 1-го батальона 415-го стрелкового полка. На входе в блиндаж их остановил часовой и спросил:

— Кто такие?

— Разведчики, — пояснил Саня.

— Погодьте! Я доложу командиру, — часовой исчез за дощатой перегородкой.

— В штанах от холодюки все звенит, а они в шпионов играют, — буркнул Сычев.

— Порядок есть порядок. Забыл про Струка? — напомнил Петр.

— Иваныч, тебе шпионы уже везде мерещатся.

— Он не последний...

Спор прервал часовой:

— Заходите!

Встретил разведчиков пожилой капитан. Его осунувшееся, заросшее густой щетиной лицо говорило о том, что фашисты ни днем ни ночью не давали покоя батальону. Пробежавшись внимательным взглядом по разведчикам, он устало произнес:

— Командир батальона Давыдов. А вы кто такие?

— Армейская разведка, — уклончиво ответил Петр и потребовал: — Свяжите...

— Подожди вязать! Кто послал? — перебил его Давыдов.

— Капитан, ты што? Тебе же ясно сказали: разведка! — не выдержал Сычев.

— Не тебя спрашивают! — цыкнул тот и повторил: — Кто послал?

Петр бросил настороженный взгляд на брезентовый полог, отгораживавший угол землянки, — из-под него торчали чьи-то ноги и, понизив голос, ответил:

— Особый отдел армии. Капитан Рязанцев.

— А-а, — в голосе Давыдова пропал металл. — Василий! Вася, вставай! — позвал он.

За пологом скрипнули доски, и в ответ просипело:

— Что-о? Что случилось?

— Вставай-вставай, — поторопил Давыдов.

Полог отлетел в сторону, и на свет показалась раскрасневшаяся от сна усатая физиономия. Сонно хлопая глазами, с нар сполз лейтенант и устался на разведчиков.

— Начальник штаба Блинов, — представил Давыдов.

Тот смахнул рукой остатки сна с лица и вопросительно посмотрел на него.

— Разведка. Вернулись с задания, — пояснил Давыдов.

— О! А где язык? Нам он вот как нужен, — оживился Блинов.

— Да погоди ты с языком. Лучше займись их устройством, — осадил его Давыдов, и затем спросил у Петра: — С кем в штабе связаться?

— С четвертым. И сообщите, что группа Прядко в полном составе вернулась с задания, — не стал вдаваться в подробности Петр.

— Доложу, — заверил Давыдов и, обратившись к Блинову, поторопил: — Что стоишь? Веди в первую роту. Потом подними Стороженко; пусть не жметя и растрясет свои заглашники.

— Не обидим, Михал Кузьмич, — заверил Блинов и, набросив на плечи полушубок, позвал: — За мной, ребята.

Разведчики вышли из блиндажа, спустились на дно оврага и через десяток шагов поднялись в землянку. Она имела вполне жилой вид, а главное — в ней было тепло. Посередине, весело потрескивая поленьями, стояла раскаленная докрасна печка. Вокруг нее вповалку спали пятеро красноармейцев. Растолкав их, Блинов приказал:

— Хлопцы, ноги в руки и бегом во второй взвод! До обеда там перекантуется.

Коренастый младший сержант, а с ним четверо красноармейцев, постреливая любопытными взглядами на разведчиков, собрали оружие, вещи и, не говоря ни слова, покинули землянку.

— Располагайся, разведка, как у себя дома, — великодушно разрешил Блинов. — А я к старшине за харчами.

— Спасибо, нам бы только чайку и поспать, — остановил его Петр.

— Как хотите. Все что найдете — ваше, — не стал настаивать Блинов и покинул землянку.

Не успела за ним захлопнуться дверца, как Сычев принялся колдовать над чайником и буржуйкой. Новиченко прошелся по полкам и выложил на стол горсть сухарей и три банки тушенки.

Петр тем временем проверил полевую сумку — карта, пакеты, документы капитана Ланге были на месте — и положил ее в изголовье нар.

Затем разведчики, стащив с себя пропахшие дымом костра ватники и валенки, казалось, приросшие к ногам, сели к столу. После первого стакана чая на них навалилась свинцовая усталость, и через пять минут они спали крепким сном.

Разбудил их Блинов, когда на дворе начало смеркаться, и сообщил хорошую новость — из особого отдела армии за ними прислали машину. Дорога до Степного, где располагался штаб 6-й армии, заняла полтора часа. Рязанцев оказался на месте и принял их без задержки. Вслед за ними в кабинет зашел старшина Филипчук и не с пустыми руками. Центр стола заняли добродушно посापывающий самовар и огромное блюдо, на котором лежала горка румяных пирожков с капустой и картошкой.

— Присаживайтесь, ребята! Почаевничаем, а заодно расскажите, что у фрицев творится, — пригласил к столу разведчиков Рязанцев.

— Павел Анатольевич, разрешите сначала доложить? — спросил Петр.

Ему не терпелось поделиться с ним общей радостью.

— Тут такая бомба! — выпалил Сычев.

— Крокодилище! — вторил ему Новиченко.

— Не пугайте. Живы-то останемся? — пошутил Рязанцев, и в его глазах появился азартный блеск, когда он увидел портфель из крокодиловой кожи.

Петр достал из него карту и расстелил на столе. Рязанцеву хватило беглого взгляда, чтобы оценить важность сведений, добытых разведчиками. В его широко распахнутых глазах смешались удивление, восхищение.

— Вот это да! Ай да молодцы! Действительно настоящая бомба! — Рязанцев все еще не мог поверить в такую удачу.

— В последний момент повезло! Мы уж и не надеялись, — смущаясь, отвечали разведчики.

— Вот это Новый год! Еще один подарок. Да какой!

— Фрицам под Москвой всыпали? — первым догадался Петр.

— Не то слово! Полный разгром! — и кулак Рязанцева опустился на стол.

— Что-о?! — в один голос вскрикнули разведчики.

— Полный. На триста километров отогнали.

— Триста? А сколько в плен взяли? А что говорит товарищ Сталин? — засыпали они вопросами Рязанцева.

Уже остыл самовар, стрелки перевалили за одиннадцать, а Петр, Сергей и Владимир были готовы снова и снова слушать рассказ Рязанцева о первой и такой выстраданной победе над фашистами.

— Теперь дело за нами, — с улыбкой завершил разговор он и, прощаясь с разведчиками, попросил: — Петр Иванович, а ты задержись!

Они остались одни. Петр вопросительно посмотрел на Рязанцева. Тот не спешил начинать разговор, от итогов которого зависело многое, и задумчиво тербил карту. В те тяжелейшие дни сорок первого, когда обстановка на фронте менялась каждый день, а враг, казалось, находился повсюду, иметь в чужом стане свои глаза и уши было пределом мечтаний военных контрразведчиков. Петр идеально подходил на смертельно-опасную роль своего в стае шпионов, диверсантов и террористов абвера. В его пользу говорили пять с лишним месяцев, пройденных с боями по тылам фашистов, и результаты выполнения разведывательного задания.

Отложив в сторону карту, Рязанцев поднял глаза на разведчика. Их взгляды встретились, и слова застряли в горле — у него язык не поворачивался предложить Петру снова окунуться в тот ад, из которого он с таким трудом вырвался. И не просто окунуться, а отказаться от самого себя, облечься в ненавистную личину предателя, и каждый день, каждый час доказывать свою лояльность и преданность ассам гитлеровской разведки. А они

на слово никому не верили и будущих агентов пропускали через жесточайшее сито проверок.

«Так как же нам быть, Петр? Как? — размышлял Рязанцев. — Одно дело, когда рядом находятся испытанные бойцы (тут сам черт не страшен), и совсем другое — оказаться в гитлеровском гадюшнике, абвере. Там стукач на стукаче сидит и каждый норовит подставить ножку, чтобы перед начальством выслужиться. Надолго ли у тебя хватит выдержки? Больно ты дерзок. И что? В абвере нужны не плюшевые, а дерзкие и решительные. Они дают результат».

Отбросив последние сомнения, Рязанцев задал Петру прямой вопрос:

— Петр Иванович, а как ты смотришь, если в разведку еще раз сходить?

На лицо Прядко легла тень. Подумав, он ответил:

— Если надо, так сходим.

— На этот раз придется отправиться одному.

— Одному?

— Одному. И надолго.

— Особое задание?

— Правильно мыслишь, Петр Иванович. Про абвер слышал?

— На своей шкуре прочувствовал, — вспомнил Петр про гитлеровского агента Струка.

— Так вот, Петр Иванович, надо проникнуть в это шпионское гнездо — абвергруппу-102.

— Мне?

— И не просто проникнуть, а стать там своим и закрепиться.

— Как своим? Да вы что, Павел Андреевич? — Петр захохотался от возмущения. — Быть в одной своре с такими, как Струк? Никогда. Я боевой офицер. Мое место в строю. Лучше...

Рязанцев не пытался его остановить, а дал выплеснуться эмоциям. Они захлестнули Петра. Нет, им двигал не страх, это была естественная реакция порядочного человека, у которого

одна только мысль примерить на себя личину предателя вызвала отвращение. И это лишний раз убеждало Рязанцева в правильности сделанного выбора.

Исчерпав гневный запал и избегая смотреть в глаза Рязанцеву, Петр обронил:

— Извините, товарищ капитан, ну, не мое это дело. Чего зря тратить время? Отправляйте на фронт. Там мое место.

— Мое, не мое... Это же кто тебе такое сказал? — не отступал Рязанцев.

— Как кто? Война.

— Тут ты прав. Она каждому определяет свою цену.

— Ну вот, сами видите: мое место в боевом строю, а не среди этих выб...

— Да погоди ты со своим строем, — перебил Рязанцев и зашел с другой стороны: — Ты до войны кем был?

— Я? Интендантом.

— Интендантом. А кем стал?

Прядко замялся.

— Молчишь? Тогда я скажу: боевым командиром! Да еще каким! Бойцы готовы пойти за тобой в огонь и воду.

— Так то ж свои! А быть в волчьей стае и подвывать... Не, не тот у меня голос, — упрямо твердил Петр.

— Свои, говоришь? — Рязанцев выдвинул ящик стола, достал фотографии и швырнул их на стол. С одной из них, утрюмо набывчившись, смотрел Струк.

— Иуда! Как его земля еще носит? — больше у Петра не нашлось слов.

Гнев и ненависть к предателю душили его. Рязанцев сгреб фотографии в ящик стола и напомнил:

— Из-за этого мерзавца твой отряд половину потерял. Не так ли?

В ответ прозвучал зубовой скрежет.

— Вот видишь, Петр Иванович, и все из-за одного мерзавца. Но этого могло и не быть, если бы в том абверовском

гадюшнике находился наш человек. А теперь представь: сколько таких струков затесалось в войска и сколько еще забросят?

— Сволочи! Душить их надо!

— Легко сказать, сначала надо поймать. А как? Мы, как слепые котята, тычемся, — в сердцах произнес Рязанцев.

— Я все понимаю, Павел Андреевич, но боюсь сорваться. Я же этих гадов... — и пальцы Петра сжались в кулаки.

— Не сорвешься. Справишься. Я знаю, что говорю.

— По мне, так лучше в штыковуюю.

— В нее и без тебя есть кому ходить, а вот в абвер внедриться — такое только таким, как ты, под силу.

— И все-таки, Павел Андреевич, может, кто другой? Меня от одной только мысли, что в струках придется ходить, выворачивать начинает.

— Надо, Петр. Очень надо. Кто, если не ты?

Это короткое «надо», сказанное Рязанцевым просто и буднично, для Петра значило гораздо больше, чем самые пламенные призывы. В те суровые дни сорок второго перед бойцами и командирами Красной армии стояла только одна задача — как можно больше забрать жизней врагов. Он тряхнул головой, словно освобождаясь от груза сомнений, и, встретившись взглядом с Рязанцевым, спросил:

— Когда приступать к заданию?

Рязанцев просветлел лицом, и его голос потеплел:

— С заданием не спеши, сначала надо подготовиться.

— И все-таки, когда выступать, Павел Андреевич?

— Недельки, надеюсь, хватит. Сегодня-завтра отдохнешь, а затем за дело.

— Вполне, — согласился Петр и, помявшись, спросил: — А как насчет баньки, а то шкура совсем задубела.

— Ждет. Пилипчук уже всюю шурует. Так что забирай Сычева с Новиченко и вперед. Знаешь куда идти?

— К Зинаиде?

— К ней.

— Спасибо.

— За что? За Зинаиду или баню? — лукаво улыбнувшись, спросил Рязанцев.

— И за то, и за другое, — в тон ему ответил Петр и поднялся из-за стола.

— погоди, — остановил его Рязанцев, достал из шкафа фляжку спирта, разлил по кружкам и предложил: — Выпьем за победу под Москвой. За победу, Петр Иванович!

— За победу! — повторил Петр.

Крепчайший градус вышиб из его глаз слезу, а рот опалило огнем. Рязанцев зачерпнул кружкой воды из ведра и сунул в руку. Петр выпил до дна, и огонь, полыхавший во рту, погас, а с глаз сошла пелена.

— Теперь закуси, — предложил Рязанцев и подал ломоть хлеба с куском сала.

— Не надо. Все нормально, — отказался Петр, встал из-за стола и на нетвердых ногах двинулся к выходу.

Рязанцев проводил его до комнаты дежурного и распорядился вызвать Пилипчука. Тот оказался поблизости и встретил Петра как старого знакомого. В особом отделе умели держать язык за зубами, но ушлый старшина каким-то непостижимым образом ухитрился узнать о вылазке группы Прядко в тыл к фашистам и теперь готов был расшибиться в лепешку, чтобы ублажить разведчиков.

В жарко натопленной бане их ждал щедро накрытый стол. На этот раз Пилипчук превзошел самого себя. Дюжина бутылок настоящего жигулевского пива заманчиво лоснилась в кадучке с водой. Изумленные лица Петра, Сергея и Владимира стали для старшины лучшей наградой.

После бани у разведчиков едва осталось сил, чтобы добраться до кроватей.

А на следующее утро изменчивая на войне судьба преподнесла им сюрприз: Сычева откомандировали в его родной Нижний Тагил, а Новиченко еще дальше — на Дальний Восток.

Это контрразведчики, заглядывая в будущее Петра, оберегали его от случайностей. Он остался один и, по их настоянию, без нужды не покидал дом Зинаиды.

Рязанцев, наученный прошлым горьким опытом провалов зафронтной агентуры, старался исключить любую утечку о предстоящей операции и максимально уменьшить возможные риски. А их было более чем достаточно. Но Рязанцев верил в Петра и не сомневался в успехе операции. Однако окончательное решение оставалось за начальником особого отдела Юго-Западного фронта. Перечитав адресованную ему докладную записку и не найдя в ней шероховатостей, Рязанцев вызвал шифровальщика и распорядился отправить ее в адрес Селивановского.

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Особого отдела НКВД СССР

Юго-Западного фронта

комиссару госбезопасности 3-го ранга

тов. Н. Селивановскому

ОБ УЧАСТИИ ЗАФРОНТОВОГО АГЕНТА ГАЛЬЧЕНКО В ОПЕРАЦИИ «ЗЮД»

5 января 1942 года мною осуществлена вербовка в качестве зафронтного агента под псевдонимом Гальченко бывшего техника-интенданта 1-го ранга Прядко Петра Ивановича 1913 г. р., уроженца м. Каневцы Чернобаевского района Полтавской области, украинца, кандидата в члены ВКП(б), с незаконченным высшим образованием, кадрового военного, в Красной армии с 1937 года.

В наше поле зрения Прядко попал по наводке разоблаченного агента немецко-фашистских разведорганов (абвергруппа-102) Сиплого — бывшего красноармейца И. Струка.

27 ноября группа бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в окружении войск противника, под командованием Прядко с боем вышла в расположение наших войск в полосе обороны 417 сп.

В ходе фильтрации и последующей агентурно-оперативной работы данные Сиплого в отношении пособничества Прядко гитлеровцам не нашли своего подтверждения.

Последующей оперативной разработкой установлено, что Прядко остался верен делу Ленина — Сталина и не опозорил высокого звания коммуниста. Находясь в окружении войск противника, он проявил решительность и твердость, сумел сплотить вокруг себя красноармейцев и с боями прошел более полутысячи километров.

В целях дополнительной проверки надежности Прядко в декабре 1941 г. он в качестве командира агентурно-боевой группы, куда входил агент Сыч, был направлен в расположение немецко-фашистских войск с разведывательным заданием. По его результатам представил ценные сведения, которые были использованы командованием 6-й армии.

В ходе выполнения задания Гальченко проявил себя как исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный. Быстро и хорошо ориентируется в боевой обстановке. К заданию отнесся серьезно и выполнил его точно, в соответствии с нашим указанием.

С учетом изложенного, полагаю целесообразным задействовать Гальченко в операции «ЗЮД» по агентурному проникновению в немецко-фашистский разведорган абвергруппа-102.

Начальник Особого отдела НКВД СССР
6-й армии Юго-Западного фронта
капитан

П. Рязанцев

№ 167/ОА от 5.01.42 г.

Так начался короткий и яркий путь в разведке Петра Прядко — разведчика под псевдонимом Гальченко. Этот псевдоним Петр взял в память о погибшем друге.

В ту первую военную зиму, когда вермахт потерпел первое поражение под Москвой, Красная армия, а вместе с ней и военная контрразведка смогли перевести дыхание, операция «ЗЮД» — такое кодовое название она получила с легкой руки Павла Рязанцева — стала одной из первых.

Глава 4

Совершенно секретно

Лично

*Начальнику Особого отдела НКВД СССР
6-й армии Юго-Западного фронта
капитану тов. П. Рязанцеву*

На № 167/ОА от 5.01.42 г.

Ваше предложение об участии зафронтового агента Гальченко в операции «ЗЮД» поддерживаю. После внедрения в состав абвергруппы-102 основное внимание сосредоточить на получении и оперативной передаче сведений о составе и содержании заданий забрасываемых в расположение частей Красной армии разведывательно-диверсионных групп противника.

Дополнительно доложите легенду прикрытия, под которой Гальченко будет внедрен, а также способы связи с ним.

Начальник Особого отдела НКВД СССР
Юго-Западного фронта
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Н. Селивановский

№ 4/2/123 от 7.01.42 г.

Прочитав шифровку, Рязанцев бросил взгляд на дверь — несколько минут назад она закрылась за спиной Прядко, но не стал его возвращать. Накануне Петр, приняв предложение внедриться в абвергруппу-102, через сутки усомнился в том, что сможет выполнить задание. Причина крылась не в страхе. За прошедшие полтора месяца Рязанцев имел возможность убедиться в том, что это чувство Петру было неизвестно.

Все оказалось гораздо сложнее и глубже. Коммунисту, вступившему в партию во время финской войны, человеку честному и бескомпромиссному, было поперек души перевоплотиться в отъявленного мерзавца и предателя. Рязанцев это видел и понимал, потому не пытался любой ценой склонить Петра к участию в операции. Он посчитал, что в сложившейся ситуации будет разумнее, если на время предоставить его самому себе.

Пока же в душе Петра царило смятение. Он все еще не мог принять произошедший несколько дней назад этот невероятный и немислимый поворот в своей судьбе и службе. Он, боевой командир, познавший на себе жестокость фашистов и мерзость предательства, пылавший лютой ненавистью к ним, готовый рвать их зубами, должен остаться в прошлом и превратиться в такую же мразь, как Струк. Но и этого было недостаточно, чтобы выполнить задание Рязанцева. Ему предстояло доказать прожженным, не верящим на слово вербовщикам абвера, что он, Петр Прядко, из всех предателей и мерзавцев самый подходящий.

«Все! К чертовой матери фашистскую псарню! Завтра так и скажу Рязанцеву. Скажу? Я же согласился? В конце концов, мужик я или нет? Ну не могу я! Не могу!» — терзался Петр.

— Эй, в сторону! Жить надоело? — сердитый окрик заставил его встрепенуться и отпрыгнуть в сторону.

Обдав снегом с головы до ног, рядом пронеслась полуторка. Выбравшись из сугроба, он перешел на натопанную тропку, ведущую к дому Зинаиды. Она к этому времени управилась со своим хлопотным хозяйством и теперь колдовала над плитой.

Там в чугунных казанках доваривались картошка и каша с тыквой, а на столе в миске матово поблескивали бочками ядреные соленые огурцы. Петр стряхнул снег с валенок и вошел в сени. В воздухе аппетитно пахло испеченным хлебом.

— Петро Иваныч, цэ ты? — окликнула Зинаида.

— Я, — обронил он и, повесив тулуп на гвоздь, направился в комнату.

— А обидать? У мэнэ усэ готово, — встала на его пути Зинаида.

— Спасибо, Зина, я не голодный.

— Ничего нэ знаю, сидай! — Зина подхватила Петра под руку и усадила за стол.

Петр безучастным взглядом смотрел на то, как она сняла с плиты казанок с картошкой, слила воду и принялась раскладывать по мискам.

— Та шо с тобой, Петро Иваныч? Так смотришь, шо кусок в горло не лезет. Може, сто грамив? — пыталась растормошить его Зинаида и, достав бутыль с самогонкой, разлила по кружкам.

Он покачал головой, достал из миски картофелину, повертел ее в руке и положил назад в миску, извинился и прошел в свою комнату. Там, свалившись на кровать, уставился в потолок и, продолжая мысленно разговор с Рязанцевым, старался найти веские аргументы, которые убедили бы его искать другого кандидата для выполнения задания.

Появление в доме Кулагина оживило атмосферу. Богатырская фигура лейтенанта, казалось, заполнила собой все свободное пространство. Перебросившись парой шуточек с Зинаидой, он прошел к Петру, мельком взглянул на его хмурое лицо и спросил:

— Скучаешь, разведчик?

— Не то слово, — буркнул Петр.

— Счастливый. А я как белка в колесе.

— Какое тут к черту счастье! Одна маета.

— Значит, я вовремя, — бодро заявил Кулагин и положил на стол папку.

- Что это? — вяло спросил Петр.
- Материалы по абвергруппе-102.
- Думаю, они уже ни к чему.
- Это почему же? — удивился Кулагин.
- Понимаешь... — и Петр замялся.
- Понимаю, не густо. Но если надо, организуем встречу со Струком, чтобы, как говорится, лицом к лицу...
- Чего?! С этой сволочью?
- Да ладно тебе. Не комплексуй, делов-то. Я их подлые рожи вижу каждый день — и ничего.
- Одно — видеть, а другое — жить.
- Не заморочивайся. Человек ко всему привыкает.
- Легко сказать. А если сорвусь? Задание насмарку.
- Перестань! Лучше тебя его никто не выполнит.
- И все-таки как представляю, что с гадами жить и из одной миски хлебать, так колотить начинает, — продолжал терзаться Петр.
- Зря себя накручиваешь, смотри на это проще.
- Стараюсь, ни черта не получается. Башка скоро расколется.
- Ты вот что, — Кулагин понизил голос, — лучше подумай о Зинаиде, ведь мается бедная баба.
- Что-о?
- А чего я такого сказал? Все при ней. А попка? Как орех, так и просится на грех.
- Да иди ты! — вспыхнул Петр.
- Все-все, уйду, а ты присмотришь; глядишь, голове легче станет, — хмыкнул Кулагин и вышел в горницу.
- В сенях еще какое-то время звучали голоса, затем скрипнула петлями входная дверь, и в доме воцарилась тишина. Петр проводил взглядом мелькнувшую за окном внушительную фигуру Кулагина и посмотрел на папку. В нем проснулось любопытство.
- Рука потянулась к папке, и под пальцами зашелестели протоколы допросов гитлеровских агентов, захваченных особистами, схемы расположения зданий и сооружений аб-

вергруппы-102 в городе Славянске. На глаза попались листы со знакомым почерком Струка — и кровь прихлынула к лицу Петра. Перед ним, как наяву, возникла с поразительной точностью картина боя у моста...

Отряд, зажатый между дорогой и рекой, попытался вырваться из кольца. Но гитлеровцы подтянули минометную батарею, интенсивным огнем накрыли отряд и отсекали отход к лесу. Спасение было только за рекой. Те, кто уцелел, решились на отчаянный шаг — прорываться к мосту. Петр поднял бойцов в атаку. Смяв первую цепь гитлеровцев, они вырвались на мост. Впереди, в десятке метров, начинался спасительный берег, и тут с обеих сторон обрушился кинжальный огонь пулеметов. Западня, устроенная Струком, захлопнулась. После этого гитлеровцы бросили в бой полицейав.

Пьяная орава в черных бушлатах, сотрясая воздух отборным матом, высыпала из перелеска и устроила безжалостную охоту на измотанных боем и голодом красноармейцев. Они, израсходовав все патроны и гранаты, не собирались сдаваться и бросились в рукопашную. Клубок человеческих тел, изрыгающий проклятья и стоны, скатился в болото. Зловонная жижа отбирала последние силы у раненых и слабых. На другой берег вместе с Петром выбрались всего девять человек.

Все это и истязания, которым подверглись попавшие в плен красноармейцы, излагал Струк в своих показаниях. У Петра уже не оставалось сил читать дальше. Он швырнул на стол эти, казалось, сочащиеся кровью его бойцов листки и заметался по комнате. В нем все клокотало от ненависти к предателю. Отбросив штору в сторону, он закричал:

— Зина, самогону!

Голос, а больше его вид напугали ее. Всплеснув руками, она вскрикнула:

— Божечка, та шож случилось? Петро, на тебе лица нэма!

— Самогон! Самогон давай! — твердил он и молотил кружкой по столу.

— Щас-щас, — запинаясь, повторяла она, трясущимися руками достала из кладовки бутылку и плеснула в кружку.

— Себе тоже! — потребовал Петр.

— Лью... лью. Только успокойся, милоч.

Бутылку в руках Зинаиды ходила ходуном; самогон плескался и на стол, и на руку Петра. Он не замечал и не чувствовал этого. Боль о товарищах, погибших, замученных в застенках гитлеровцев, и лютая ненависть к предателю Струку терзали ему душу. После второй кружки самогона стены, мебель и Зинаида поплыли перед глазами; калейдоскоп лиц живых и мертвых товарищей стремительно набирал скорость и закручивался в огромную бездонную воронку — он провалился в нее.

Очнулся Петр от боли — спазмы перехватили горло — и открыл глаза. Полоска света, сочившегося через неплотно задернутую штору, упала на лицо — это Зинаида спозаранку растопила печку и разогревала мешанку для телят. Тряхнув головой, он на нетвердых ногах вышел в горницу. Его вид вызвал тяжелый вздох у Зинаиды. Отложив кочергу в сторону, она захлопотала вокруг Петра.

— Выпей рассольчика, Петро Иванович. Выпей, сразу полегчает.

Петр пил-пил, пока не прошла сухость в горле и дрожь в пальцах, а затем возвратился к себе в комнату. Отлежавшись, принялся приводить себя в порядок: побрился до синевы, поменял подворотничок на гимнастерке и после завтрака полный решимости направился в особый отдел.

Дежурный — им оказался Семенов — без задержек проводил его в кабинет Рязанцева. Тот, несмотря на ночную поездку к линии фронта, был, как всегда, подтянут и, крепко пожав руку, предложил:

— Проходи, Петр Иванович, садись. Почаевничаем.

— Спасибо, Павел Андреевич, я позавтракал, — отказался Петр.

— Присаживайся, присаживайся. По тебе вижу, разговор предстоит серьезный.

Петр промолчал, присел на табурет, положил на стол папку и замялся, не зная, с чего начать. Рязанцев пододвинул папку к себе и, стрельнув в него испытующим взглядом, спросил:

— Изучил?

— Лучше бы не читал. До сих пор тот бой у моста стоит перед глазами.

— Да-а, попали вы в мясорубку, — посочувствовал Рязанцев.

— Не то слово.

— А все из-за одного мерзавца. Но этого могло и не быть, если бы...

— Павел Андреевич, я не пацан. Я все понимаю, — перебил его Петр и, потупив взгляд, сказал: — Извините за вчерашнее, вел себя как последняя...

— Перестань!

— Обещаю, заднего хода не будет. Я пойду на задание.

— Другого ответа я от тебя не ожидал, — в голосе Рязанцева зазвучали теплые нотки, и суровые складки, залегшие у губ, разгладилась.

Он деловито зашелестел документами, нашел лист со списком сотрудников абвергруппы-102, с данными, которые удалось собрать контрразведчикам, и, потрясая документами в воздухе, спросил:

— Что скажешь об этом зверинце?

— Клейма негде ставить. Ненавижу! Попадись мне, убил бы на месте! — глаза Петра гневно сверкнули.

— А вот это для разведчика уже плохо. Ненависть — плохой советчик. Запрячь ее подальше.

— Как? Понимать — понимаю, а сделать... — Петр развел руками.

— Надо, Петр Иванович. Абверовцы — они, как те собаки, которые чужака за версту чувят.

— Ну вот, а мне с ними в одной стае бегать, да еще подвывать. На этом и боюсь сорваться.

— С таким настроем — да, но... — Рязанцев задумался, а затем огорошил: — Помнишь, в сороковом тебя вызывали в особый отдел по недостатке на складе ГСМ? — и, не услышав ответа, спросил: — Что тогда было на душе?

Петр помрачнел и глухо сказал:

— Не хочу даже вспоминать.

— А все-таки?

— Честно?

— Конечно!

— Я бы таких, как Рохлис, и близко к органам не подпускал.

— Всяко бывает. Как говорится, в семье не без урода. Но дело не в нем, а в тебе. Так все-таки, что думал? — возвратился к своему вопросу Рязанцев.

Петр замялся.

— Ну, говори, говори, дело-то прошлое, — мягко, но настойчиво подталкивал к ответу Рязанцев.

— Враги пробрались в советскую власть, чтобы веру в нее в народе подорвать.

— Та-а-к, с врагами понятно. А как с властью?

— В каком смысле?

— В прямом. Что о ней думал?

— Э-э... — Петр не знал, что сказать.

— Наверно, обида была? Ты ей верно служил, а она тебя — под трибунал?

— Не, Павел Андреевич, я ее с Рохлисом не путал.

— Оставь его в покое. Если думаешь, я старое решил ворошить, то ошибаешься.

— Павел Андреевич, о чем вы? У меня этого и в мыслях нет. Вы меня, можно сказать, с того света вытащили. Я вам по гроб обязан! Я...

— Перестань! Речь не обо мне, а о том, как тебе выполнить задание и живым вернуться. А для это надо с одним важным вопросом разобраться.

— Каким?

— Скажу. Но сначала ответь: как ты относишься, нет, не к Рохлису — с ним все понятно, а в целом к органам?

— Ну-у, как и все.

— Это не ответ. Боялся? Ненавидел? Ну уж точно, не любил? — продолжал допытываться Рязанцев.

Петр смешался и, опустив глаза, невнятно пробормотал:

— А за что вас любить. Я...

— Давай-давай, дальше.

— По правде говоря, ничего хорошего я от вас не видел. Не успело заглохнуть дело по ГСМ, так меня с другого конца зацепили. Бойцы на складе языками чесали, а опер им антисоветскую агитацию начал шить. Я уж не говорю про Макеева. Этот меня с ходу в шпионы записал! Если бы не вы, то червей бы уже кормил.

— Выходит, тебе не за что нас любить? — заключил Рязанцев и следующей фразой снова поставил Петра в тупик: — А уж ненавидеть нас и советскую власть причин было более чем достаточно.

— Ка-ак? Вы что!

— Вот тебе и решение проблемы с абвером.

— То есть... — Петр осекся.

В следующее мгновение, просветлев лицом, воскликнул:

— Павел Андреевич, я все понял! На этом строить легенду?

— Совершенно верно! Ничего не надо накручивать, только боком выйдет. Идти от жизни.

— А если сюда еще Макеева приплести, то точно поверят.

— Плети-плети. И не стесняйся костерить нас, на чем свет стоит, — с улыбкой произнес Рязанцев и предложил: — А теперь чайком побалуемся.

В тот день к обсуждению операции они больше не возвращались. Рязанцев дал Петру время отдохнуть и как следует осмыслить ситуацию. Но гибкий и изобретательный ум раз-

ведчика не знал покоя: утром он предложил Рязанцеву легенду внедрения в абвер. Опытному контрразведчику в ней почти ничего не пришлось исправлять. В оставшееся до заброски время Петр с Кулагиным занялись изучением маршрута выхода в расположение гитлеровцев и доработкой способов связи.

12 января Рязанцев доложил в особый отдел фронта о готовности зафронтового агента Гальченко к участию в операции «ЗЮД» и уже вечером получил разрешение на ее проведение.

В ночь с 14 на 15 января Петр под видом дезертира-перебежчика перешел линию фронта. Его появление в блиндаже гитлеровцев вызвало переполох. Мордастый фельдфебель схватился за автомат, остальные застыли свечками и тарасились, как на страшное привидение, на обросшего густой щетиной, а от того имевшего еще более злоеший вид, русского старшего лейтенанта.

— Сталин капут! — произнес Петр, и появившаяся в его руках листовка-пропуск, которые с самолетов разбрасывались над позициями 6-й армии, вывела гитлеровцев из ступора. Фельдфебель опустил автомат и тупо уставился на него — живые советские офицеры не каждый день появлялись в блиндаже. В следующее мгновение чужие руки обшарили карманы Петра, а затем развернули лицом к керосиновой лампе.

— Сталин капут! — снова повторил он и с напряжением ждал, что последует дальше.

Фельдфебель наклонился к прыщеватому шуплому солдату и что-то сказал. Тот подался к оружейной пирамиде, выдернул автомат и, ткнув стволом в спину Петра, приказал:

— Schnell!

Они выбрались из блиндажа, прошли по лабиринту траншей, затем долго продирались через густой кустарник, когда наконец впереди в призрачном лунном свете показалось нахохлившееся под снежными шапками строение — контора бывшего шахтоуправления «Славянскуголь». В ней размещался штаб.

Цепь постов на подступах, дзот на въезде во двор, несколько машин и самоходка, стоявшие под маскировочным покрытием, подтвердили догадку Петра. Здесь, в одном из кабинетов, должна была решиться дальнейшая судьба его и операции.

Шло время, а его продолжали держать в каморке подвала. Холод безжалостно терзал окоченевшее тело. Спасаясь от него, Петр энергично тер руками лицо и приплясывал на месте, но это не спасало. Мороз усиливался, и, казалось, начали стыть не только кровь в жилах, но и мысли.

«Скорее бы все закончилось. Скорее!» — думал Петр и прислушивался к тому, что происходило в подвале. Как сквозь вату до него донеслись лязг засова, скрип двери: в проеме возник часовой и повел стволом автомата. Петр подчинился, на непослушных ногах протащился по длинному коридору и поднялся на этаж. В лицо ударила струя теплого воздуха, и он жадно вдохнул.

Холод, тисками сжимавший горло и грудь, отпустил, туманная пелена, застилавшая глаза, рассеялась, и Петр уперся в обитую железом дверь. Он перешагнул порог и оказался в просторном кабинете, когда-то принадлежавшем директору шахтоуправления. Об этом напоминали настенные часы и массивная настольная подставка с шахтерской символикой. В кабинете находились трое: майор, капитан и невзрачный субъект в гражданском костюме — переводчик.

Петр повернулся к старшему — майору. Тот, вальяжно развалившись на диване, смерил его равнодушным взглядом. Замызганный, в изодранной шинели пленный советский офицер, похоже, не вызвал у него интереса; он брезгливо поморщился и, что-то сказав капитану, вышел из кабинета.

«Абвер? Тайная полевая полиция?» — пытался определить Петр принадлежность капитана, но никак не мог сосредоточиться — его бил озноб.

— Фамилия, имя? — заученно произнес переводчик.

— П-п-рядко Петр Иванович, — с трудом выговорил Петр.

— Звание, часть, должность?

— Техник-интендант 1-го ранга. Начальник головного склада горючего 5-й армии Юго-Западного фронта.

— С какой целью перешел линию фронта?

— Не хочу воевать за Сталина и большевиков. Они мне всю жизнь изговняли.

— И что дальше? — задал вопрос капитан.

Обругав еще раз Сталина и советскую власть, Петр перешел к легенде прикрытия. Она не заинтересовала капитана. Не дослушав до конца, он остановил переводчика и потребовал: пусть сообщит данные о численности и расположении советских частей на участке 52-го армейского корпуса. Ответы капитана не удовлетворили, и он окончательно потерял интерес к допросу.

Петра выставили из кабинета и поместили в тесную каморку. Там под присмотром часового он изложил все письменно и дополнительно указал на наличие близких связей среди командования дивизии. Но и после этого гитлеровская разведка никак не отреагировала на советского офицера-перебежчика. Петра включили в общую команду военнопленных, которая с наступлением дня под конвоем вышла в Славянск.

Поздним вечером 16 января колонна военнопленных, измотанная долгим переходом, вползла в пригороды. От усталости Петр едва держался на ногах: остатки сил забрал раненый красноармеец, последние километры беднягу пришлось нести на себе.

Злобный лай сторожевых псов известил пленных: одни мучения для них закончились, впереди ждали новые. Из морозного полумрака почерневшими от непогоды зубьями трехметрового забора ощетинился сторожевыми вышками сборно-пересыльный пункт. В этом адском котле перемалывались жизни сотен невинных. Каторжный труд, издевательства охраны и жизнь впроголодь в считанные дни превращали военнопленных в доходяг.

Судорожно извиваясь, колонна вползла в ворота лагеря и растеклась по баракам, чтобы пополнить армию рабов. Вермахт

нуждался в новых пушках и танках, а ненасытное чрево круп-повских заводов требовало все больше и больше угля, руды, и потому жизнь лагерника ничего не стоила. Конвейер смерти не останавливался ни на минуту. Бригады пленных долбили в отвалах кирками и ломом смерзшуюся породу, выковыривали уголь, грузили в тачки, по хлипким доскам поднимали на высоту и сваливали в вагоны.

Петру выпала незавидная участь — кирковать породу. На пятый день после двух-трех ударов киркой начинали отниматься руки, и дала о себе знать недавняя болезнь — воспаление легких. В последнее время он просыпался с одной и той же мыслью: морозы спадают, и случится чудо — староста снимет его с бригады и пошлет в столовку. Там, под крышей, можно было отогреться и подхарчиться у знакомых из хлебрезки. Но наступал новый день. Мороз не спадал. А староста снова посылал его на отвал.

Петр понимал, что долго не протянет — силы таяли на глазах. Завтрака хватало самое большее на пару часов, а потом наваливались усталость и мороз. Холод проникал под истрепанную шинель, терзал и кусал измученное тело. К концу дня в нем, казалось, вымерзло все: мозг, кровь и кости, а в голове звучал только один звук — удар кирки. Он плющил и терзал мозг, вечером в зону возвращались не люди, а бледные тени. Миска вонючей бурды, в которой изредка попадались ошметки от картошки, на короткое время возвращала к жизни. В выстуженном бараке места у печки принадлежали старосте и его прихлебателям, остальным приходилось ютиться, где придется.

Подходили к концу шестые сутки плена. Чуть живой от усталости, холода и голода Петр пробрался на свое место, укутался с головой в то, что еще не отобрала охрана, чтобы хоть как-то сохранить каплю драгоценного тепла. На время боль в суставах и легких отпустила, унялась дрожь в теле, и он забылся в коротком сне с одной единственной мыслью: «Надо что-то делать, что-то выдумать, чтобы не загнуться на отвале».

Самой смерти он давно перестал бояться. Она находилась рядом и смотрела на него равнодушными, отупелыми глазами

доходяг, напоминала штабелем мертвецов, сложенных за стеной штрафного барака. Промерзшая, как бетон, земля отказывалась их принимать.

Петр с тоской думал о том, что возможно завтра, а может, послезавтра его оставят силы, он рухнет под откос и больше никогда не поднимется. Кто-то из охраны лениво приподнимется над костром, может, даже пальнет или натравит пса, но даже злобная псина, потаскав тело по площадке, бросит и вернется к теплу.

Потом чьи-то трясущиеся руки сдерут с деревенеющего тела то, что еще можно обменять у лагерной obsługi на пачку махры и чифирия. В конце дня другие доходяги взвалият на плечи залежавший труп и, как бревно, потащат в лагерь. Спотыкаясь, они будут проклинать его за то, что помер не по-человечески, за то, что отбирает последние силы. Уже в лагере, когда другие бригады будут хлебать вечернюю баланду, им еще придется стоять на плацу, пока бригадир не отчитается перед старостой по загнувшимся доходягам.

— Подъем! — истошный вопль нарядчика вырвал Петра из полузабытья.

Петр с трудом сполз с нар, на непослушных ногах проковылял на середину барака и встал в строй. На нарах и на полу осталось лежать несколько неподвижных тел — смерть собирала свою страшную жатву. Нарядчики, ухватив за ноги несчастных, поволокли к штрафному бараку. После переклички в барак вкатили четыре бака с похлебкой. К бакам тут же выстроились очереди.

Спустя тридцать минут конвейер смерти с немецким педантизмом сделал очередной оборот. Под лай сторожевых псов и крики охраны пленных вывели из барачков, построили на плацу. И пляска смерти продолжилась — старосты приступили к распределению на работы. Петр своей фамилии не услышал. Его и еще семнадцать человек под конвоем отвели в штабной барак. Он не пытался строить догадки, что ждет впереди, в изнеможении откинулся на стенку и растворился в тепле.

— Эй, Прядко! Прядко! — грубый окрик заставил его очнуться.

— А? Что? — не мог сообразить он.

— Шо, как мертвый? А ну, шевелись! — прикрикнул часовой.

Они прошли по коридору в противоположный конец и остановились у приоткрытой двери.

— Заходи! — приказал часовой.

Петр шагнул в кабинет. Там находился одетый в офицерскую форму без знаков различия человек лет пятидесяти, невысокого роста, худощавый, с тонкими чертами лица, на котором выделялись серые глаза, чем-то напоминающие буравчики. Цепким, пронзительным взглядом он обшарил Петра с головы до ног, кивнул на стоящий перед столом табурет и снова уткнулся в документы.

«Тертый калач. Такого на мякине не проведешь. Чем-то напоминает наших особистов. Наверно, из контрразведки или разведки?» — оценил «буравчика» Петр и, воспользовавшись моментом, исподволь разглядывал его. По приметам, которые дали Струк и другие агенты абвера, он имел сходство с Петром Самутиным — заместителем начальника абвергруппы-102.

«Пока везет, сразу на матерого зверя вышел», — оживился Петр.

Это не укрылось от наблюдательного «буравчика» — Самутина. Отложив документы в сторону, он с сарказмом произнес:

— Смотри, глаза не проешь. Что такой сладкий?

— Жить хочется, — не стал вилять Петр.

— Х-м. А там чего не жилось?

— Не дали.

— Тебе? Странно, с чего это ты, интендант Прядко, от любимой советской власти сбежал?

— Разлюбила.

— Как так? Ты за нее своей и чужой крови не жалел, а она вдруг разлюбила тебя?

«Похоже, гад, не только мои бумажки, но и доносы Струка читал. Точно — Самутин. Значит, абвер», — утвердился в своей догадке Петр и продолжил игру:

— Жить захотел.

— А там что не давали? Ты же у них герой. Небось за твои подвиги комиссары орденок нацепили?

— Угу, свинцовый пообещали, — буркнул Петр.

— Это за что ж тебя так? — допытывался Самутин.

— За все хорошее. Сволочи неблагодарные. Я им это не забуду!

Перескакивая с одного на другое, Петр рассказал, как попал к Макееву, как был обвинен в шпионаже и посажен под арест. Самутин внимательно слушал и что-то помечал себе в блокнот. Судя по выражению лица, такие истории ему были не в новинку. Опытный вербовщик, набивший руку еще в петлюровской контрразведке, он увидел в этом озлобленном и загнанном в угол бывшем советском офицере будущего перспективного агента.

Прядко был не чета безликому сброду, который, чтобы не подохнуть с голодухи и вырваться из-за колючей проволоки, готов был подписать любую бумагу и обещать все, что угодно. Такие агенты результатов не давали: у них хватало духа только на то, чтобы по мелочам гадить большевикам, а при первом удобном случае они норовили сорваться с крючка. Результат приносили те, кто ненавидел советскую власть или кем двигал циничный расчет. Прядко — бывший красный командир, до недавнего времени преданно служивший ей и отвергнутый ею, имел серьезный мотив поквитаться. И Самутин положил глаз на «пышущего ненавистью к Советам» смышленного офицера, но не спешил с предложением и дал ему выговориться.

Петр закончил свой эмоциональный рассказ и с напряжением ждал реакции Самутина. На его замкнутом лице трудно было прочесть ответ. Он умело держал паузу: встал из-за стола, прошелся по комнате, остановился напротив Петра и, сверля глазами-буравчиками, спросил:

— Говоришь, разлюбил советскую власть?

Петр поднялся с табурета и, встретившись с ним взглядом, отрезал:

— В гробу ее видел!

— Недолго осталось, к лету покончим! — самоуверенно заявил Самутин и задал тот самый главный вопрос, ради которого затевалась операция «ЗЮД»: — Не боишься опоздать?

— В смысле? — Петр делал вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Не прикидывайся дурачком. Я, что ли, за тебя грехи буду замаливать?

— Мне бы сначала домой. Два года не был. Там...

— Че-го-о? — глаза Самутина заледенели, и он разразился угрозами. — Сволочь, ты чего себе воображаешь? Я с тобой не в бирюльки играю! Ты на коленях должен ползать...

— Герр офицер! Герр офицер, я... я... — пытался вставить слово Петр.

Но Самутин не стал слушать и отрезал:

— Короче, Прядко, или будешь воевать против комиссаров и жидов, или в расход. Даю час. А теперь пшел вон!

Петру стоило немало труда сдержаться, чтобы не съездить по самоуверенной физиономии Самутина; пряча глаза, он выскочил в коридор и перевел дыхание на крыльце. Крепкий мороз пощипывал за уши, нос, но он не чувствовал этого и всеми своими мыслями находился в тесной прокуренной комнате штабного барака. В памяти с фотографической точностью всплывали каждый эпизод и слово из разговора с Самутиным.

Расчет Рязанцева, что гитлеровская разведка клюнет на обиженного советской властью кадрового офицера-перебежчика, оправдался. И хотя Самутин за все время беседы ни разу не упомянул слово «абвер», Петр не сомневался, что попал по нужному адресу. Манера разговора и внешность вербовщика, подпадавшая под описание Струка, являлись тому лишним

подтверждением. Но тут в Петре проснулась тревога: «А не перегнул ли палку? Стоило ли ломаться? Может, вернуться и...» — размышляя он.

— Эй, долго тут глаза мозолить будешь? Дуй отсюда! — окрик часового заставил Петра встрепенуться.

Натянув поглубже шапку, он потащился в барак. При входе в носшибанул смрад, казалось, навсегда впитавшийся в стены. Забившись в угол, Петр клял себя за то, что сразу не принял предложение Самутина.

«А вдруг уедет? Тогда все насмарку. Но он же дал час? И что? Нет, надо идти, пока не поздно», — решил Петр и прошел в конец барака. За деревянной перегородкой располагался староста со сворой подвывал. Сгрудившись у печки-буржуйки, они чифирили.

— Што надо, халдей? — смерив Петра недовольным взглядом, процедил тот.

— В штабной барак, — буркнул Петр.

— Приспичило?

— Комендант приказал.

— На кой хрен ты ему сдался?

— Поди сам спроси.

— Чего-о?

— Чего слышал, — огрызнулся Петр.

— Борзеешь, халдей. Ты у меня с кирки не слезешь! — пригрозил староста и, сплюнув под ноги, небрежно бросил: — Степан, отведи эту цацу.

Петр промолчал и направился к выходу. Вслед, как пощечина, прозвучало:

— Стукач.

Ему показалось, что это услышали в самом дальнем углу барака.

Одно слово, всего одно, безжалостно, подобно бритве, отсекло его от тех, кто мучился от голода и холода, кто медленно угасал от ран, но не смирился, не сдался и не вымаливал, не

просил пощады у гитлеровцев. Презрение этих несчастных тяжким бременем легло на Петра. Сутулясь, он побрел к штабному бараку. На входе часовой заставил его померзнуть и только потом проводил в комнату к Самутину.

Тот встретил его самодовольной ухмылкой и с издевкой произнес:

— Быстро ты созрел.

— Угу, — буркнул Петр.

— Проходи, садись, пока не остыло, — хмыкнул Самутин и кивнул на табурет.

Петр присел и ждал, что последует дальше. Самутин, покачиваясь на стуле, сверлил его глазами-буравчиками. Понурый вид пленного говорил сам за себя. Ослабившись, он с сарказмом сказал:

— Что-то на твоей физиономии не видно энтузиазма?

— В бараке остался, — выдавил из себя Петр.

— Ха-ха, — хохотнул Самутин и, согнав с лица ухмылку, заговорил рублеными фразами: — Шутки кончились. Будешь служить великой Германии или будешь выкобениваться?

— У меня есть выбор?

— Нет, но тебе крупно повезло. Про абвер слышал?

— На своей шкуре испытал, — буркнул Петр и зябко повел плечами.

— И как?

— Живого места не осталось.

— Тогда мне нечего распинаться. Дураком не будешь — не пожалеешь.

— Я понял, герр офицер, — Петр закивал головой.

— Раз такой понятливый, подсаживайся ближе, я не ку-саюсь.

Самутин взял из стопки чистый лист бумаги, положил на него ручку и пододвинул их к Петру:

— Пиши.

— Что писать? — насторожился Петр.

— Не очкуй, не завещание. Пиши по середине — «Подписка».

Тупое перо под рукой Петра скрипело, оставляло кляксы, и на бумагу ложились корявые буквы.

— Готово? Поехали дальше. — Самутин продолжил диктант. — Ниже: «Я, Прядко Петр Иванович, обязуюсь служить великой Германии и ее фюреру — фюреру с большой буквы — беспощадно бороться с ее врагами». Ставь точку. Поставил?

— Угу, — пробормотал Петр.

— И последнее: «Для конспирации в работе избираю себе псевдоним». Выбирай, какую хочешь фамилию или имя.

— Это еще зачем?

— Я ж сказал — для конспирации. Псевдонимом будешь подписывать свои донесения. Понял?

— Ага.

— Выбрал?

— Адольф можно?

— Чего-о? Ты мне зубы не скаль. Быстро вышибу! — пригрозил Самутин.

— Тогда Петренко, — подумав, предложил Петр.

— Петренко, так Петренко. Главное, чтоб писучий был. Чем больше напишешь и чем больше большевиков на тот свет отправишь, то, як кажут у нас на Украине, тем бильше грошей будэ. Потом, когда Сталину капут придет, купишь на них все свои Каневцы с Хацепетовкой в придачу.

— Гроши — это хорошо, с ними...

— Их еще заработать надо, — перебил Самутин и, глянув на подпись, ткнул пальцем ниже текста: — Теперь тут распишись.

Петр расписался, поставил точку, и лист с подпиской передал Самутину. Тот перечитал, положил в карман френча и объявил:

— Завтра предстоит другой разговор и в другом месте. С тобой будет говорить шеф. Крутить и вертеть перед ним — себе выйдет дороже. Поэтому язык прикуси, больно ты резвый. Про

хату и мамку с батькой забудь. Если не хочешь опять в лагерь загреметь, то берись за любое задание. Понял?

— Так точно, герр офицер!

— И еще. Харю побрей и чтоб свинарником не воняло. Понял?

— Да.

— Ночь перекантуешься в блоке «А». Это в штабной зоне, а завтра поедешь на смотрины. Кроме тебя там будут 15 гавриков. Для них ты Петренко. Если кто любопытничать начнет, мне доложишь. Все ясно?

— Так точно! Разрешите идти?

— Не гоношись, отведут, — и Самутин гаркнул: — Худоба, зайди сюда!

В соседней комнате хлопнула дверь, и на пороге возник худой, как жердь, полицай.

— Мыкола, отведи этого в отстойник, — распорядился Самутин.

Блок «А» служил общежитием. Петр оказался в одной комнате с тремя пленными. Судя по тому, как они вели себя, им хорошо промыли мозги. Сам он не горел желанием вступить с ним в разговоры и все еще не мог поверить в то, что вырвался из ледящих объятий смерти и сделал еще один шаг к цели — внедрению в абвер.

Настоящий хлеб, отдающий теплом печи, и обжигающе горячий, хоть и эрзац, но кофе возвращали к его жизни. Стук кирки, раскалывающий мозг, остервенелый лай собак, мат старосты и охранников остались где-то там, за стенами комнаты. Вымытое, пропаренное в бане тело стало невесомым, а из груди ушла саднящая боль. Петр лежал в чистой постели, в чистом белье и испытывал ни с чем несравнимое блаженство.

Ранним утром, после завтрака, его и еще пятнадцать кандидатов в шпионы и диверсанты посадили в грузовик и повезли в лагерь абвергруппы-102. Он располагался здесь же, в Славянске, и прятался от посторонних глаз за высоким забором. В нем

было две строго разделенные зоны: штабная и специальная. Отобранный Самутиным контингент разместили в отдельном блоке «Ц» штабной зоны; затем по одному стали вызывать на беседу.

Очередь дошла до Петра. В сопровождении инструктора, физиономия которого напоминала рубщика из мясной лавки, он поднялся на второй этаж и вошел в просторный кабинет.

В центре, за массивным столом восседал плотный, коренастый, лет сорока подполковник. «Рубленая, словно топором, физиономия, большие залысины. Неужели сам начальник группы подполковник Гопф-Гойер? Неужели?» — Петр перебирал в уме описание гитлеровских разведчиков.

Второй, высокий блондин спортивного телосложения — типичный ариец, по перечню Струка не проходил. Это был недавно назначенный в группу оберлейтенант Райхдихт. Он занимал столик у окна. Рядом с ним примостился Самутин.

Минуту, может больше, но она Петру показалась вечностью, гитлеровцы бесцеремонно разглядывали его, а затем начали перекрестный опрос. В течение часа Гопф-Гойер и Райхдихт терзали Петра вопросами и, не сказав ничего, отправили обратно в блок «Ц». Позже его разыскал Самутин. Довольная физиономия абверовца сказала Петру — смотрины прошли успешно. И он не ошибся: перспективного агента Петренко Гопф-Гойер решил сразу проверить в деле. Остаток дня и весь следующий Самутин учил Петра шпионскому делу.

26 января агент абвера Петренко с разведзаданием по сбору информации о частях 6-й армии покинул Славянск и вместе с Самутиным выехал к линии фронта. 2 февраля Петр уже находился в кабинете Рязанцева. Возвратился он не с пустыми руками: данные на трех кадровых сотрудников абвергруппы-102 и пятерых агентов, готовившихся к заброске в советский тыл, — таков был первый итог операции «ЗЮД».

Рязанцев готов был расцеловать Петра. Тот стал первым не только в отделе армии, а и фронта, кто сумел внедриться в абвер!

Операция «ЗЮД» выходила на качественно иной уровень — перед советскими контрразведчиками открылась уникальная возможность завязать с гитлеровской разведкой стратегическую оперативную игру.

Глава 5

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Особого отдела НКВД СССР

Юго-Западного фронта

комиссару госбезопасности 3-го ранга

тов. Н. Семивановскому

О ХОДЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ОПЕРАЦИИ «ЗЮД»

В целях реализации оперативного замысла операции «ЗЮД» по внедрению в немецко-фашистский разведорган абвергруппу-102 с 14 на 15 января 1942 года зафронтовой агент Гальченко под легендой дезертира-перебежчика был выведен за линию фронта в расположение противника.

После предварительного допроса он бы помещен в сборно-пересыльный пункт для бывших военнослужащих Красной армии, находящийся в окрестностях гор. Славянск, и там попал в поле зрения вербовщика — заместителя начальника абвергруппы-102 Петра Самутина.

22 января Самутин провел вербовку Гальченко под псевдонимом Петренко. В тот же день он был переведен в учебный лагерь разведгруппы, там же в гор. Славянске. Надежная легенда прикрытия и находчивость позволили Гальченко успешно пройти проверку. Затем он был представлен начальнику абвергруппы-102 подполковнику Гопф-Гойеру и получил задание на проведение разведки частей 6-й армии. 1 февраля Гальченко был переброшен на нашу сторону и сразу прибыл в отдел.

По результатам выполнения нашего задания Гальченко сообщил ряд данных на 5 агентов из числа бывших военнослужа-

щих Красной армии, а также фамилии и описание внешности 3 кадровых сотрудников.

Прошу Вашей санкции на продолжение операции «ЗЮД». Для укрепления позиций Гальченко в абвергруппе-102 необходимо согласовать с командованием армии дезматериалы и снабдить ими нашего агента.

Начальник особого отдела НКВД СССР
6-й армии Юго-Западного фронта
капитан

П. Рязанцев

№ 222/ОА от 3.02.42 г.

В особом отделе фронта докладная Рязанцева получила самую высокую оценку. Опытнейший профессионал Николай Николаевич Селивановский, начинавший службу в органах госбезопасности в особом отделе ОГПУ Среднеазиатского военного округа в далеком 1922 году, прошедший все служебные ступеньки — от помощника оперуполномоченного до комиссара, — имел за своей спиной десятки разведывательных и контрразведывательных операций, самым внимательным образом изучил материалы дел «ЗЮД» и зафронтového агента Гальченко.

В трех тощих папках насчитывалось всего два десятка страниц, но они многое сказали Селивановскому. За несколько дней пребывания в абвергруппе-102 Прядко-Гальченко удалось сделать, казалось, невозможное — его рапорт на 19 листах сохранил бесценную информацию.

Петр в деталях раскрывал внутреннюю кухню абвера, связанную с изучением и вербовкой агентов. Это, а также его лаконичные, но вместе с тем емкие характеристики, яркое и точное описание внешности трех кадровых сотрудников и пяти агентов, схема расположения зданий, сооружений и порядок охраны абвергруппы-102 существенно пополняли те скудные сведения, которыми располагали контрразведчики Юго-Западного фронта.

Прошлый и нынешний, пока еще горький опыт борьбы с гитлеровскими спецслужбами подсказывал Селивановскому — этот по-настоящему крупный успех не был случайностью. В деле «ЗЮД» благоприятным образом сочетались удача (Прядко действительно оказался находкой) и профессионализм Рязанцева. Павел не пошел на поводу у показаний вражеского агента Струка, а решился на оправданный риск, направив Петра с разведзаданием к гитлеровцам. И не ошибся. Ему удалось сделать то, что оказалось не по силам двум армейским разведгруппам.

Закончив изучение материалов, Селивановский распорядился вызвать старшего лейтенанта Ильина, занимавшегося оперативной разработкой разведорганов 17-й армии вермахта, а сам прилег на кушетку. В последнее время к ночи его одолевали сильные, доводившие до тошноты, головные боли: сказывались хроническое недосыпание и постоянная нервозность. Расстегнув ворот гимнастерки, он потер виски — боль в затылке ослабела — и закрыл глаза. Прошла минута-другая, глухие удары сердца в ушах стихли, но расслабиться ему не удалось; стук в дверь заставил встрепенуться. Поднявшись с кушетки, Селивановский расправил складки на гимнастерке, застегнул ворот и крикнул:

— Войдите!

Вошел Ильин и доложил:

— Товарищ комиссар, старший лейтенант...

— Вижу, Володя, что еще не капитан, — с мягкой улыбкой заметил Сильвановский.

Он испытывал внутреннюю симпатию к этому рассудительному, не теряющему голову в самых сложных ситуациях, еще совсем молодому, но перспективному двадцатитрехлетнему офицеру. Ильина отличали недюжинный ум и профессиональная хватка. И сейчас, прежде чем принять окончательное решение по операции, Селивановский рассчитывал услышать от него дельные предложения.

— Ты с материалами по делу «ЗЮД» и предложением Рязанцева ознакомился в полном объеме?

— Так точно, товарищ комиссар.

— Все ясно?

— Было несколько вопросов. Я их прояснил в разговоре с Рязанцевым.

— Что-то уж больно гладко все получается.

— Ну почему же, Николай Николаевич. Есть некоторые проблемы, но они носят рабочий характер.

— Например?

— Согласовать дезу с командованием. Тут, конечно, придется пободаться. Но ничего, на что-нибудь да уломаем.

— Нет, Володя, «что-нибудь» нас не устроит. Не тебе объяснять: чем ценнее информация, тем больший вес в глазах абвера приобретет Гальченко, — не согласился Селивановский.

— Понимаю, Николай Николаевич, и надеюсь, что удастся договориться с начштаба армии по максимуму.

— Здесь можешь рассчитывать на мою поддержку.

— В таком случае нам с Рязанцевым останется доработать отдельные детали.

— Итак, будем считать, что с дезой определились. А в целом, на твой взгляд, какая видится перспектива?

— Из всех дел «ЗЮД» наиболее перспективное. Железный выход на абвер и толковый исполнитель. Надо раскручивать дальше, такой удачи может и не быть! — не колеблясь, заявил Ильин.

— Раскручивать? Удача? — и здесь в Селивановском проснулись сомнения, дремавшие в глубине души.

Та кажущаяся легкость, с которой Прядко удалось внедриться в абвер, его настораживала. Четыре предыдущие попытки, предпринятые отделами фронта, закончились провалом: три разведчика бесследно сгинули в лагере для военнопленных, и лишь один, Николаев, смог пройти сито проверок, подставиться на вербовку и закрепиться в агентурной сети гитлеровской разведки. Но в последний момент разведчика подстерегла

роковая случайность — при переходе линии фронта он подорвался на mine.

Петр стал первым зафронтовым агентом, которому удалось не только внедриться в абвергруппу, но и заинтересовать собою самого начальника — подполковника Гопф-Гойера. А это уже выходило за рамки рядовой операции и создавало условия для завязывания с гитлеровцами серьезной оперативной игры.

И все же Селивановский не обошлся на сей счет. Ранее, во время работы в 1937 году в Праге и Париже, он на себе познал железную хватку и изощренность гитлеровской разведки. Подчиненные адмирала Канариса шпионский хлеб ели не зря. Успехи абвера во время военной кампании в Чехословакии, Франции, Польше и в первые месяцы войны лета сорок первого говорили сами за себя. В те роковые для Красной армии июньские дни именно активные действия вражеской агентуры и разведывательно-диверсионных групп парализовали боевое управление войсками. Не только на передовой, напоминавшей дырявое решето, но и в тылу советских войск царили хаос и паника. Полчища айнзатцгруппен, зондеркомандо и айнзатцкомандо, переодетых в форму красноармейцев, осуществляли теракты против командиров Красной армии, подрывали мосты и переправы, нарушали связь, перехватывали на себя управление целыми бригадами, дивизиями и потом бросали их под безжалостный бронированный каток танковых армад генералов Гота и Гудериана.

Селивановский хорошо помнил тот горький урок, и потому ему не давала покоя мысль: в абвере, возможно, так же, как он с Рязанцевым, оценили по достоинству потенциал Петра и решили использовать в разыгрывании многоходовой оперативной комбинации с целью стратегического дезинформирования командования Юго-Западного фронта. Еще раз взвесив все «за» и «против», Селивановский, чтобы не оказаться игрушкой в руках Гопф-Гойера, посчитал за лучшее не пороть горячки и распорядился:

— Вот, что, Володя, поезжай-ка ты к Рязанцеву. Там, на месте, встреться с Прядко и уточни в деталях всю представленную им информацию. Но это не главное. Рано или поздно, мы разворошим осиное гнездо Гопа. Есть уже на подходе толковые ребята; вопрос только во времени, а оно не ждет. Поэтому основное внимание удели не плану операции, писать, слава богу, мы научились, а самому Петру — оцени его разведвозможности и прощупай, как следует. По бумагам видно, парень талантливый и неординарный.

— Среди тыловиков дураков не бывает. Они говорят: идиоты воруют, а умные вовремя списывают. Ну, а самые ушлые — дважды списывают. Наши два раза крутили Прядко — по вредительству и антисоветчине, и оба раза ему удалось выйти сухим из воды, — напомнил Ильин.

— То, что он умный мужик и тертый калач, — вопросов нет. Но гитлеровцы тоже не лыком шиты, — согласился Селивановский, однако не стал скрывать своей озабоченности: — Меня вот что настораживает: почему без подготовки его отправили на задание? Почему? Может, потому что заподозрили подставу и, чтобы не засвечивать остальную агентуру, решили сразу проверить в деле. Как ты считаешь?

— Вполне. А с другой стороны, нельзя исключать и такую версию, что он, так же, как и Рязанцеву, с первого взгляда приглянулся Гопу, — предположил Ильин.

— Володя, с первого взгляда только пылкие Ромео влюбляются. Разведка и контрразведка — это тебе не любовь под вязами. Хотя, возможно, ты прав.

— Обкатка по-боевому?

— И не только. Гоп, наверно, как и мы, оценил разведпотенциал Петра и потому вряд ли станет разменивать на роль агента-маршрутника или наблюдателя. Мелковато! А это значит, что нас попытаются...

— Я понял, Николай Николаевич, — втянуть в оперативную комбинацию.

— И не просто в комбинацию, а в комбинацию со стратегическим выхлопом.

— То есть, если Гоп убедится, что Петр — не наша подстава, то, следуя логике операции, при следующей заброске он должен сдаться нам и...

— Совершенно верно!

— Очень даже интересно получается. Если с умом подойти, то можно такую комбинацию закрутить, что только держись!

— Э-э, не кажи гоп, пока не перепрыгнешь! В такой игре нам нельзя допустить промашки, слишком велика цена, — предостерег Селивановский. — Короче, Володя, на месте вместе с Рязанцевым еще раз самым внимательным образом все проработайте, и только потом примем решение.

— Есть, Николай Николаевич!

В ту же ночь Ильин выехал в расположение особого отдела 6-й армии и в течение двух дней скрупулезно исследовал все обстоятельства пребывания Петра в плену, в абвергруппе-102, содержание его бесед с Самутиным и Гопф-Гойером. Анализ их результатов лишний раз подтвердил правоту Селивановского — за этим ходом абвера угадывались далеко идущие планы.

Ключевая роль в этих планах отводилась Гальченко-Петренко. Ему предстояло стать двойным агентом. А чтобы справиться с этой смертельно опасной ролью — быть не только своим в доску среди чужих, но и доказать Гопф-Гойеру, что он лучший из агентов, — Петру требовалось проявить недюжинное актерское мастерство, смелость и находчивость. За многие часы общения с ним у Ильина сложилось твердое убеждение, что такими способностями разведчик обладает и сумеет самостоятельно выполнить задание.

По возвращении в отдел фронта он изложил свое мнение Селивановскому, и тот, внося несколько дополнений, утвердил окончательный план операции «ЗЮД».

Теперь основное внимание контрразведчиков было сосредоточено на подготовке дезинформационных материалов

для Петра и подборе из числа офицеров штаба источников их получения. И здесь Ильину с Рязанцевым пришлось столкнуться с немалыми трудностями: командование армии воевало за каждую цифру, за каждое слово, так как за ними стояли тысячи жизней красноармейцев.

С источниками информации для Петра тоже не все оказалось просто. С одной стороны, они должны были создать у Гопф-Гойера впечатление о наличии у агента Петренко широких разведывательных возможностей, а с другой — не вызвать подозрений, что за этими офицерами стоит контрразведка.

К началу марта, когда у Рязанцева и Ильина почти все было готово, контрудар гитлеровских войск на стыке Юго-Западного и Южного фронтов смешал им карты, и работу пришлось начинать заново.

Подошел к концу промозглый март, небо очистилось от свинцовых туч, и под лучами солнца из-под снежных шапок проклюнулись рыжими макушками степные курганы.

Наступил апрель, весна с каждым днем все более властно заявляла о себе, и вскоре о зиме напоминали лишь съездившиеся серые клочки снега на северных склонах глубоких оврагов. В середине месяца прошумели первые проливные дожди, с юга подул теплые ветры, и земля быстро пробудилась к жизни: степь на глазах покрылась нежной зеленью, а пологие берега ручьев и речушек окутала серебристая пелена распустившейся вербы.

Этот бурный приход весны порождал в сердцах командиров и красноармейцев Юго-Западного и Южного фронтов надежду, что им удастся развить недавний зимний успех.

В Ставке Верховного главнокомандования поддержали предложение маршала Тимошенко и члена Военного совета фронта Хрущева о наступлении на Харьков. С того дня в обстановке строжайшей секретности в штабах приступили к детальной разработке плана. И если со своими силами и резервами все более или менее было ясно, то, что касается противной

стороны — вермахта, тут Тимошенко и его подчиненные могли лишь гадать, чем он ответит. Поэтому войсковая разведка Красной армии не знала покоя ни днем ни ночью; десятки разведывательных групп направлялись за линию фронта, чтобы добыть необходимые сведения. Свой, и существенный, вклад, как полагали Селивановский с Рязанцевым, мог внести и зафронтовой агент Гальченко. Дальше оттягивать его возвращение в абвер они не стали.

13 апреля Петр, имея при себе собственноручно исполненную схему расположения частей 6-й армии, над которой предварительно скрупулезно поработали офицеры штаба, и две таблицы со сводными данными по численности войск и вооружений, спрятанные под подошвами сапог, в сопровождении лейтенанта Кулагина выехал на передовую.

В ночь на четырнадцатое Петр перешел линию фронта и напрямик направился в штаб полка, располагавшийся в Алексеевке.

Часовой, ошалевший при виде советского командира, появившегося перед ним как черт из табакерки, не успел произнести ни слова. Петр действовал напористо — с ходу заткнул ему рот и нагнал страха:

— Абвер! Срочно к подполковнику Гопф-Гойеру!

Часовой, им оказался румын, услышав слово абвер, крутнулся волчком и исчез в темном зеве блиндажа. Петр последовал за ним и, когда глаза освоились с полумраком, увидел перед собой две осоловелые от сна физиономии капитана и майора.

— Абвер! Срочно к подполковнику Гопф-Гойеру! — повторил он.

Офицеры, сонно хлопая глазами, в первое мгновение ничего не могли понять. Первым пришел в себя майор и, недоверчиво посматривая на Петра, на сносном русском спросил:

— Чем можешь это подтвердить?

— «Айнц дивизион», — назвал Петр пароль, который получил от Самутина.

Судя по выражениям лиц румынских офицеров, пароль ничего им не говорил. Петр не стал размениваться по мелочам перед мамалыжными союзниками гитлеровцев и потребовал:

— Немедленно отправьте меня к немцам, в Славянск!

А чтобы аргумент звучал весомо, повысил Гопф-Гойера в звании:

— Там ждет генерал!

Это, а возможно, та дерзость, с которой вел себя русский, не вызывали у румын желания связываться с ним. Петра усадили на подводу и в сопровождении то ли почетного эскорта, то ли конвоя отправили в Ново-Николаевку, где располагался штаб немецких войск.

Слух о важном агенте абвера, возвратившемся из разведки, бежал впереди него. Петра без задержек привели к полковнику. Он был не чета румынским офицерам: фамилия Гопф-Гойера не произвела никакого впечатления, а пароль пролетел мимо ушей, его больше интересовало количество советских войск на станции Лозовая и в Ново-Ивановке, особенно тяжелой техники. Петр решил нагнать страху: и к тем сведениям, которые получил от Рязанцева с Ильиным, прибавил еще десяток танков. Их количество вызвало на физиономии полковника болезненную гримасу, но в глазах впервые за время допроса появился интерес.

Информированность агента абвера произвела на него впечатление; с этого момента тон разговора и сама обстановка резко изменились. На стол подали горячий завтрак, а в чопорном полковнике проглянуло что-то человеческое. В завязавшемся разговоре он пытался выяснить: почему русские, потерявшие половину своей армии и страны, не сдаются. Услышанная правда настроения ему не прибавила.

Завтрак закончился при гробовом молчании. Остаток дня Петр провел в одиночестве в комнате отдыха при комендатуре.

Вечером за ним приехал Самутин, и они направились в город Константиновка — туда в полном составе передислоциро-

валась абвергруппа-102. За всю дорогу Самутин не обмолвился ни словом о задании, видимо, опасался ушей шофера, и потому разговор шел о положении на фронте.

В Константиновку они прибыли за полночь. Внешний вид группы — отсутствие забора и сторожевых вышек — говорил о том, что гитлеровская разведка не намеривалась здесь долго засиживаться. Здание бывшего индустриального техникума охраняли только подвижные посты.

— Что случилось, Петр Алексеевич? Нашу лавочку случайно не закрыли? — запустил пробный камень Петр.

— И не закроют. Тут только управление, остальные в летнем лагере, — пояснил Самутин.

«Управление — хороший признак», — отметил про себя Петр и воспрянул духом, когда они прошли в аккуратно убранную комнату общежития: кровать, стол, стул и платяной шкаф — это тебе не казарма для второсортных агентов.

— Устраивайся. Завтрак — в семь в офицерской столовой, а потом — за работу, — распорядился Самутин и шагнул к двери.

— Погоди, Петр Алексеевич, — остановил его Петр.

— Чего еще?

— Как-то не по-нашенски получается.

— Что ты имеешь в виду?

— Встречу надо бы отметить, — забросил удочку Петр в надежде прощупать Самутина.

— Поздно, а там видно будет, — уклончиво ответил тот и захлопнул дверь.

Оставшись один, Петр попытался проанализировать все увиденное и услышанное от Самутина, но мысли путались и сбивались. Бессонная ночь и изнурительный, проведенный на одних нервах день дали о себе знать.

«Ладно, чего гадать, как говорится, утро вечера мудренее» — с этой мыслью он лег спать.

Разбудили его топот сапог и громкие голоса в коридоре. На часах было шесть пятьдесят: десять минут назад в группе

прошел подъем. Петр, прихватив полотенце, прошлепал в умывальник, там уже никого не было. Умывшись и гладко выбрившись, он возвратился в комнату, переделся и спустился на первый этаж. Запахи кухни подсказали ему, где столовая. В ней в основном находились немцы, а также Самутин и двое русских инструкторов.

«Ничего себе, солидная компашка», — поставил это себе в плюс Петр и, кивнув Самутину, подсел к нему за столик. Жаренная на сале яичница, бутерброд с маслом, традиционная чашка кофе и сама атмосфера в столовой, где прислуживали официанты, не шли ни в какое сравнение с тем, что было в Славянске. «Тебя повысили в ранге», — сделал вывод Петр и в душе приготовился к встрече с самим Гопф-Гойером.

— Пойдем ко мне, — скрипучий голос Самутина опустил его с небес на землю.

Они поднялись на второй этаж и зашли в кабинет, заставленный сейфами. Печати на замках и забранное решеткой окно говорили о том, что у Самутина хранилось немало секретов группы.

«Эх, только бы одним глазком взглянуть, что у тебя там, Кощей фашистский», — промелькнула шальная мысль у Петра.

— Да-а, большевики многое бы отдали за то, что лежит в моих сейфах, — будто угадал Самутин.

— Зачем же дело? Попробуй!

— Че-го-о?

— Сам же сказал.

— Ты мне тут зубы поскаль, быстро вышибу! За работу! — прикрикнул Самутин и, вытащив из стола стопку листов бумаги и карандаш, приказал: — Садись и пиши от «а» до «я» — как линию фронта перешел, как легализовался, через кого и как добывал информацию. Понял?

— Чего тут непонятного. Но, может, сначала рассказать, а потом писать? — предложил Петр.

— Тоже мне Пушкин нашелся. Некогда мне сказки слушать! Пиши, а там видно будет.

— Мне-то что, как скажешь, — не стал упрячиться Петр, уселся на табурет и принялся стаскивать сапоги.

— Ты чего? Кончай борзеть, здесь не баня! — возмутился Самутин.

— А не мешало бы, да с березовым веником, — хмыкнул Петр и спросил:

— Ножичек найдется?

— Че-го-о?

— Да не бойся, резать не стану.

— Поговори еще! — пригрозил Самутин, но все же достал из ящика стола нож.

Петр сноровисто отделил подошвы от голенищ, и на пол вывалились схема расположения частей 6-й армии, таблицы со сводными данными по численности войск и вооружений.

— Хитер, чертяка, — заметил Самутин.

— Жить-то хочется, — в тон ему ответил Петр.

— Она одна, второй не купишь, — согласился Самутин и, разложив перед собой документы, поторопил: — Все, заканчивай со своими фокусами и пиши отчет!

Петр взял из стопки лист бумаги и принялся излагать то, что не раз проговаривалось с Рязанцевым и Ильиным. Написание отчета заняло больше часа. Затем столько же Самутин изводил его вопросами. После них Петру пришлось заново все переписывать.

Время подошло к обеду. Они спустились в столовую и там столкнулись с оберлейтенантом Райхдихтом. На его каменной физиономии широкой трещиной прорезалась улыбка. Он шагнул навстречу и, потрепав Петра по плечу, заявил:

— Поздравляю с хорошим началом!

— Рад стараться, господин оберлейтенант! — воскликнул Петр, демонстрируя всем своим видом готовность к новому заданию.

— Серьезная фактура, шеф будет доволен, — не упустил возможности вставить свое слово Самутин.

— Отлично! Обсудим это позже, — сказал Райхдихт и направился к офицерским столикам.

Петр с Самутиным расположились в конце зала, в той его части, где питались русские инструкторы. Обед не отличался большим разнообразием, но был приготовлен отменно: наваристый борщ, в который повар не поскупился плеснуть сметаны, и котлета по-киевски говорили о том, что гитлеровцам пришлось по вкусу украинская кухня.

Петр ел неторопливо и, пользуясь случаем, прислушивался к разговорам за соседними столиками, но так и не узнал ничего полезного. Гопф-Гойер держал подчиненных в ежовых рукавицах, и они языки не распускали, где попало.

После обеда Самутин, забрав с собой отчет, схему расположения частей 6-й армии, таблицы со сводными данными о численности войск и вооружений, отправился на доклад.

Петр, предоставленный самому себе, возвратился в комнату и, чтобы отвлечься от тревожных мыслей, высыпал из коробков спички на стол и принялся складывать фигурки животных. За этим занятием его застал Самутин. Горящий взгляд и пылающие румянцем щеки свидетельствовали, что доклад у Гопф-Гойера не был рутинным.

— Бегом! Шеф вызывает, — выпалил он с порога.

— Что он? Как отчет? Прошел? — засыпал его вопросами Петр.

— Во! — Самутин показал большой палец.

— Правда? Точно?

— Точнее быть не может. Шеф доволен.

— Ух ты, значит не зря мучился, — с облегчением вздохнул Петр.

— Я тоже. С твоим большевистским прошлым не так-то просто было уломать шефа, — не преминул подчеркнуть свою роль Самутин.

— С меня причитается, Петр Алексеевич.

— Да ладно, с этим потом, — махнул тот рукой. — Живее, нас ждут!

Петр, надев ремень, на ходу причесался и бросился вдогонку за Самутиным. В приемной они не задержались — сразу прошли в кабинет Гопф-Гойера.

Помимо Гопф-Гойера там находились Райхдихт и незнакомый Петру оберлейтенант, как выяснилось потом, — Мартин Рудель, специалист по диверсиям и терактам.

Самутин подтолкнул Петра вперед, а сам отступил в сторону. Две пары внимательных глаз — Райхдихта и Гопф-Гойера — впились в удачливого агента. Рудель же никак не проявил своих чувств. Он работал с советской агентурой еще с довоенных времен, поэтому скептически оценивал ее разведывательные возможности. Он больше полагался на белогвардейцев и украинских националистов — у них был свой, особый счет к большевикам.

Петр шагнул на середину кабинета и отчеканил:

— Господин подполковник, агент Петренко прибыл с задания!

— Хорошая работа, — похвалил тот и кивнул на свободное кресло.

Петр присел и, поедая преданными глазами Гопф-Гойера, с напряжением ждал, что последует дальше.

А тот, пошелестев страницами отчета, проявил профессиональную хватку — уцепился за ключевое звено: офицеров штаба 6-й армии Борисова и Кузьмина, на которых Петр ссылался как на основные источники информации, и поинтересовался:

— Господин Петренко, при каких обстоятельствах вы познакомились с Борисовым и Кузьминым? Что вас связывало в дальнейшем?

Петр пожал плечами и простодушно ответил:

— Да, собственно, все как-то само собой вышло. Сначала был вариант на троих...

— Не понял, поясните, — перебил его Гопф-Гойер.

— Вместе посидели. Я угощал — оба оказались не дураки выпить, тем более за чужой счет, а потом пошло-поехало. Борисов остался должен мне где-то полторы тысячи, Кузьмин — чуть поменьше.

— Деньги, что ж, неплохая основа для будущей вербовки, — констатировал Гопф-Гойер.

— Можно вопрос, Генрих? — оживился Рудель.

— Конечно, Мартин.

Петр напрягся под пристальным взглядом оберлейтенанта, интуитивно почувствовав исходящую от него опасность. И не ошибся. Рудель не испытывал тех восторгов, что переполняли Самутина, и, сохраняя надменный тон, спросил:

— Господин Петренко, не могла ли ваша щедрость вызвать подозрений у Борисова и Кузьмина?

— И привлечь внимание контрразведки? — присоединился к нему Райхдихт.

— Полагаю, нет. В противном случае я бы здесь не сидел, — решительно заявил Петр.

Ответ, похоже, не удовлетворил Руделя; последовал следующий вопрос:

— На чем основана такая ваша уверенность?

— На хорошей легенде: офицер службы тыла, занимающийся заготовками, — лучше не придумать. Это позволяло свободно передвигаться по прифронтовой полосе, легко знакомиться, а лишняя копейка в кармане развязывала язык даже немоу. У нас, извините, у них в России, на халяву выпить и пожрать любят и сапожник, и начальник, — и, повернувшись к Самутину, Петр не преминул отметить того. — Особо я благодарен Петру Алексеевичу; изготовленные им документы выдержали все проверки.

— Я что, делаю все, что в моих силах, — пробормотал Самутин и бросил взгляд на Гопф-Гойера.

Тот благосклонно кивнул головой и вернулся к началу разговора:

— Господин Петренко, как вы можете охарактеризовать ваши отношения с Борисовым и Кузьминым?

— Дружескими их не назовешь, но товарищескими — можно, — пояснил Петр.

— Кто из них более уязвим в вербовочном плане?

— Пожалуй, Борисов. Любит выпить и потащиться за юбкой.

— Как он относится к советской власти?

— Себя любит больше, чем ее.

— Это хорошо, — заключил Гопф-Гойер и, обращаясь к присутствующим, спросил: — Есть еще вопросы, господа?

Вопросов не последовало. Гопф-Гойер поднялся с кресла, прошел к сейфу, достал сто марок и объявил:

— Господин Гальченко, вы заслужили эту награду! Верю и надеюсь — она не последняя!

Петр подскочил из кресла и, щелкнув каблуками, гаркнул:

— Служу великой Германии и ее фюреру!

Гитлеровцы тоже поднялись и дружно вскинули руки в фашистском приветствии. Завершая встречу, Гопф-Гойер, хлопая Петра по плечу и барственно заметил:

— Город и дамы в вашем распоряжении. Господин Самутин, позаботьтесь.

— Непременно, — заверил тот.

— В таком случае вы и господин Петренко свободны, — отпустил их Гопф-Гойер.

Покинув кабинет, Петр, пользуясь благодушным настроением Самутина, поинтересовался:

— Ну как, Петр Алексеевич, какие у меня перспективы?

— Все по уму. Молодец, лишнего ничего не брякнул. Мы с тобой еще не такие дела сварганим! — ликовал Самутин; еще бы — его протеже произвел самое благоприятное впечатление на начальство.

Для Петра такой настрой фашистского холая был важен. Во многом со слов Самутина у Гопф-Гойера и остальных гитлеров-

цев формировалось мнение о нем, поэтому вовсе не лишним было поделиться наградой. Он достал из кармана деньги. Алчный огонек, вспыхнувший в глазах Самутина, подсказал, что мелочиться не стоит. Не считая, Петр щедрой рукой отвалил половину и предложил:

— Вот возьми, Алексеич.

— Э-э, ты это кончай, — вяло возразил тот.

— Возьми-возьми.

— Себе-то оставь.

— Хватит, не будем считаться. Я добро помню. Ты мне жизнь два раза спас. Первый — когда из лагеря вытащил. И потом, когда красные документы проверяли, я тебя не раз добром вспоминал. Первоклассная липа!

— Ну, если только так. А липы, запомни, я не делаю, — ворчливо заметил Самутин и торопливо сгреб деньги.

— Извини, Алексеич, если обидел. Готов испкупить вину.

— Да ладно.

— Не, с меня причитается. Есть тут приличный кабак? — Петр продолжал разыгрывать перед ним роль ошарашенного начальственной благодатью.

— Найдется. Вечерком прошвырнемся, а сейчас у меня дела, — свернул разговор Самутин и направился к себе в кабинет.

В восемь часов в выходном костюме и обильно политый одеколоном он зашел в комнату Петра, скептически оценив его гардероб, посоветовал поменять рубашку и галстук. После этого они отправились в город. Далеко идти не пришлось. Ресторан «Улада» располагался в трех кварталах от общепития группы.

Бывший очаг культуры, клуб «Горняк» по улице Нагорной, теперь, можно сказать, стал общественной уборной. Все то человеческое дерьмо, которое в советские времена пряталось по темным закоулкам, всплыло наверх и напропалую прожигало жизнь в бывшем актовом зале, где водка и самогонка лились

рекой. На втором этаже, в кабинетах культпросветработы и агитпрома, девицы легкого поведения стахановскими методами, в три смены, наверстывая упущенное, просвещали и агитировали за свободную любовь прислужников «нового порядка» и их хозяев.

К приходу Петра и Самутина свободных мест почти не осталось. Ближние к эстраде столики занимали немцы, чиновники из городской управы и полиции.

Метрдотель, больше смахивавший на вышибалу, пристроил их перед входом на кухню. Соседями по столику оказались чиновники средней руки. Судя по их виду и тому, что происходило в зале, вечер был в самом разгаре. На эстраде четверо музыкантов лихо наяривали что-то, походившее то ли на фокстрот, то ли на армейский марш. Перед ней в сизом табачном дыму гарцевал десяток пар.

Петр перевел взгляд на соседей по столику. Судя по их физиономиям, соседство было не случайным. Похоже, Гопф-Гойер решил в очередной раз проверить, чем дышит вернувшийся с задания агент. Рыжий — заводила в компании — разлил водку по рюмкам и предложил выпить за знакомство. Реакция Самутина, живо поддержавшего тост, подтверждала догадку Петра. Не успел он закусить, как компаньон Рыжего — Верзила, поспешил накатить по второй.

Подручные Гопф-Гойера, не мудрствуя лукаво, видимо, задумали накачать клиента как следует, чтобы затем развязать ему язык. После пятой или шестой рюмки Рыжий забросил первую наживку: начал поносить коменданта города, который, по его словам, держал их за черную кость и оставлял самую грязную работу. Ему поддакнул Верзила.

Петр не поймался на эти уловки и отыграл в другую сторону: достал марки и, нахваливая настоящего немецкого подполковника, сделал дополнительный заказ. Но это ненадолго отвлекло Рыжего и Верзилу, они снова взялись за свое. Единственным спасением для Петра было притвориться пьяным.

Но это не остановило собутыльников — Верзилу и Рыжего. После ресторана они затащили его на квартиру, на пути к ней где-то потерялся Самутин, и там продолжили пьянку. В конце концов, водка и усталость сморили и их.

В себя Петр пришел только к обеду. Разбитый, с гудящей, как пустой котел, головой он явился в группу. Реакция на его появление со стороны Самутина говорила о том, что и эта проверка прошла успешно. В тот вечер и на следующий день ни он, ни Райхдихт не беспокоили Петра. А 20 апреля в его судьбе и в операции «ЗЮД» произошел очередной резкий поворот.

Накануне Гопф-Гойер доложил командованию 17-й пехотной армии вермахта собранные агентом Петренко сведения о частях 6-й армии Юго-Западного фронта. Они получили самую высокую оценку и укрепили положение Петра в абвере.

Вслед за этим последовало повышение по служебной лестнице. В присутствии Самутина, Руделя и Райхдихта Гопф-Гойер объявил о его назначении командиром разведывательной группы. В ее состав вошли агенты Чумаченко, в качестве заместителя, и радист Погребинский.

Первое знакомство с ними оставило у Петра не самое худшее впечатление. Путь Погребинского и Чумаченко мало чем отличался от того, каким прошли десятки других агентов абвера. Оба попали в окружение под Киевом, потом — лагерь для военнопленных, где их завербовал Самутин. Мотивом, подтолкнувшим и того, и другого к сотрудничеству с гитлеровцами, как предполагал Петр, вряд ли являлась ненависть к советской власти. Косвенным подтверждением служило то, что они сражались на фронте с первого дня войны. Поэтому Петр решил более внимательно присмотреться к ним.

Наибольший интерес вызывал Чумаченко. И не потому, что являлся его заместителем. У бывшего младшего командира Красной армии, в течение двух месяцев командовавшего отделением пехотинцев и попавшего в плен раненым, в душе должно было остаться хоть что-то советское и человеческое. На

это рассчитывал Петр и принялся исподволь прощупывать его. В первых беседах Чумаченко держался настороженно и не шел на откровенность, но помог случай.

Закончились занятия по огневой подготовке. Райхдихт приказал Погребинскому собрать оружие и сдать дежурному по группе. Петр с Чумаченко остались одни. До обеда было больше часа. Возвращаться в казарму, пропахшую хлоркой, сапожным гуталином и потными портянками, они не испытывали желания и задержались в беседке.

Погода выдалась на загляденье. Теплый южный ветер приносил из степи бодрящее дыхание земли и новой жизни. Яркое майское солнце припекало почти по-летнему. Воздух звенел от радостного щебета птиц. Несмотря на войну, природа настойчиво возрождалась к жизни. Чумаченко жадно, всей грудью вдыхал бодрящий воздух, в его глазах разлилась тоска, и он с болью в голосе сказал:

— Земля плуга просит, а ее снарядами пашут.

— Ты что, агроном? — поинтересовался Петр.

— Не, был главным механиком.

— В колхозе, МТС?

— В колхозе.

— Хозяйство небось на боку лежало?

— Не, у нас было крепкое, по двадцать пять центнеров с гектара снимали, — голос Чумаченко потеплел, и он с тоской произнес: — Эх, сейчас бы пахать и сеять.

Петр почувствовал, что более подходящего момента поговорить по душам может не представиться, и в тон ему заметил:

— Об этом придется забыть; войне не видно ни конца, ни края.

— Зато с нашим концом все ясно — не те, так другие... — Чумаченко осекся.

Эта фраза говорила о многом, и Петр не упустил возможности, чтобы глубже прощупать его. Но Чумаченко, испугавшись, наглухо замкнулся в себе и, сославшись на срочные дела,

поспешил в учебный корпус. После этого он несколько дней с опаской поглядывал на Петра. Тот сохранял в отношениях ровный тон и больше не возвращался к этой опасной теме. Несколько фраз, оброненных Чумаченко в прошлой беседе, и само его поведение давали повод предположить, что умирать за гитлеровцев он не собирался. С Погребинским все было проще — тот плыл по течению.

Определившись с ними, Петр сосредоточился на сборе информации об участниках других агентурных групп и кадровом составе абвергруппы-102. Времени на это почти не оставалось. В последние дни Самутин и Райхдихт не давали продыха ни ему, ни Чумаченко, ни Погребинскому. В казарму они возвращались поздним вечером, обессиленные до предела, и замертво падали на кровати.

Такая интенсивность занятий и оживление, которое царило в штабе, наводили Петра на мысль: гитлеровцы что-то затевают на фронте. Его осторожные попытки хоть что-нибудь узнать у Самутина и Райхдихта не дали результата — они хранили молчание.

Подозрения Петра были не беспочвенны. Командование группы армий «Юг» активно готовилось к проведению наступательной операции, получившей кодовое название «Фридрикус». Ее замыслом предусматривалось силами 6-й армии под командованием генерал-полковника Паулюса и группировки «Клейст» под командованием генерал-полковника Клейста окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта с последующим выходом к Ростову-на-Дону — воротам на Северный Кавказ. Наступление было запланировано на 18 мая.

До его начала оставались считанные дни. Поэтому командование вермахта остро нуждалось в свежих разведывательных данных о том, чем же ответит на этот удар Красная армия. Гопф-Гойер решил, что именно группа опытного Петренко должна первой осесть в тылу советских войск и обеспечить штаб 17-й пехотной армии необходимой информацией.

В ночь на 17 мая Петр, Чумаченко и Погребинский, перейдя линию фронта, развернули радиостанцию и сообщили Гопф-Гойеру об успешной легализации. Но на свободе агентурная группа абвера находилась недолго. На рассвете она попала в засаду военных контрразведчиков. На первом же допросе в особом отделе 6-й армии Чумаченко и Погребинский сознались в связи с германской разведкой и предложили свои услуги. Здесь дала результаты предварительная работа, проведенная с ними Петром.

Операция «ЗЮД» набирала обороты. О важной роли в ней Прядко-Гальченко начальник особого отдела Юго-Западного фронта Селивановский доложил в спецсообщении заместителю наркома НКВД СССР комиссару государственной безопасности 2-го ранга Виктору Абакумову.

Глава 6

*Совершенно секретно
Заместителю народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссару государственной
безопасности 2-го ранга
тов. Абакумову*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По агентурному делу «ЗЮД» — о возвращении из тыла противника агента ГАЛЬЧЕНКО.

В расположение особого отдела НКВД 6-й армии вернулся из тыла противника агент ГАЛЬЧЕНКО.

ГАЛЬЧЕНКО по заданию ОО НКВД 6-й армии в январе с. г. посылался в тыл противника по внедрению в немецкие разведорганы.

Выполнив это задание, ГАЛЬЧЕНКО в начале февраля с. г. возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой разведкой в гор. Славянске.

Вторично с соответствующими дезинформационными материалами ГАЛЬЧЕНКО был послан в тыл противника 14 апреля с. г., оттуда возвратился 17 мая с. г.

Вернувшись из тыла противника, ГАЛЬЧЕНКО привел с собой двух немецких шпионов — ЧУМАЧЕНКО и ПОГРЕБИНСКОГО, которые нами перевербованы. Он также принес ряд данных о разведорганах 17-й немецкой армии, разрабатываемом нами по агентурному делу «ЗЮД»; о положении на оккупированной противником территории; о предателях и изменниках Родины; сведения о расположении воинских частей и т. п.

Штаб 17-й немецкой армии размещается в гор. Горловка. Здесь же по улице Комсомольская, 18 размещается и разведывательная группа; отделение разведки армии помещается в гор. Константиновка по ул. Новосадовая, 207, 210, 212 и 216.

Руководящим составом отделения являются:

1. Подполковник немецкой армии...

Начальник особого отдела НКВД СССР

Юго-Западного фронта

комиссар госбезопасности 3-го ранга

Н. Селивановский

№ 4/2/712 от 17.05.42 г.

На следующий день, после того как спецсообщение ушло в Москву, ранним утром Рязанцев вместе с Прядко прибыли в особый отдел Юго-Западного фронта. Там их встретил Ильин и проводил в кабинет Селивановского.

В кабинете было непривычно тихо. Молчала батарея телефонов; убаюкивающе журчал эфир в наушниках радиостанции. Окна распахнуты настежь. Теплый ветерок, шаловливо поигрывая тюлевыми занавесками, нес с собой нежный запах молодой листвы и первых цветов. Затяжная весна, торопясь наверстать упущенное, за считанные дни пробудила природу к жизни. Но не столько она, сколько сообщения с фронта вселяли в Ильина, Рязанцева и Прядко надежду: наконец в боях наступил

долгожданный перелом. Ударная группировка Юго-Западного фронта все глубже вгрызалась в оборону противника.

Сам Селивановский был более чем сдержан в оценках того, что сейчас происходило в боевых порядках войск. В глубине его серых глаз затаилась тревога. Нет, она не была связана с ходом операции «ЗЮД», здесь-таки все обстояло самым благоприятным образом. Она вышла на качественно новый уровень — контрразведчики получили уникальную возможность вести оперативную игру с гитлеровской спецслужбой сразу на двух полях: на чужом — через Петра в случае его возвращения в абвергруппу-102 и на своем — с помощью перевербованных Чумаченко и Погребинского.

В том, что разведгруппа Петренко-Прядко пользовалась абсолютным доверием в абвере, ни Селивановский, ни Рязанцев, ни Ильин не сомневались. Об этом свидетельствовала расшифровка радиограммы, поступившей от Гопф-Гойера. В ней он не скупился на обещание наград и предлагал Петру не только активизировать получение информации от офицеров штаба «Б» и «К», но и рассмотреть вопрос о вербовке Борисова. Ради этого Гопф-Гойер готов был рискнуть самолетом — прислать с ним посылку с деньгами и вторую радиостанцию.

Такая многообещающая заявка абвера подогривала здоровое честолюбие Рязанцева и Ильина. То, что предлагал Гопф-Гойер, предвосхищало их самые смелые замыслы: открывалась возможность подключения к оперативной игре еще одного исполнителя — Борисова. Подобных чувств они не увидели на лице Селивановского; оно по-прежнему было сурово. В радиограмме Гопф-Гойера его внимание привлекло не столько предложение Петру, связанное с вербовкой Борисова, сколько требование добыть любой ценой данные о резервах Юго-Западного фронта и состоянии войск после шести дней наступательных боев на южном фланге.

«Южный фланг? О нем говорил и Рухле! Неужели? Только не это!» — и в Селивановском ожили недобрые предчувствия.

В конце апреля у него состоялся трудный, с взаимными упреками разговор с командующим фронтом маршалом Тимошенко и членом Военного совета Хрущевым. Поводом послужили разведданные, поступившие от зафронтовой агентуры, и расчеты начальника оперативного отдела штаба полковника Рухле, который, не найдя понимания у своих непосредственных начальников, поделился ими с контрразведчиком майором Белоусовым. А они говорили о том, что планируемое наступление советских войск на Харьков не обеспечено в достаточной степени ни людскими, ни материальными ресурсами и в конечном итоге грозило обернуться катастрофой. Тимошенко с Хрущевым эти аргументы посчитали несостоятельными, самого Рухле обозвали паникером и через Сталина продавили в Ставке Верховного главнокомандования свой план операции.

12 мая ударная группировка Юго-Западного фронта начала наступление. На третьи сутки стал подтверждаться наихудший прогноз Рухле: авиация противника, завоевав господство в воздухе, лишила части 6-й и 9-й армий возможности совершать маневры. Тимошенко с Хрущевым забили тревогу: бросили в бой последние резервы, не предполагая, что все самое худшее впереди.

За спиной наступающих советских войск, на левом фланге, над 57-й армией генерала Подласа нависла, подобно дамoclоу мечу, мощная группировка противника. Ее костяк составляла 1-я танковая армия. Она проявляла странную пассивность. И это наводило Селивановского на мысль: гитлеровцы, отступая, специально заманивали в ловушку войска Юго-Западного фронта! 16 мая он в очередной раз попытался обратить внимание Хрущева на грозящую опасность, но тот не стал его слушать — наступление советских войск, несмотря на значительные потери, продолжало развиваться.

К 18 мая на отдельных участках гитлеровцы отступили на 25–50 километров. Об этих успехах Хрущев с Тимошенко

бодро рапортовали в Москву и предлагали подключить к наступлению соединения Брянского фронта.

Казалось бы, Селивановский и Рухле со своими пессимистическими прогнозами были посрамлены.

Наступило 18 мая. Ночь на фронте прошла на удивление спокойно. Гитлеровцы не пытались контратаковать. Войска 6-й и 9-й армий после короткой передышки сосредотачивались для нанесения нового удара. Ничто не предвещало грядущей катастрофы. Первым ее предвестником стало сообщение, поступившее к Селивановскому полчаса назад; в нем говорилось, что танковая армия гитлеровцев пришла в движение.

Комиссара снова охватили недобрые предчувствия: «Неужели? Неужели началось? Размазня! Слюнтяй! Пошел на поводу у Хрущева с Тимошенко! — костерил он себя. — Надо было напрямую доложить товарищу Сталину, и тогда бы все пошло по-другому. По-другому?».

В памяти Селивановского до точки, до запятой всплыло спецсообщение, которое он адресовал Абакумову накануне наступления Юго-Западного фронта: «Планируемая операция преждевременна. Наступление из Барвенковского выступа опасно. Оттуда вообще следовало бы вывести 57-ю армию. Вокруг выступа немцы за зиму создали глубокоэшелонированную оборону и подтянули к его основанию значительное количество войск, которые в любую минуту могут нанести удар в тыл ударной группировки, парировать такой удар мы не сможем — нет достаточно сильных резервов.

Ошибочно вводить в Барвенковский выступ конные и танковые корпуса, немецко-фашистское командование только того и ждет. Оно с умыслом не усиливает своего левого фланга в районе Славянска. Оно умышленно провоцирует нас на наступление. Как только в барвенковском мешке окажутся наши ударные группировки, немецкая танковая армия, расположенная южнее, нанесет удар в северном направлении на Изюм. Вывод: подготовленное сражение мы проиграем и этим

развяжем руки противнику для крупного наступления на Сталинград и Кавказ».

Абакумов, получив спецсообщение, не решился доложить непосредственно Сталину, а позвонил по ВЧ-связи Хрущеву и высказал озабоченность возможными негативными результатами предстоящей операции. Член Политбюро ЦК ВКП(б), свысока смотревший со своего политического олимпа на какого-то там особиста, четыре года назад ходившего всего лишь в капитанах, с ходу отмел аргументы Абакумова и обвинил Селивановского в раздувании из мухи слона. В действительности «муху» раздул он с Тимошенко, убедив Сталина и Ставку в том, что превосходство соединений Юго-Западного фронта над противником обеспечит успех наступления.

Голос контрразведчиков не был услышан. Тимошенко с Хрущевым, утвердившись в своем самомнении, сосредоточили в Барвенковском выступе все наличные резервы. 18 мая они были полностью исчерпаны, и наступление советских войск захлебнулось. Гитлеровцы перешли в контрнаступление, отражать которое было нечем.

23 мая кольцо окружения замкнулось, и спустя пять дней, 28 мая, ударная группировка Юго-Западного фронта перестала существовать. Ее потери составили 85 тысяч погибших и 230 тысяч пленных.

Для гитлеровских войск открылся, как о том предупреждали Селивановский с Рухле, прямой путь на Сталинград и Кавказ.

За провал операции ответили, конечно, не Тимошенко с Хрущевым, а «стрелочники». Главными виновниками стали командующий 9-й армии генерал Харитонов, отданный ими под суд военного трибунала, и полковник Рухле. Последний был обвинен еще и в сотрудничестве с гитлеровцами.

Позже этот и ряд других конфликтов Селивановского с Хрущевым аукнулся и ему самому. После крушения, казалось бы, всемогущего министра госбезопасности Виктора Абакумова,

павшего жертвой интриг Берии, в августе 1951 года Николай Николаевич был арестован по так называемому «делу Абакумова». Во время следствия он подвергался жестоким пыткам и стал инвалидом.

Но тогда, в окаянные майские дни сорок второго, комиссар Селивановский напряженно искал выход из того отчаянного положения, в котором вот-вот могли оказаться войска Юго-Западного фронта. Ильин, Рязанцев и Прядко не подозревали, что творилось в его душе. Они пребывали в эйфории — успехи на фронте и в операции окрылили их.

— Товарищ комиссар, Николай Николаевич! Надо подключать Борисова. Самое время! — сгорая от нетерпения, торопил события Ильин.

— Предварительно я имел с ним разговор, и он готов, — присоединился к Ильину Рязанцев.

— Борисов, Борисов... — повторил Селивановский; он никак не мог сосредоточиться на разговоре — все его мысли занимало тревожное сообщение о маневре танковой армии гитлеровцев.

Бросив беспокойный взгляд на молчавшие телефоны, Селивановский тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от той устрашающей картины разгрома, которая рисовалась в воображении, и спросил:

— Владимир Иванович, так что ты предлагаешь по Борису?

— Пойти на встречу Гопфу: провести вербовку и через него запустить мощную дезу, — развивал свое предложение Ильин.

— Предварительно с начальником штаба 6-й армии вопрос информационного обеспечения проработан, — дополнил Рязанцев.

— Вербовку? Дезу? Не знаю, не знаю, хлопцы. Боюсь, скоро не до того будет.

Ответ Селивановского озадачил офицеров. Рязанцев, переглянувшись с Ильиным, решился спросить:

— Что-то не так, товарищ комиссар?

— А-а, — и Селивановский, махнув рукой, в сердцах произнес: — Кажись, вяпались по самые уши!

— Как? На чем? Не может быть? Гопф же объявил благодарность Петру! — ничего не могли понять офицеры.

— Петр тут ни при чем. Фрицы вот-вот ударят под дых. Первая танковая армия зашевелилась, — глухо произнес Селивановский.

— Так это же мешок! — чуть ли ни крикнул Ильин.

От радужного настроения ни у кого не осталось и следа. Не будучи стратегами, но зная реальное положение в частях, они представляли всю опасность этого маневра гитлеровцев.

— Ничего, нам не впервой драться в окружении, — пытался сохранить присутствие духа Рязанцев.

— Ты, Павел, это брось! Сейчас не сорок первый. Мы еще... — договорить Селивановскому не удалось.

Телефоны одновременно взорвались звонками. Он схватил первую попавшуюся под руку трубку — и война снова безжалостно напомнила о себе. Взволнованный голос заместителя начальника особого отдела 5-го кавалерийского корпуса с трудом прорывался сквозь грохот взрывов. Селивановский плотнее прижал трубку к уху и приказал:

— Спокойно!.. Другое дело!.. Доложи коротко и главное!

— Что-о?! — Селивановский приподнялся над креслом.

Его вопрос и тон яснее ясного дали понять — катастрофа!

Гитлеровцы, как и предполагал Селивановский, легко прорвали оборону советских войск и, сокрушая все на своем пути, стремительно сжимали танковые клещи за спиной ударной группировки Юго-Западного фронта.

— Где командир? Где начальник штаба? Какими силами располагаете? — добивался ответа Селивановский и, не услышав внятного ответа, приказал: — Иван, собери всех, кто уцелел: работников, взвод охраны... Ты слышишь?.. Твоя задача — обе-

спечить выход из окружения личного состава штаба и сохранность документов! Понял?.. Действуй!

— Глубоко зашли, товарищ комиссар? — дрогнувшим голосом спросил Рязанцев.

— По самые яйца! — выматерившись, Селивановский бросил ненавидящий взгляд на трезвонившие телефоны и, после затянувшейся паузы, объявил: — Товарищи офицеры, ситуация тяжелая! Рассиживаться некогда! Ты, Павел Андреевич, немедленно отправляйся к себе! На месте уточни обстановку и возьми под контроль. Слов нет, враг силен, но у нас есть чем ответить. Важно не допустить паники! Будь рядом и поддержи командира!

— Я понял, Николай Николаевич. Разрешите убыть? — Рязанцев встал из-за стола.

— Да. Удачи тебе! — Селивановский, проводив взглядом Рязанцева, посмотрел на Ильина и Прядко.

Они поднялись.

— Сидите! — остановил он и вернулся к началу разговора: — Какие будут предложения по операции?

Петр пожал плечами. Ильин тоже не знал, что ответить. Селивановский нервно тербил телефонный шнур и размышлял вслух:

— Что сейчас предпримет абвер? Что?

— Начнет массовую заброску агентуры! — без тени сомнений заявил Ильин.

— Диверсии на мостах и переправах, — дополнил Петр.

— Все так, — согласился Селивановский. — Каковы наши действия?

— Использовать по максимуму возможности Петра и группы Чумаченко: вытащить на них как можно больше шпионов и диверсантов, — предложил Ильин.

— Логично. Что еще?

— Пустить Гопфа и командование по ложному следу — дать дезу.

— Боюсь, Володя, уже поздно.

— Разрешите, товарищ комиссар? — вмешался в разговор Петр.

— Да, конечно.

— В радиограмме абвера мне с Чумаченко поставлена задача: собрать данные о резервах Юго-Западного фронта и выяснить, на каких направлениях они будут использованы.

— Так-так. И что дальше? — оживился Селивановский.

— Прощупать на этом фрицев и узнать, где будет нанесен следующий удар.

— Так они и скажут! — с ходу отверг это предложение Ильин.

Селивановский не был столь категоричен и, подумав, заявил:

— То, что предлагает Петр, выходит на первый план в операции. В нынешней ситуации для нас, а точнее — для командования фронта, важнее не десятков-другой мертвых или пойманных шпионов, а планы гитлеровцев: где и какими силами они будут атаковать на южном фланге. Вопрос: как это вытащить из Гопфа? Как?

— Не знаю, — признался Ильин.

— Так влет и не скажешь, — затруднился ответить Петр.

— А если использовать как зацепку задание Гопфа по сбору данных о наших резервах на южном фланге и на этом попытаться их раскрутить? — задался вопросом Селивановский.

— Тогда есть резон подключить группу Чумаченко и действовать на параллельных курсах, — подхватил эту мысль Петр.

— А что? Хороший вариант. Глядишь, не у Петра, так у Чумаченко выстрелит, — поддержал Ильин.

— Только глядеть надо в оба! В абвере не дураки сидят. В общем, хлопцы, даю вам двое суток. Радиограммы в абвер должны лежать у меня на столе не позднее двадцать первого, — распорядился Селивановский и закончил совещание.

Этих суток у Петра с Владимиром не было. Танковая группировка генерала фон Клейста прошла, как нож сквозь масло,

через левый фланг Юго-Западного фронта и 23 мая южнее города Балаклеи соединилась с частями 6-й армии будущего генерал-фельдмаршала Паулюса. Кольцо окружения вокруг советских войск замкнулось, управление ими было дезорганизовано; сражение превратилось в кровавую бойню.

Ильин, Прядко, Погребинский и Чумаченко, в то время находившиеся в отделе Рязанцева, оказались отрезанными от основных сил, оборонявших штаб 6-й армии. Штурмовой отряд гитлеровцев при поддержке танков рассек надвое боевые порядки, а затем минометные батареи принялись методично добивать тех, кто продолжал еще сопротивляться. Под этим убийственным огнем шансов остаться в живых не было. Рязанцев решил не медлить. Он собрал в один кулак уцелевших оперативных работников, бойцов из взвода охраны отдела и полтора десятка красноармейцев, прибывших из других частей, и предпринял отчаянную попытку прорваться на соединение с командованием 6-й армии.

Под прикрытием железнодорожной насыпи они вплотную приблизились к гитлеровцам. Рязанцев окинул взглядом бойцов и приказал:

— Гранаты к бою!

Руки красноармейцев взметнулись в броске, и по команде «Огонь!» лимонки полетели во врага.

Еще не затихли разрывы, а Рязанцев вскочил на насыпь и с криком «За мной!» ринулся в атаку.

Петр, передернув затвор пистолета, перекинул его в левую руку, правой выхватил из-за пояса саперную лопату и бросился за ним вдогонку. Рядом бежал Ильин, не отставали от них и Чумаченко с Погребинским. Натиск оказался настолько стремителен, что гитлеровцы не успели опомниться. Те, кто уцелел после гранат и автоматного огня, были изрублены саперными лопатками и штык-ножами.

Вместе с Рязанцевым из окружения вырвалось меньше взвода. До штаба армии оставалось около километра — это

прибавило сил. И они одним рывком преодолели пустырь и за-
легли в канаве. Впереди сквозь дым и гарь проступили горящие
развалины — все, что осталось от командного пункта. Оттуда
доносились звуки ожесточенной перестрелки и отчаянные
крики, в которых смешалась русская и немецкая речь. Сотня
гитлеровцев при поддержке танков штурмовала последний
оплот командующего армией генерала Городнянского. Он и
горстка офицеров предпочли смерть позору плена. Мощный
взрыв похоронил под обломками командного пункта последних
его защитников.

Теперь группа Рязанцева оказалась меж двух огней. Со
стороны КП армии на нее надвигались четыре танка, а позади
пришедшие в себя гитлеровцы открыли огонь. Спасаясь от не-
минуемой гибели, Рязанцев, а вместе с ним Ильин, Прядко, По-
гребинский, Чумаченко и те из бойцов, кто мог еще двигаться,
бросились искать спасения в цехах механического завода. Но
там они напоролась на отряд румын и сошлись в рукопашной.

Воздух сотрясали яростный рев и грохот выстрелов. Ножи,
штыки, саперные лопаты кромсали человеческую плоть. На
земле корчился и извивался кровавый клубок тел, из которого
неслись нечеловеческие вопли и предсмертные стоны. Русские
и румыны, остервенев от собственной и чужой крови, душили,
рвали и терзали друг друга.

Петр уже не видел ничего и никого, кроме верзилы унтера
с перекосившейся от ярости физиономией, стремительно над-
вигавшегося на него. Вверх взметнулась ручища, вздувшаяся
синими узелищами вен. Зловеще блеснуло лезвие тесака. Из
глотки унтера вырвался звериный рык и чудовищной силы
удар обрушился на Петра. В последний момент он совершил
уклон вправо — холодная сталь обожгла лишь левое плечо —
и вонзил саперную лопатку в живот унтера. В лицо брызнул
фонтан крови, и стокилограммовая туша обрушилась на него.
Сбросив ее, Петр ринулся к пролому в стене, но споткнулся и
свалился на землю. И опять леденящее дыхание смерти обдало

лицо — над головой взметнулся фонтан пыли. Пуля, срикошетив от пола, с визгом отлетела в сторону. Второго выстрела не последовало.

Смахнув с лица кровь, Петр поднял глаза. Худой, как жердь, лейтенант судорожно дергал заевший затвор пистолета. Вытянувшись в немыслимом шпагате, Петр подсек его и, навалившись сверху, вцепился в горло. Лейтенант, судорожно дернувшись в последний раз, затих. Петр сполз с обмякшего тела и, спотыкаясь о кирпичи, выбрался из развалин. За ними начиналась складская территория.

Среди нагромождения ящиков и штабелей досок мелькнули Ильин с Погребинским. Рязанцева с ними не было; не было слышно и его голоса. Петр осмотрелся по сторонам. Еще несколько человек из взвода охраны особого отдела, уцелевших в рукопашной схватке, искали спасения в складском лабиринте. Он присоединился к ним. Выбрались на задний двор, дальше начинались густые заросли.

Петр первым перемахнул через забор и замер — навстречу катили мотоциклисты. Его заметили, и над головой злыми шмелями жажужжали пули. Он метнулся к зарослям ольхи. Гитлеровцы не поленились и устроили на него охоту. Рев мотоциклов и гортанные крики становились все ближе. Западня вот-вот должна была захлопнуться, и тут земля ушла из-под ног. Петр угодил в пролом канализационной трубы и, не обращая внимания на ушибы и царапины, пополз, извиваясь ящерицей, к просвету.

Труба вывела Петра на склон оврага. Он выглянул наружу. Прислушался. Звук моторов отдалялся все дальше вправо — мотоциклисты потеряли его след.

Петр соскользнул вниз, но не успел перевести дыхания, как над головой раздались гортанные команды. Ринулся искать спасения в садах. Ветки хлестали по лицу, но он не чувствовал боли и бежал до тех пор, пока его не оставили силы. Рухнув пластом на землю, долго пролежал без движения. Горячее дыхание на

щек заставило его встrepенуться. Над ним склонилась собачья морда. Тихо поскуливая, раненый пес заглядывал ему в глаза.

«Бедолага, ты-то за что мучаешься? — рука Петра легла на холку пса, тот жалобно заскулил. — Да, попали мы с тобой в оборот. Что делать? Пробиваться к своим? Или возвращаться в абвер и выполнять задание? А если Погребинский с Чумаченко у фрицев? Тогда конец. Так уж и конец? Чумаченко не выдаст — ему деваться некуда. А Погребинский? Этот может. Боишься? Нет! Так в чем дело?.. Значит, в абвер», — Петр с трудом поднялся с земли и направился к большаку.

Над дорогой стоял столб пыли: колонны гитлеровцев двигались непрерывным потоком. Вся эта армада стремилась на восток, в сторону города Изюма. Оттуда доносились раскаты артиллерийской канонады; там последние защитники, несмотря на отчаянное положение, продолжали сопротивляться. В этом огненном котле остались Селивановский, Рязанцев и Ильин. При мысли о них страдальческая гримаса исказила лицо Петра. Всем своим существом он рвался к ним, но разум говорил другое — ты нужен в абвере!

Петр шагнул из кустов на обочину дороги: надо было найти абвергруппу-102.

На дороге появилась очередная колонна гитлеровцев. В ее арьергарде катили мотоциклисты. Увидев Петра, головная машина свернула и остановилась в нескольких метрах от него. Пулеметчик угрожающе повел стволом пулемета. Мотоциклист стащил с глаз запылившиеся очки и пустым взглядом уставился на Петра. За последние сутки перед ним прошли сотни деморализованных, раздавленных безжалостным катком войны красноармейцев и командиров. Сплюнув под ноги Петра, он махнул рукой пулеметчику, и тот потянулся к пулемету.

— Я свой! Абвер! У меня важная информация! — крикнул Петр.

Пулеметчик снял палец с пускового крючка, и ствол клюнул вниз. В оловянных глазах водителя появился интерес.

— Мне надо срочно в Константиновку! — наседал Петр.

— О! Nein! Nein!.. Изюм! — мотоциклист развернул свой «харлей» и поехал к колонне.

Петр проводил его ненавидящим взглядом и побрел навстречу бронированной своре. Поблескивая свежей краской, танки и самоходки стремительно двигались к фронту. Клубы пыли снова окутали дорогу. Рев мощных двигателей и лязг гусениц оглушили Петра. В последний момент он услышал за спиной резкий скрип тормозов и отскочил в сторону. В сумерках, окутавших дорогу, что-либо рассмотреть было невозможно. Колонна прошла, пыль осела, и Петр не поверил собственным глазам: из кабины «мерседеса» на него таранился Мартин Рудель.

— Петренко, ты? Вот так встреча! — поразился он.

Петр только развел руками.

— Давай сюда, — позвал Рудель.

Отряхнув пыль, Петр забрался на заднее сиденье. Несколько минут они ехали молча. Рудель, дав ему прийти в себя, поинтересовался:

— Как ты?

— Слава богу, жив, герр оберлейтенант. Только внутри все горит. Попить бы, — попросил Петр.

Рудель достал фляжку. Вода отдавала запахом хлорки, но Петр не ощущал этого и жадными глотками опустошил все до дна. Сухость, дравшая горло, прошла. Он прикрыл глаза и в изнеможении отвалился на спинку сиденья.

— Что с Чумаченко и Погребинским? — как из подземелья донесся до него голос Руделя.

Петр встрепенулся, бросил взгляд на зеркало и, не увидев на его лице отражения какого-либо подвоха, ответил:

— Не знаю. Там сейчас такое творится... Наверно, погибли.

— Возможно. После семнадцатого они больше на связь не выходили, — согласился Рудель.

— Жаль, с ними можно было работать, — посетовал Петр.

— Ничего, найдем новых. Вон их сколько, — Рудель кивнул на обочину.

По ней брела колонна советских военнопленных. У Петра от жалости сжалось сердце и перед глазами ожили кошмары лета сорок первого: кровавое месиво из человеческой плоти, тысячные толпы истерзанных и деморализованных красноармейцев, которых, как скот, гнали на пересылки. А Рудель продолжал разглагольствовать. В душе Петра нарастало жгучее желание вцепиться ему в глотку. С трудом сдерживая себя, он вынужден был поддакивать. Не найдя в нем активного собеседника, Рудель смолк и до самой Константиновки они обменялись всего лишь парой фраз.

За неделю, что Петр отсутствовал в группе, внешне ничего не изменилось. Но атмосфера стала другой. Ее сотрудники пребывали в приподнятом настроении: фронт стремительно двигался на восток, и все сидели на чемоданах.

Этой настрой передался чопорному аккуратисту Гопф-Гойеру. Несмотря на замызганный вид Петра, он принял его сразу, но не стал допекать вопросами. В них отпала необходимость. То, что не доделали агенты абвера, довершил вермахт — ударная группировка Юго-Западного фронта перестала существовать. И теперь в голове Гопф-Гойера рождались новые дерзкие замыслы: создание мощной агентурной сети на Кубани и под Сталинградом. Не последнее место в них он отводил опытному и надежному агенту Петренко. Завершая с ним разговор, Гопф-Гойер сделал многозначительный намек. Что он имел в виду, Петр узнал на следующий день.

Сразу после завтрака дежурный по группе объявил общее построение для постоянного состава. Выйдя из столовой, сытая и благодушно настроенная толпа направилась к плацу. Петр собрался идти в общежитие, но его остановил Самутин:

— Петренко, ты тоже на построение.

— Я? Но я ж не постоянный состав? — удивился Петр.

— Райхдихт приказал.

— Он? А зачем?

— У него спроси, — буркнул Самутин, и в его глазах вспыхнул ревнивый огонек.

Теряясь в догадках, Петр направился к плацу. Там шло построение офицеров и инструкторов, и он занял место на левом фланге. Отрывистая команда дежурного по группе положила конец разговорам и заставила застыть строй. На крыльце штаба появился Гопф-Гойер. Он строгим взглядом прошелся по лицам, задержался на Петре и объявил:

— Господа офицеры! Господа инструкторы! Сегодня для одного из нас наступил счастливый день! — и после короткой паузы приказал: — Господин Петренко, выйти из строя!

Петр качнулся вперед, а затем, отчеканив три шага, замер по стойке «смирно». Гопф-Гойер сошел с крыльца, стал рядом и продолжил речь:

— Господа, перед вами находится мужественный борец с большевизмом! Господин Петренко дважды с риском для жизни выполнил задания и добыл ценную информацию. О вашей работе, господин Петренко, нужно рассказывать всем агентам, и это для них будет поучительно. Если бы все были такие, как вы, то мы бы давно покончили с большевиками. Господа, это пример достойного служения великой Германии и ее фюреру!

— Хайль Гитлер! — рявкнул Петр.

— Хайль! — вальяжно произнес Гопф-Гойер и довел приказ по группе: — Господин Петренко, вы назначаетесь на должность старшего инструктора. Желаю успеха.

— Служу великой Германии и ее фюреру! Я вас не подведу, герр подполковник! — заверил Петр.

— Я на это рассчитываю. Сегодня, господин Петренко, вы можете отдохнуть, а завтра — за работу. Господин Самутин, даю вам три дня, чтобы ввести его в строй! — распорядился Гопф-Гойер.

— Есть, господин подполковник, — без особого энтузиазма ответил тот.

— По рабочим местам, господа! — приказал Гопф-Гойер.

— Разойдись! — последовала команда дежурного по роте.

Строй распался. К Петру подошли Райхдихт с Руделем и поздравили с назначением. К ним, помявшись, присоединился и Самутин. На скусившейся физиономии бывшего заплечных дел петлюровского подполковника не было заметно следов радости по поводу назначения к нему попавшего в разряд любимчика начальников быстрорастущего инструктора.

Но это особенно не опечалило Петра; в душе он ликовал. Назначение на исключительно важный участок работы, связанный с подготовкой документов прикрытия на агентуру, открывало перед ним широчайшие возможности. Он получил доступ к святой святых в любой разведке. О такой удаче вряд ли могли мечтать Рязанцев и Ильин.

В тот же день Петр, демонстрируя служебное рвение, отказался от увольнения и сразу приступил к работе.

Состояние дел у Самутина находилось на самом высоком уровне. Души предателей были разложены по разным сейфам и полкам. Картотека на особо мерзких негодяев хранилась в отдельной ячейке, к которой имели доступ, помимо Самутина, только Гопф-Гойер, Райхдихт и Рудель.

Эту тайную бухгалтерию Петр изучил досконально за четыре дня, но доступа к особому архиву абвергруппы так и не получил. Но и то, чем он уже располагал, представляло несомненный интерес для советской контрразведки. А это — подлинные и вымышленные имена и фамилии агентов абвера, их задания и места заброски. Надеясь, что рано или поздно придет связник, Петр стал накапливать эти сведения и складывать в тайник.

Шло время, а на связь никто не выходил. Рязанцев и Макеев были мертвы, а те из работников особого отдела, которые выжили и имели отношение к операции «ЗЮД», полагали, что зафронтной агент Гальченко давно погиб. Петр остался один

на один с врагом. Его ожиданию, что рядом появится надежный помощник, не суждено было сбыться.

Знойное лето сорок второго года обернулось чудовищной катастрофой для советских войск на Южном и Юго-Западном фронтах. Отчаянные попытки Ставки Верховного главнокомандования спасти положение не дали результата. В знойных Донских степях части Красной армии, оставшись без воздушного прикрытия, становились легкой добычей для фашистской авиации. На земле бронетанковые и моторизованные части вермахта, как мельничные жернова, перемалывали остатки истрепанных в непрерывных боях 51-й и 64-й армий.

Фронт все дальше откатывался на восток, к Сталинграду. Вслед за ним продвигались разведывательно-диверсионные подразделения абвера. Новым местом дислокации абвергруппы-102 стал Ростов-на-Дону. Там, на улице Первая Баррикадная, разместился ее штаб. Несколько дней ушло на обустройство, а затем школа шпионов заработала на полную мощь. Чуть ли не каждую неделю группы агентов забрасывались в тыл советских войск, чтобы шпионить, взрывать мосты и из-за угла убивать командиров.

Сведения, собранные на них Петром, лежали мертвым грузом. И тогда он решил действовать на свой страх и риск — стал вносить в документы прикрытия агентов искажения, которые позволили бы советским контрразведчикам облегчить их поиск. Продолжалось это недолго.

Время подходило к обеду, когда в его кабинет ворвался Самутин. Опалив Петра злобным взглядом, он прошипел:

— Ты на кого работаешь?

— Алексеич, ты что? — Петр пытался понять, откуда дует ветер.

— А ни что! Ты что творишь? — наливался злобой тот.

— О чем ты?

— Будто не знаешь!

— Не знаю.

— Он не знает! А это что? — и, брызжа слюной, Самутин потряс красноармейскими книжками.

Петр похолодел — его уловка с документами агентов раскрыта. Это был провал! Он лихорадочно пытался вспомнить, сколько всего меченых бланков могло остаться в картотеке.

«Семь? Четыре? Скорее, четыре. Три — на руках у агентов из группы Васильченко. Их не проверить — группа должна уже перейти линию фронта. А если нет, то тогда... Что гадать, главное — отбрехаться. Но как? Валить на усталость? Значит, сознаться. Так что же делать? Только не молчать», — Петр изобразил недоумение на лице.

— Алексеич, ты что — с бодуна? Так у меня нечем опохмелиться, — перешел в атаку Петр.

— Я тебе покажу с бодуна! Сволочь! — сорвался тот на визг и швырнул четыре красноармейские книжки на стол.

— Перестань орать и скажи толком, — Петр продолжал делать вид, что ничего не понимает.

— Это что такое? Что-о, я тебя спрашиваю? — корявый палец Самутина тыкал во вторую страницу книжки красноармейца.

Искажения, которые мог обнаружить только опытный взгляд и которые должны были сказать советским контрразведчикам, что перед ними не красноармеец, а затаившийся враг, не прошли мимо внимания Самутина. Было ли это случайностью или прожженный шпион, несмотря на расположение гитлеровцев к старшему инструктору Петренко, продолжал следить за ним, теперь это уже не имело значения. Гопф-Гойер не церемонился с теми, в отношении кого возникали малейшие подозрения, — их отправляли в гестапо или концлагерь.

Петр лихорадочно соображал, как выпутаться из сложившейся ситуации и заставить замолчать Самутина. Но ничего другого, как переложить вину на него самого, на ум не приходило, и бросил ему в лицо:

— Сам виноват! Не на того напал! Я за тебя отдуваться не буду!

— Я... Я... — Самутин потерял дар.

— Ну, не я же.

— Т-ты... С-сука! Да я тебя...

— Сам такой! Я делал, как в образце, — стоял на своем Петр.

— Че-го-о? Ах ты, гад, стрелку на меня переводить задумал? Не выйдет! — Самутин хлопнул дверью и выскочил в коридор.

В голове Петра вихрем пронеслись мысли: «Это конец. Бежать пока не поздно! Бежать!». Подчиняясь инстинкту самосохранения, он ринулся к выходу, скатился по лестнице на первый этаж. Громкие голоса и суета у комнаты дежурного по штабу заставили его замереть: «Засада! Самутин, сволочь, уже сдал!».

Взгляд Петра заметался по сторонам. Двери кабинетов смотрели на него безликими табличками. «Сортир! А там — через окно», — осенило его. Развернувшись, он не спеша проковылял в конец коридора. Удача сопутствовала ему — в туалете шел ремонт и с окон сняли решетки. Петр распахнул створку, выглянул во двор и отпрянул назад. Комендантский взвод, поднятый по тревоге, блокировал все выходы. Ловушка захлопнулась.

«Сволочи! Живым не дамся, — рука Петра опустилась на пистолет. Холод металла придавал уверенности. — Стоп, не паниковать!» — он пытался собраться с мыслями.

В это время из коридора донесся топот ног и громкие голоса. Один из них принадлежал Райхдихту. Секундное раздумье, и Петр метнулся в кабинку. В его распоряжении оставалось несколько минут.

«Где спрятаться? Куда бежать? Бежать? Побегал, значит, признал! Спокойно, спокойно, — успокаивал себя Петр и искал выход из положения. — Что у них против тебя? Подозрения Самутина и четыре бланка книжки красноармейца с пометками. Подозрения? Они и есть подозрения. А бланки? М-да, от них

не отмахнешься. Но это не факт, что шпион. Мало ли что вообразил Самутин. Все делалось по его указке и по его образцам. Стоять на этом, а там будь, что будет», — решил Петр пойти навстречу опасности.

На выходе из туалета он лицом к лицу столкнулся с Райхдихтом. За его спиной маячили Самутин и автоматчик из комендантского взвода.

— Петренко, стоять! — приказал Райхдихт.

— Стою. А в чем дело? — сохраняя спокойствие, ответил Петр.

— Что тут делаешь?

— Я?

— Отвечать, когда спрашивают! — рявкнул Райхдихт и угрожающе надвинулся на него.

Петр кивнул на дверь туалета, затем на Самутина и с усмешкой произнес:

— После того, что Алексич с бодуна наплел, не только на очко, а и в...

Но договорить не успел. Самутин дернулся, как от удара электрическим током, и сорвался на визг:

— Сволочь! Этот номер у тебя не пройдет! Я... Я...

— Сам обосрался и на меня валишь. Не выйдет! — обрушился на него Петр.

Выдержка окончательно изменила Самутину — с истошными воплями он ринулся к Петру.

Райхдихт прижал Самутина своей лапищей к стене и заорал:

— Стоять!

— Я что? Он ахинею несет, а мне... — пытался защититься Петр.

— Молчать! Ты арестован, — объявил Райхдихт и приказал автоматчику: — В карцер его!

Под истеричные выкрики Самутина Петра вывели из штаба. На него с недоумением смотрели инструкторы. У входа гауптвахты его поджидал комендант.

Затолкав Петра в тесный предбанник, он сноровисто обшарил его с головы до ног, а затем, погромыхивая связкой ключей, повел к лестнице, ведущей в подвал. Там находились камеры для особо важных пленных и проштрафившихся агентов. По щербатым ступеням они спустились вниз и остановились перед камерой. Комендант, недолго повозившись с замком, сдвинул засов и, распахнув дверь, приказал:

— В камеру!

Петр перешагнул порог. За спиной пронзительно скрипнула дверь, и он оказался в каменном мешке.

Часть вторая

И один в поле воин

Глава 7

Штаб абвергруппы-102 напоминал растревоженное осиное гнездо. Кабинеты и учебные классы гудели от слухов о поимке шпиона большевиков. В группе только и было разговоров, что об аресте Петренко. Русские инструкторы из последнего набора, собравшись в курилках, злорадствовали, что скороспелый любимчик шефа быстро спекся, а его «папику» — Самутину-Замутину, греющему задницу в теплом кабинете, наконец начистят харю. Более опытные инструкторы, с оглядкой по сторонам, шушукались по углам и строили предположения, чем им лично грозит разоблачение Петренко.

Он был не первым шпионом; предыдущего в назидание другим расстреляли перед строем. На том та шпионская история не закончилась — группу еще неделю лихорадило. Райхдихт, прикрывая свою задницу перед начальством, рыл рогами землю, выискивая затаившихся врагов рейха. И нашел. Еще три инструктора исчезли бесследно. По одним слухам, они закончили жизнь в подвалах гестапо, а по другим — в лагере для военнопленных.

Чем нынешнее разоблачение шпиона грозило не только рядовым инструкторам, но и самому Гопф-Гойеру, никто не брался предугадать. Ситуация с Петренко складывалась более чем скандальная. Он был далеко не рядовым инструктором и располагал подробными сведениями об агентах, заброшенных в тыл большевиков.

Атмосфера в группе накалялась с каждым часом. Все ожидали реакции Гопф-Гойера на ЧП. Но тот держал паузу, и тому имелась причина — провал в работе с Петренко бил по нему напрямую. В предыдущих докладах Гемприху он не жалел лестных слов в отношении перспективного сотрудника группы. Тот его услышал и доложил в Берлин. После этого Петра включили в особый резерв адмирала Канариса. Это являлось весомым результатом для Гопф-Гойера, так как далеко не каждая группа имела в своем активе сотрудника, которого могли задействовать в операциях самого высокого уровня. Теперь же провал с Петренко ставил под сомнение его профессиональную репутацию и дальнейшую карьеру.

Гопф-Гойер с ненавистью смотрел на телефон и не решался поднять трубку, чтобы доложить Гемприху о ЧП. В кабинете царило тягостное молчание. Райхдихт и Рудель понуро устали в пол. Самутин забился в угол и боялся шелохнуться. Гопф-Гойер поднял голову, прошелся взглядом по подчиненным, задержал его на Самутине — тот дернулся, словно от удара электрическим током, и глухо произнес:

— Господа, надеюсь, всем понятна ситуация. Какие будут предложения?

Возникла томительная тишина. Первым ее нарушил Рудель:

— А что об этом думает Гемприх?

Гопф-Гойер болезненно поморщился и сказал:

— Я еще не докладывал.

— А что докладывать, когда самим неясно, — поддержал его Райхдихт и предложил: — Сначала надо выяснить, сколько агентов мы потеряли из-за этого негодяя.

— И сколько? — задался вопросом Рудель.

— К сожалению, остается только гадать, — Райхдихт развел руками.

— Ну почему же? Господин Самутин, — Гопф-Гойер ожег его взглядом и желчно заметил, — должен знать.

Самутин заерзал в кресле и, пряча глаза, выдавали из себя:

— Я могу только предполагать. Если исходить из того, что...

— Перестаньте мямлить, Самутин! — рыкнул на него Райхдихт. — Доложите, сколько красноармейских книжек прошло через руки Петренко? Имел ли он доступ к картотеке на ценных агентов?

— Нет-нет! Ключ от сейфа постоянно находился при мне. Я клянусь, господа!

— Оставьте свои клятвы. Кому они нужны. Так сколько было книжек?

— Э-э, семь, нет — девять. Извините, точно не могу сказать. М-м-мо...

— Хватит мычать, Самутин! Их фамилии? — потерял терпение Гопф-Гойер.

— Мне надо собраться с мыслями, — промямлил он.

— А они у тебя остались? — с сарказмом произнес Райхдихт. — Насколько мне помнится, это же ты подсунул нам этого суперагента.

Самутин побледнел. Тертый калач, съевший собаку в таком опасном деле, как агентурное, он понял, к чему клонит Райхдихт. Главный эсбэшник группы, прозевав Петренко, спешил перевести стрелки на него. Собравшись с духом, Самутин огрызнулся:

— Я с себя вины не снимаю. Но хочу напомнить: это вы, господин Райхдихт, отвечали за его оперативную проверку и потому...

— Че-го-о? Ты мне своего выкормыша не подсовывай! Я тебя... — взорвался Райхдихт.

— Прекрати, Ганс! Сейчас не до того, — остановил его Гопф-Гойер и распорядился: — Самутин, через час представить мне полный список агентов, прошедших через руки Петренко! Полный! Вам ясно?

— Так точно, господин подполковник! — заверил тот и застыл свечкой.

— Ну, так что стоите? Идите и выполняйте! — рыкнул Гопф-Гойер.

Самутин метнулся к двери и мышью выскользнул в коридор. Гитлеровцы остались одни. Они хорошо отдавали себе отчет — семь или девять агентов, ставших жертвами Петренко, для Гемприха и в Берлине принципиального значения, по большому счету, не имели. Абвер ежедневно терял десятки агентов — такова была неумолимая логика тайной войны с русскими. Проблема заключалась в другом — Петренко стал первым советским агентом, которому удалось проникнуть в кадровый состав абвера.

«Первый!» — на скулах Гопф-Гойера заиграли желваки, а пальцы сжались в кулаки. Он представлял себе, как на служебном совещании Гемприх станет разносить его в пух и прах. Его, ветерана разведки, работавшего под началом самого аса тайных операций Вальтера Николаи, будут втоптывать в грязь на глазах выскочек — бывших лавочников, у которых ум и профессиональный опыт заменяли партийный билет наци. Все еще надеясь найти выход из ситуации, Гопф-Гойер тянул с докладом до последнего. Пробежавшись взглядом по понурым лицам подчиненных, он, избегая смотреть им в глаза, мрачно произнес:

— Господа, надеюсь, вам не надо объяснять, что на карту поставлена репутация нашей группы и честь каждого из нас?

— А если в Запорожье ситуацию раздуют? Нам не позавидуешь, — констатировал Рудель.

— Поэтому, господа, надо думать, как выйти из нее с минимальными потерями, — осторожно намекнул Гопф-Гойер. — Но каким образом?

Райхдихт понял этот прозрачный намек:

— Это уже зависит от того, как перед Гемприхом и Берлином повернуть дело с Петренко.

Гопф-Гойер оживился — заместители, похоже, дули с ним в одну дуду — и, приободрившись, заявил:

— Я надеюсь на вас, Ганс! Выбейте из мерзавца все, что можно, а там посмотрим.

— Постараюсь, господин подполковник.

— Очень старайтесь, Ганс! Очень!

— Не лишнее потрясти и Самутина. С этими русскими не знаешь, в какой момент они подложат свинью, — вспомнил о нем Рудель.

— С ним — потом, сейчас надо решать проблему с Петренко, — не стал дальше углубляться в опасную тему Гопф-Гойер и на том закончил совещание: — Всем за дело, господа! Время не ждет, оно работает против нас.

Покинув кабинет, Рудель отправился в учебный корпус, чтобы привести в чувство инструкторов с курсантами и возобновить занятия. Райхдихт остался в штабе и засел за досье на Петренко — доносы осведомителей, записи прослушки, надеясь найти в них то, что позволит сломать агента большевиков.

Сам же Петр томился в неизвестности. Но не столько неизвестность, сколько жажда и невыносимый смрад в камере изводили его. Попытки получить у часовых глоток воды наталкивались на угрозы. К муче душевной добавилась телесная. Каждый вздох отзывался в пересохшем горле болезненными спазмами. Вскоре от нехватки воздуха он начал задыхаться и, ища спасение, снял рубашку, майку и брюки. Это не облегчило страданий. Усилившийся в камере смрад мучил сознание и вызывал приступы тошноты. Его взгляд метался по каменному мешку в поисках отдушины. Между рамой и стеной светлой полоской прорезался просвет. Петр прильнул к щели. Слабый сквозняк живительной свежестью обдал губы, и тут за спиной громыхнула «кормушка».

— Ты што делаешь, гад?! — рывкнул часовой.

— Слепой, что ли? — просипел Петр.

— А ну, портки одень! — потребовал часовой.

— Не нукай, я не жеребец.

— Хуже, ты — сука конченная.

- Кто из нас сука, еще разберутся.
- Че-го-о? — опешил часовой.
- Так ты еще и глухой.
- Молчать, сволочь! Щас соплями захлебнешься!
- Не пугай — пуганый. Выйду, сам будешь глотать.
- Выйдешь, выйдешь... ногами вперед.
- Это мы еще посмотрим, — и Петр дернулся к двери.

Часовой шархнулся в сторону, захлопнул «кормушку», и из коридора понеслись вопли:

- Гад краснопузый! Сука недобитая!

Вопли внезапно оборвались. В наступившей тишине послышался топот. Петр напрягся. Лязгнул засов. Дверь распахнулась. На пороге возник комендант.

От ударившей в лицо струи смрада губы коменданта искривила брезгливая гримаса. Прикрыв нос платком, он промычал:

- Что, сволочь, уже на тот свет собрался?
- Мне и на этом неплохо, — буркнул Петр.
- Поговори мне! Собирайся, пошли! — прикрикнул комендант.

Петр оделся, вышел из камеры и вопросительно посмотрел на него.

- Вперед! И не дури, — предупредил комендант.
- Я себе не враг, — успокоил его Петр и, чтобы узнать, к чему готовиться, спросил: — А что, цирк еще не закончился?
- Только начинается, — с ухмылкой ответил комендант и подтолкнул в спину стволом пистолета.

Поднялись на второй этаж и прошли в душевую. Там уже находился Райхдихт. Его мрачная физиономия и сама обстановка ничего хорошего не сулили. Петр не дал слабины и продолжил игру:

— Герр оберлейтенант, старший инструктор Петренко по вашему приказанию прибыл!

Гитлеровец не ответил, обошел вокруг Петра и, покачиваясь с носка на пятку, зловеще прошипел:

— Тварь ты, а не инструктор!

— Это ошибка, герр оберлейтенант, — не сдавался Петр.

— Мы потеряли трех агентов! И ты, падаль, называешь это ошибкой? — наливался злобой Райхдихт.

— Я не виноват. Я...

Петр поперхнулся. Сокрушительный удар в живот отбросил его к стене. Дыхание перехватило, из глаз брызнули искры. Он сполз на пол, и над ним, покачиваясь, нависли две физиономии. Они что-то кричали, но их голоса тонули в звоне, стоявшем в ушах. В чувство Петра привел ушат воды. Он потрянул головой и попытался подняться, но поскользнулся и распластался на полу.

— Встать! — рявкнул Райхдихт.

Опираясь о стену, Петр приподнялся на непослушных ногах и немигающим взглядом уставился на своего мучителя. Тот угрожающе надвинулся на него.

— Говори, кто тебя к нам заслал? Кто?

— Никто. Я сам. Самутин мне...

— Хватит врать! Кто тебя заслал? — сорвался на крик Райхдихт.

— Это чудовищная ошибка, герр оберлейтенант. Это ошибка. Я...

Райхдихт обрушил на Петра град ударов. Пытаясь защититься, Петр прикрывал руками живот и голову, но сапоги пробивали эту ненадежную защиту, и вскоре он потерял сознание.

Вернула его к жизни струя воды, хлеставшая в лицо. Судорожно сглотнув попавшую в рот воду, он с трудом открыл глаза. Райхдихт подался к нему и, тыча в лицо красноармейской книжкой, заорал:

— А это что такое? Кто тебе приказал делать липу?

— Я делал по образцу. Я все делал по образцу, — еле шевелил языком Петр.

Остервенев от его упрямства, Райхдихт продолжил пытку, но на этот раз перестарался. Петр надолго потерял сознание, а когда оно возвратилось, то был не в силах что-либо сказать. Райхдихт прекратил допрос, и истерзанное тело Петра конвой оттащил в камеру.

Очнулся он от запаха нашатыря, шибанувшего в нос. Веки, будто налившиеся свинцом, медленно поднялись. Перед ним, как сквозь туман, проступили три физиономии. Они дергались и корчили рожи. Луч солнца упал на них — то были инструкторы Роман Лысый, Трофим Шевченко и комендант. Взгляд Петра остановился на коменданте. Тело, откликнувшись на боль, судорожно дернулось.

— Живучий.

— Кажись, оклемаля.

— Главное, шо б кости, та потроха булы целы, а мясо нарастет, — как из подземелья до Петра доносились их голоса.

Затем чьи-то руки приподняли голову, влажная тряпка коснулась щеки, смахнула с запекшихся губ сукровицу, и в нем с прежней силой проснулась жажда. Он с трудом произнес:

— Пи-и-ть.

И чудо — мучители сжалились! Холодная струйка воды пролилась на нос и скатилась в рот. Петр жадными глотками пил и не мог напиться.

— Хорош, Рома, а то лопнет, — комендант остановил Лысого и спросил: — Петренко, двигаться можешь?

Петр сделал попытку подняться, но руки и ноги отказывались повиноваться, а от острой боли в животе потемнело в глазах.

— Не дергайся, — буркнул комендант. — Рома, Трофим, тащите носилки.

Они принесли носилки, переложили на них Петра и отнесли его в душевую. Райхдихта в ней не оказалось. Его отсутствие и суэта коменданта наводили Петра на мысль — положение не

безнадежно. Подтверждением тому являлось поведение Лысого и Шевченко. Они старательно хлопотали над ним, приводя в божеский вид и, не стесняясь в выражениях, костерили мудака Замуту, поставившего всех раком. Петр догадался: в расследовании произошел резкий поворот, какой именно — узнал на следующий день.

После развода курсантов по местам занятия к нему в комнату пришел Рудель с объемистым свертком. В нем находились бутылка коньяка, отменный продуктовый набор и конверт с 200 марками. От своего имени и имени Гопф-Гойера он принес Петру извинения за досадную ошибку, вкравшуюся в образец красноармейской книжки. Виновником оказался Самутин, но ему повезло — Гопф-Гойер не стал выносить сор из избы. Дело спустили на тормозах, а потерю трех агентов списали на издержки в их личной подготовке. Самого Самутина по-тихому сместили с должности и посадили на «бумажки». Теперь он, как сыч, с раннего утра и до позднего вечера просиживал в кабинете и боялся показать нос.

Жизнь группы вернулась в прежнюю колею.

Петр на четвертый день встал на ноги и приступил к работе. При встрече с ним Самутин чувствовал себя, как побитая собака, и лишний раз старался не попасть ему на глаза. С одной стороны, Петр был рад этому — одним соглядатаем стало меньше, с другой — сожалел, потому что потерял доступ к картотеке на половину агентуры.

После истории с красноармейскими книжками Гопф-Гойер разделил работу отделения подготовки документов прикрытия на два независимых участка. Выход из положения нашелся быстро. Петру наиболее удачной показалась мысль собирать данные на шпионов и диверсантов через инструкторов, занимавшихся их подготовкой. Осуществление своего замысла он решил начать с земляков — Лысого и Шевченко. Благо повод нашелся — 200 марок Гопф-Гойера, полученные в качестве компенсации за «досадную ошибку».

В первый же свободный вечер Петр пригласил их «обмыть» свое второе рождение. Оба — не дураки выпить; они охотно согласились, тем более за чужой счет. После окончания занятий с курсантами все трое, переодевшись в «гражданку», вышли в город. По предложению Шевченко, успевшего изучить значные места Ростова, компания направилась в «Казачью хату», которая славилась отменной ухой и крепчайшей самогонкой.

«Хата» не произвела впечатления на Петра; она мало чем отличалась от подобных заведений, где расслаблялись младшие чины и чиновники из администрации города. О казацком духе в ней напоминали разве что подкова на входе да шашки с нагайками, развешанные по стенам.

Шевченко выбрал место у окна, с него открывался вид на реку, и взял на себя роль хозяина — сделал заказ. Как только подали закуску, он, не дожидаясь ухи, понес с места в карьер — один тост следовал за другим. К тому времени, когда уху подали, Шевченко с Лысым основательно опьянели, и у них развязались языки. Не стесняясь, они костерили, на чем свет, Райхдихта, Коломийца, а больше всего досталось Замуте. Ярый националист Лысый, несмотря на белогвардейское прошлое Самутина, видел в нем не только проклятого москаля, но и стукача Райхдихта, и предупреждал:

— Паскуда вин, Петро, продаст з потрахами и не моргнет! Держись от него далече.

— Ни одной ходки не сделал, а черти те што корчит из себя, — вторил ему Шевченко.

— Лизожоп хренов! — все больше распалялся Лысый.

— Оно, конечно, начальству надо лизать жопу. Так он же, сука, еще повизгивает от удовольствия, — не унимался Шевченко.

— Я так скажу, Петро, дуже не повезло тобі з Замутой. Знай, сволота вин конченая, — предупредил Лысый.

— Он мне не начальник, — подталкивал Петр новоявленных земляков к другим пьяным откровениям.

— Ты, Петро, ще его не знаешь! Рома не даст сбрехать, цэ вин, падлюка, пидставил Мыколу Машука, — вспомнил давнюю историю Лысый.

— Кто такой?

— До тэбэ у Замуты був в помощниках, — пояснил Шевченко.

— Гарный хлопец, ни одному краснопузому кишки пустыв, — посетовал Лысый.

— И что с ним стало? — допытывался Петр.

— Яж казав, Замута пидставыл. Тэби ще дуже повэзало, а Мыкола, бедолага, у лагерь загремел.

Перебив как следует кости Самутину, Шевченко с Лысым перешли на службу. Петр не пожалел о потраченном вечере — под пьяный треп о службе Шевченко проговорился о прошедшей накануне заброске группы диверсантов Загоруйко в район Новороссийска.

В расположение группы Петр возвратился в приподнятом настроении — список агентов абвера пополнился еще семью людьми. Но радость оказалась недолгой; с фронта приходили вести одна хуже другой. Несмотря на отчаянное сопротивление частей Красной армии, гитлеровцы прорвались на Кубань, и их бронированный каток стремительно приближался к Северному Кавказу. Положение под Сталинградом было и того хуже; казалось, еще одно усилие вермахта — и судьба битвы на Волге будет решена.

В штабе группы ликовали, предвкушая скорый переезд на благодатную Кубань. Речь шла о Краснодаре или Анапе. Кравец, выходец из Новороссийска, взахлеб рассказывал о тех райских местах. Петр же находился в отчаянии, так как был бессилен помочь своим. Сведения, собранные на агентов, лежали бесполезным грузом в тайнике, а связник от капитана Рязанцева так и не дал о себе знать.

В тот, пожалуй, один из самых трудных периодов в жизни разведчика Петра Прядко, судьба необыкновенно щедро наградила его.

В 18 часов в дверь его кабинета постучался дежурный по группе и напомнил: подошло время сдавать помещение под охрану. Петр сложил в сейф дела на агентуру, закрыл дверь на ключ и опечатал. Дежурный проверил печать и, расписавшись в журнале, принял кабинет под охрану.

До ужина оставалось около часа. Петр не стал его ждать; отправился в общежитие, переделся в «гражданку» и вышел на прогулку в город. В той удушающей атмосфере всеобщей подозрительности и доносительства, что царил в группе, короткие вылазки за забор, подобно глотку чистого воздуха, очищали ему душу. Жара спала. Из садов потянуло бодрящей свежестью. Тенистые улочки казацкой слободы напоминали Петру милые сердцу Каневцы. Здесь он на время забывал о войне, коварстве Райхдихта и мерзости, которой, казалось, пропитались в группе все и вся. На короткое время Петр мог освободиться от ненавистной личины холоуя фашистов и стать самим собой.

Он шел хорошо знакомой дорогой и жадно, в полную грудь, вдыхал воздух, напоенный запахом цветов и зреющих яблок. После колодца дорога пошла вниз. Петр невольно замедлил шаг. Справа вот-вот должен был показаться хорошо знакомый зеленый забор. За ним, в глубине вишневого сада, пряталась аккуратная мазанка. В ней жила она! Та, что с первого взгляда запала в душу. Стройная девичья фигурка, которую выразительно подчеркивал простенький сарафан, тонкие черты лица, густые каштановые волосы, пышными волнами ниспадавшие на плечи, не могли оставить его равнодушным. Каждый раз, проходя мимо двора, Петр искал взглядом девушку. Его так и подмывало окликнуть ее, но разум разведчика брал верх над чувством. Извечное проклятие профессии — провал — могло принести семье девушке одни страдания.

Он обогнул куст крапивы и привычно бросил взгляд направо. Сердце екнуло — на месте забора зиял провал. В следующее мгновение вздох облегчения вырвался из груди — забор лежал в малиннике, и над ним копошилась женская фигурка. Ураган,

накануне обрушившийся на город и натворивший немало бед, не обошел стороной и казацкую слободу. Охая и причитая, мать девушки, в ней угадывались черты дочери, пыталась починить забор. Тяжелый топор в ее слабых руках не держался и валился на землю.

— Хозяйка, не устала мучиться? — вопрос Петра застиг ее врасплох.

Хозяйка вздрогнула и, прикрывая глаза от солнца, окинула его настороженным взглядом.

— Может, помочь?

— Ой, спасибо. Туточки работы не на один день.

— Натворил делов ураган, — посочувствовал Петр.

— Та если б тилькэ цэ. Крышу разворошил. Шо нам с Веркой теперь робыть?

— А где хозяин?

— Немае.

— А соседи?

— Яки? Одни бабы.

— Начнем с крыши, — сказал Петр и решительно шагнул во двор.

— Ой, та як же я з вами рассчитаюсь? — засуетилась хозяйка.

— Сделаю, а там посмотрим.

— Ой, спасибочко, мил человек. Наверно, сам Господь тебя к нам послал.

— Не зная, ему виднее, — с улыбкой произнес Петр и направился к дому.

Осмотр крыши показал: положение не столь уж плачевное. В ней зияла одна большая прореха, а в трех местах ураган лишь разворошил снопы камыша; требовалась только перетяжка.

— Не все так страшно, хозяйка. Работы всего на два вечера.

— Правда? — она радостно всплеснула руками. — Это за кого ж мне Господа молить?

— Петр, — представился он. — Вас-то как величать?

— Лидия Семеновна.

— Инструмент у вас найдется — плоскогубцы, проволока?

— Щас пошукаем. Щас, — засуетилась Лидия Семеновна.

Они прошли к сараю с перекосившейся дверью. Чувствовалось, что здесь давно не бывала твердая мужская рука. Но Лидия Семеновна хорошо знала хозяйство мужа, через несколько минут нашла и плоскогубцы, и проволоку. Затем вместе стали собирать по двору разбросанный камыш и вязать его в снопы.

Вскоре Петр услышал за спиной шаги, оглянулся и застыл. На дорожке сада появилась она! Луч заходящего солнца упал на девушку, и Петр уже не мог оторвать от нее взгляда. Нежный овал лица, чувственные губы; они подобно магниту притягивали к себе. Ее темно-зеленые глаза, напоминавшие лесные озера, так и манили заглянуть в их загадочную глубь. Под взглядом Петра Вера смутилась и певучим донским говорком произнесла:

— Мамо, дядько Мыкола тильке завтра зможе помочь.

Лидия Семеновна бросила лукавый взгляд на Петра и, улыбнувшись, сказала:

— Одын помощник, да який гарный, вже е.

Очарованный Петр, забыв про сноп, подал руку девушке. Камыш рассыпался и накрыл Веру. Задорный девичий смех вогнал его в краску.

— Вера, то шо ты смеєшься? Человик так старался! — напустилась на нее Лидия Семеновна.

— Мамо, а шо — мини плакать? Я ж не крыша, шоб мэно накрывать, — отшучивалась она.

— Извините, Вера. Извините, — смущенно повторял Петр.

— Чего тут звиняться. Цэй козе тилькэ бы зубы поскалить, — ворчливо заметила Лидия Семеновна и распорядилась: — Вера, ступай в хату и накрывай на стол.

— Спасибо, но уже поздно. Я пойду, — стал отнекиваться Петр.

— Никуды ни пидеешь! Шо мы, нехристи яки? — решительно отрезала суровая казачка.

Петр подчинился, не столько ее натиску, сколько жгучему желанию видеть и слышать Веру. Сложив снопы камыша в кучу, он отнес инструменты в сарай и прошел в хату. Крохотные сенцы, в которых пахло сушеной мятой, чисто убранная горница, мирно тикающие ходики на комодѣ вернули его в уже давно забытый мир. Он безоглядно отдался во власть Веры и Лидии Семеновны. Трепетный огонек керосинки придавал их лицам то трогательное выражение, которое можно встретить на полотнах Николая Ярошенко. Каждое слово, сказанное Верой, ее мимолетный, ускользающий взгляд, задорный смех отзывались сладостным томлением в его сердце.

Тревожный стрекот мотоцикла, гортанная немецкая речь вырвали Петра из этого сна и вернули к жестокой действительности. Приближалось время комендантского часа. Он с трудом нашел в себе силы покинуть гостеприимный домик Пивоварчуков.

Простившись с хозяйками, Петр отправился в группу. Впереди его ждала изматывающая, выворачивающая наизнанку душу жизнь фашистского холуя. При одной мысли о Райхдихте и Самутине в нем все восставало против и нарастало жгучее желание разом покончить с ними.

«Взять автомат и косить, и косить сволочей! Стоп! Не пори горячки! Уберешь их. А что дальше? Этим шпионский конвейер не остановишь. На их место найдут других. И потом — Вера. А что — Вера? А то — эти псы по твоему следу выйдут на нее и тогда... Надо терпеть и вживаться. Сжать зубы и терпеть, другого выхода пока нет. Терпеть!» — твердил про себя Петр.

Впереди показалось КПП. Он прибавил шаг, поднялся по ступенькам и постучал в дверь. Распахнулась «кормушка», в ней показалась недовольная физиономия дежурного. Разглядев в полумраке Петра, он недовольно буркнул:

— Шо так поздно?

— Тебе-то какое дело? — отрезал Петр.

— Так комендантский час, — напомнил дежурный.

— Ну и что? Я что — партизан?

— А распорядок дня?

— Слушай, у нас не детский сад, а ты — не воспитатель, — Петру надоело пререкаться, и он с раздражением бросил: — Открывай свой скворечник!

Дежурный, что-то ворча, подчинился и отодвинул засов. Во дворе и в тренировочном городке царила непривычная тишина, нарушаемая переключкой часовых и грохотом кастрюль — это кухонный наряд наводил порядок в столовой. Проскользнув мимо дежурного по общежитию, сонно клевавшего носом за перегородкой, Петр поднялся к себе в комнату, и, не зажигая керосинки, разделся и лег спать. Сон долго не шел. В нем продолжали жить волнующие сердце воспоминания о вечере в доме Пивоварчуков. Он воскрешал в памяти каждый мимолетно брошенный на него взгляд Веры, искал в каждом произнесенном ею слове скрытый смысл. И не заметил, как уснул.

На ноги его поднял рык дежурного по группе. Несмотря на короткий сон, Петр не почувствовал отупляющей тяжести в голове и вялости в теле. Чувство безысходности, а вместе с ним бесполезности разведывательной работы, долевшее над ним, уступило место желанию начать немедленно действовать.

«Хватит ждать и надеяться на связника Рязанцева. Надо самому искать выход. Какой, если фронт за тысячу километров? Ходить по городу и спрашивать, кто тут подпольщик? — размышлял Петр. — Глупо. А если рискнуть и найти помощника среди курсантов? А что — это самый короткий путь к Рязанцеву. И... самый короткий на виселицу. Где гарантия, что тебя не выдадут? Гарантии никакой; тут тебе не сберкасса. Но не сидеть же на печи и ждать у моря погоды. Нет, надо рисковать. Глядишь, опять повезет», — решил он.

После завтрака и развода групп агентов по учебным местам Петр заперся в кабинете и засел за агентурную картотеку курсантов. Из шести кандидатов, готовившихся в ближайшее время к заброске в тыл Красной армии, он остановил выбор

на курсанте Якунине. До войны Михаил работал бригадиром проходчиков в Кузбассе на шахте имени Ворошилова.

«Значит, получил крепкую рабочую закалку. Женат, имеет двоих детей — серьезный мотив для перевербовки и надежный крючок. На фронте с сентября сорок первого. Но у шахтеров броня... Выходит, пошел добровольцем, то есть за душой у него что-то есть? В плен попал, будучи контуженым, значит, не по своей воле», — взвешивал все «за» и «против» Петр и вертел перед собой фотографию Якунина. С нее настороженно смотрел битый жизнью мужик.

«И как к тебе подобрать ключ, Миша? Как? — ломал голову Петр. — Что тобой двигало, когда ты пошел на сотрудничество с фрицами? Ненависть к советской власти? Вряд ли. Шахтеры всегда были в чести. Ты к тому же был бригадиром — твой портрет небось красовался на Доске почета. Пишешь, что комсомолец и выбыл по возрасту. А вот тут ты, брат, хитришь. Наверняка партийный! Так как же к тебе подъехать? Начать с того, что ближе всего — с семьи, а там смотреть по ситуации».

Определившись с тактикой беседы, Петр с нетерпением ждал встречи с Якуниным. Тема «Документы прикрытия и особенности их проверки комендантскими патрулями» значилась в расписании занятий пятым часом, после обеда.

В класс Петр пришел раньше, чтобы получше присмотреться к Якунину. Дежурный по группе Калинин вяло подал команду. Петр махнул рукой, и когда в аудитории стих шум, на него уставились пять пар настороженных и вопрошающих глаз. Якунин равнодушно смотрел в окно.

«Тема, похоже, его не волнует», — отметил про себя Петр и приступил к занятиям.

Занятия шли своим чередом, лишь в конце курсанты оживились и стали задавать вопросы. И снова Якунин активности не проявил.

«Вот и повод, чтобы его оставить и поговорить», — решил Петр и, когда занятия закончились, сказал:

— Курсант Якунин, задержись!

Они остались одни. Петр подошел к нему, заглянул в глаза — в них было холодное равнодушие — и строго спросил:

— Курсант Якунин, тебя что, не интересует собственная жизнь?

— С чего вы взяли, господин старший инструктор? — отведя взгляд в сторону, буркнул тот.

— На проверке документов горят многие. В этом деле не бывает мелочей. А ты не задал ни одного вопроса.

— А что задавать? Если ваша «липа» не работает, то их зададут другие.

— Не забывайся, курсант! С тобой говорит тот, кто испытал это на собственной шкуре, — повысил голос Петр.

— Не пугайте, мою шкуру не мочалкой терли, — огрызнулся Якунин.

Ситуация заходила в тупик. Петр напряженно искал выход, чтобы разрушить возникшую между ними стену отчуждения, и решил взорвать ее.

— Курсант, у меня возникли большие сомнения в твоей готовности к выполнению задания.

Вопрос попал в цель. В глазах Якунина промелькнула тень.

— Ошибаетесь, господин старший инструктор. Мне там, кроме девяти граммов, ловить нечего, — процедил он.

— Я редко ошибаюсь.

— Не понял. К чему вы клоните? — насторожился Якунин.

— Ты был шахтером. Не так ли? — качнул его в другую сторону Петр.

— Ну, был. И что?

— Тогда как попал на фронт?

— Как все — загребли с другими.

— А вот здесь ты врешь, — нагнетал ситуацию Петр. Grimаса на лице Якунина подтвердила его догадку, и он сделал следующий ход: — У шахтеров же бронь.

— Э-э... с меня сняли, — растерялся Якунин.

— Как так?

— После аварии на участке.

— Аварии, говоришь? — и Петр качнул его в другую сторону. — Ты в комсомоле трубил до предельного возраста. А почему в партию не позвали?

— Рожей не вышел, — начал вскипать Якунин.

— Опять врешь. С твоей только и красоваться на Доске почета.

— Че-го-о? — выдержка изменила Михаилу, и он взорвался: — Ты кто такой, чтоб проверки мне устраивать? Я вам подписку дал. Что еще надо?

Ответ и поведение Якунина убеждали Петра в правильности сделанного им выбора — он не был шкурой. Для Михаила, как и для многих пленных, сотрудничество с абвером стало единственным шансом вырваться из лагеря и спасти свою жизнь. И потому Петр не стал больше его накручивать и примирительно сказал:

— Не кипятись, Миша. Злость — плохой помощник в том деле, что ты задумал.

— Ка... ка-ком? — опешил Якунин и растерянно захлопал глазами.

— О нем поговорим позже, а сейчас ступай, — отпустил его Петр.

Михаил деревянной походкой двинулся к двери, на пороге оглянулся и испытывающим взглядом посмотрел на Петра. В нем не было того холодного презрения, которое плескалось несколько мгновений назад.

— Я не шкура, — тихо обронил Михаил и шагнул за порог.

Дверь за ним закрылась, и с души Петра словно камень свалился. За последние дни удача второй раз улыбнулась ему.

«Первый — Вера, — вспомнил о ней Петр, и щемящая сердце радость согрела его. — Там тебя ждут. С чего ты взял? А крыша?»

Не дожидаясь окончания рабочего дня, он улизнул в город. По пути к дому Веры заглянул в лавку Найденова, купил круг копченой колбасы, кулек гречки, настоящих шоколадных конфет и направился в казацкую слободу.

Позади остался колодец. Впереди показался зеленый забор: дядька Мыкола оказался обязательным мужиком — изгородь стояла на месте. Петр пробежался взглядом по двору и не нашел Веры, ее голос донесся из глубины сада. Он зашарил по калитке, нащупал щеколду, двинул ее в сторону и зашел во двор. В малиннике хрустнула ветка, и среди листвы проглянуло лицо Лидии Семеновны.

— Ой, цэ ты, Петро? — радостно сказала она и, повернувшись в сторону сада, крикнула: — Вера! Вера, иди сюды!

— Шо там? — откликнулась она и выглянула на дорожку.

В подоле ее сарафана поблескивали румяными бочками ранние яблоки; под ним отливали бронзовым загаром крепкие стройные ноги. Широкая лямка сарафана, сползшая с правого плеча, приоткрыла аккуратную девичью грудь. И в этой непосредственности Веры было столько очарования, что Петр не мог отвести от нее глаз. Она зарделась и затем метнулась в дом.

— Ой, шо мы стоим, пишы в хату, — засуетилась Лидия Семеновна.

— А как крыша? — первое, что нашелся спросить Петр.

— Сусид усэ сделал.

— У вас еще дверь осела.

— Яка?

— Та, что в сарае.

— Ой, який же ты глазастый, усэ заметил. С дверью потом, а шас заходь в хату, самэ время вечерять, — пригласила к ужину Лидия Семеновна.

— Спасибо, — не стал отказываться Петр и, подав кульки с продуктами, сказал: — Это вам, к столу.

— Ой, боженька, як же можно, цэ ж такэ богатство?

— Берите-берите! Не обеднею, — настаивал Петр.

Лидия Семеновна взяла у него кульки, и они вошли в дом. В горнице их встретила Вера. Она уже успела переодеться — на плечи была наброшена блузка, а ноги прикрывала длинная юбка.

— Сидайте, Петр, — пригласила она к столу.

— Може, вам семачек подать, пока мы з Веруней на стол накрывать будем? — предложила Лидия Семеновна.

— Спасибо, я пока книжки посмотрю, — отказался Петр.

— Ну, як знаете, — не стала настаивать она и вместе с Верой занялась ужином.

В то время, когда они хлопотали в летней кухне, Петр присматривался к обстановке дома. В глаза бросалось большое количество книг. Они не помещались на этажерке и аккуратными стопками лежали на комод. Внимательный взгляд разведчика не прошел мимо томиков Маяковского и остановился на книге Николая Островского «Как закалялась сталь». В этом доме ценили слово, и не просто ценили, а отдавали предпочтение тем авторам, кто защищал и воспевал социализм.

От этого занятия его оторвали завлекательные запахи вареной молодой картошки, щедро пересыпанной укропом. Вслед за ней на столе появился пузатый графинчик с вишневой наливкой. Лидия Семеновна разлила ее по рюмкам, а потом щедрой рукой подкладывала Петру в миску картошку. Так вкусно, как сегодня, он, казалось, никогда не ел. Крепкий градус, похоже, еще довоенной наливки, а еще больше мелодичный голос Веры, пьянили и кружили ему голову. За разговором Петр не заметил, как пролетело время. Стрекот мотоцикла за окном напомнил о приближении комендантского часа. Вера проводила его до калитки, и он еще долго ощущал трепетное тепло ее ладошки на своей руке.

Избегая патрулей, Петр окольными путями добрался до группы, а чтобы лишний раз не попадаться на глаза дежурным, перемахнул через забор и прокрался к общежитию. Света в нем уже не было. Лишь в комнате дежурного подслеповато светило

окно. Петр приник к стеклу — серая тень качнулась в его сторону. Он отпрянул назад и замер. Дежурный его не заметил. Ночную тишину нарушали только стрекот цикад и журчание воды. Петр поднял голову — окно в туалете было открыто. Он без труда влез на подоконник и незаметно прокрался к себе в комнату.

Пятница в группе началась рутинно: подъем, зарядка, завтрак и развод на занятия. По расписанию его час в группе Якунина значился последним. Готовясь к решающей беседе с ним, Петр перебрал в уме несколько вариантов, но окончательно не смог определиться. Решил, что будет действовать по обстоятельствам.

В класс он вошел с легким волнением и искал глазами Якунина; по его лицу трудно было что-либо понять. Петр не стал гадать о настроении того и приступил к занятиям.

Предстоящая через шесть дней заброска в тыл Красной армии пробудила у курсантов интерес к теме. На Петра обрушился град вопросов. Якунин активности по-прежнему не проявлял, но в его глазах не было и былого равнодушия. Их молчаливая перестрелка взглядами продолжалась до конца занятий и давала Петру надежду на то, что у него появится надежный помощник. И он не ошибся — курсанты потянулись на выход, а Якунин задержался.

— Есть вопрос, Миша? — поинтересовался Петр.

— Господин старший инструктор, вы хотите мне что-то предложить? — этот прямой и вместе с тем хитрый вопрос говорил о том, что за маской молчуна скрывался пронизательный человек. Но, опасаясь нарваться на провокацию, Михаил вел свою игру и отдал инициативу в руки Петра.

«Молодец», — он мысленно похвалил Михаила и предложил:

— Давай на «ты». Для тебя я — Петр.

Якунин внимательно посмотрел ему в глаза, словно надеясь найти ответы на множившиеся у него вопросы, но промолчал.

— Ты же не Коломиец, у которого руки по локоть в крови. Ты, Миша, рабочая косточка. Тебя ждут дома, — сделал Петр новый ход.

Якунин изменился в лице, кончики губ дрогнули, и с них сорвалось:

— Обратной дороги у меня нет.

— Мы найдем ее вместе.

— Как? Я же дал подписку фрицам! А ты кто? Почему я... — Якунин осекся, и в его глазах промелькнул страх.

— Об этом, Миша, мы поговорим перед заброской.

— А до этого что?

— Ничего. Ждать!

— Ты — наш?! — в возгласе Якунина смешались радость и изумление.

Петр загадочно улыбнулся и, мягко подтолкнув его к двери, сказал:

— Пора идти, Миша, а то наши посиделки кое-кому не понравятся.

Якунин посветлел лицом и, кивнув головой, твердым шагом направился к двери. После состоявшегося разговора Петр был уже твердо уверен, что в лице Михаила обрел надежного помощника.

Следующий день внес в его душу смятение. После развода на занятия он направился к себе в кабинет, а когда вошел в штаб — похолодел: у двери Райхдихта возник Якунин, и в следующее мгновение он исчез в кабинете.

Глава 8

В том, что за дверью кабинета Райхдихта скрылся Якунин, у Петра не было ни малейшего сомнения. Эти характерную посадку головы и прямые плечи он не мог перепутать ни с какими другими. «Провал!» — обожгла его страшная мысль. После секундного замешательства, он заскочил к себе в кабинет и хлопнул дверь на щеколду.

«Предатель! Шкура! — проклинал он Якунина и ругал себя: — Дурак! Лопух! Развесил уши и попался. Это же надо, так глупо проколоться. И на ком? На том, в ком уже не сомневался. Эх, не успел выбраться из одной ямы, как угодил в другую. Теперь Райхдихт припомнит все».

Отбитые почки заныли и напомнили Петру о недавних пытках. Каждая клеточка тела откликнулась на боль, а перед глазами возникли перекошенные от злобы рожи коменданта и Райхдихта. Второй раз попадать в их руки он не собирался.

«Надо бежать! Сколько есть времени — пять, десять минут? Потом будет поздно: Гопф с Райхдихтом спустят с поводка свою свору и тогда конец, — лихорадочно соображал Петр. Взгляд упал на сейф. — Прихватить с собой картотеку на агентов и бежать».

Он торопливо зашарил по ящикам стола в поисках ключей, нашел связку и открыл дверцу сейфа. За ней тускло блеснули металлические коробки; в них лежали личные дела и учетные карточки на агентуру. Руки потянулись к той, на которой значилась литера «А1». Холод металла вернул ему способность трезво рассуждать.

«С такой бандурой дальше дежурного не проскочишь», — прикинул Петр и вытряхнул картотеку на стол. Его глаза искали подходящую упаковку, но тут в коридоре захлопали двери и зазвучали громкие голоса. Он сорвал застежку с кобуры, выхватил пистолет и бросился к окну. Под ним толкались инструкторы — путь во двор был отрезан. Живым Петр не думал сдаваться и направил пистолет на дверь. Шум за ней стих, и голоса отдалились от кабинета. Слабость охватила его, и рука с пистолетом плетью упала вниз. На непослушных ногах он прошел к двери и выглянул в коридор. В нем воцарилась сонная тишина, которую нарушал монотонный гул голосов, доносившийся из дежурки.

«Не все потеряно. Еще есть время», — воспрянул духом Петр и, возвратившись к столу, принялся запикивать в хол-

щовую сумку картотеку. Карточки и учетные листы агентов с трудом лезли в нее и рассыпались по полу.

«Спокойно, не суетиться. Когда они хватятся, ты уже будешь за забором. А потом куда? Бежать, а там видно будет. Чего видно? Что вообще случилось? — задавался он этими вопросами. — Как что? Раскрылся перед Якуниным. На чем? А эти заходы с рабочей закалкой и дорогой домой. И что? Ты же предлагал ему искать эту дорогу вместе!

А может... Это была проверка! — Петр ухватился за эту мысль. — Точно! Сомнения в надежности Якунина у тебя возникли после изучения анкеты и биографии. Шахтер, да еще бригадир, попасть на фронт мог только в двух случаях: после ЧП на участке или добровольцем. Это насторожило, и ты стал наблюдать за Якуниным. Наблюдение усилило подозрение: хитрый большевик Якунин советскую власть не ругал, на занятиях, скорее, отбивал номер, чем пытался усвоить, каким образом провести советскую контрразведку. На пустой треп ты не купился. К тебе требовался особый подход. И я нашел», — выстраивал линию своей защиты Петр.

Требовательный стук в дверь снова заставил его напрячься. Положив руку на кобуру с пистолетом, он спросил:

— Кто там?

— Дежурный.

— Чего надо?

— Мне — ничего. Тебя шеф вызывает.

— Зачем? — прощупывал почву Петр.

— Это спроси у него.

— Райхдихт там?

— Я почему знаю? Он мне не докладывает, — пробубнил дежурный и отправился к себе в дежурку.

Петр, поколебавшись, сгреб со стола остатки картотеки в сумку и запихнул в сейф. Перед выходом заглянул в зеркало — на него смотрела перекошенная физиономия с лихорадочно блестящими глазами.

«Нет, так не пойдет. Все на роже написано», — усилием воли Петр взял себя в руки и, придав лицу озабоченное выражение, отправился к Гопф-Гойеру.

В приемной никого не было. Он постучал в дверь. Из кабинета раздался голос Гопф-Гойера:

— Войдите!

Петр вошел и с облегчением вздохнул: Гопф-Гойер был один и копался в бумагах. Не поднимая головы, он махнул рукой на кресло за приставным столиком. Петр сел и ждал, что последует дальше. Подчеркнув карандашом что-то в документе, Гопф-Гойер отодвинул его в сторону и перевел взгляд на Петра. В его глазах была видна усталость.

— В каком состоянии находятся документы прикрытия на группу Бережного? — спросил он.

Петр оживился и бодро доложил:

— Личные документы отработаны полностью. Что касается командировочного предписания и справки о выписке из госпиталя, то я учел все последние изменения, внесенные комендатурами Южного фронта.

— Это очень важно. Здесь не может быть мелочей, — подчеркнул Гопф-Гойер.

— Господин подполковник, я предельно внимательно отношусь к данному вопросу. Вчера на занятиях с группой Бережного с каждым курсантом были подробно разобраны все нюансы, так что проблем не должно возникнуть.

— Надеюсь. Как оцениваете ее готовность в целом и каждого участника в частности?

Вопрос Гопф-Гойера неприятным холодком обдал спину Петра. В нем шевельнулось подозрение в отношении Якунина, но он не подал виду и спрятался за дежурной формулировкой:

— Извините, господин подполковник, я могу дать объективную оценку только по своей линии.

— И какая же она?

— Группа хорошо подготовлена.

— Кого можете выделить в лучшую сторону? — продолжал допытываться Гопф-Гойер.

Снова неприятный холодок зашевелился между лопаток Петра, и он запустил пробный камень:

— Бережного, Якунина и...

— С Якуниным не торопитесь, — перебил Гопф-Гойер.

— Почему? — сердце Петра екнуло.

— У Райхдихта возникли вопросы к нему. Язык и руки распускает там, где не надо.

— На него не похоже. На занятиях производил благоприятное впечатление. Может, чего лишнего на него наплели агенты Райхдихта? — пробормотал Петр, а в голове вихрем пронеслись мысли: «Эх, Миша, Миша, что же ты так? Где, кому, что сболтнул?».

Его оговорка вызвала на лице Гопф-Гойера усмешку. Вяло пожевав губами, он заговорил менторским тоном:

— Говорите, лишнего? В разведке, господин Петренко, ничего лишнего не бывает! Что же касается ваших благоприятных впечатлений, то поверьте старому разведчику, самые благоприятные впечатления могут оказаться и самыми обманчивыми. В нашем деле, чтобы не стать игрушкой в чужих руках, надо доверять только очевидным фактам.

— Извините, господин подполковник. Я только постигаю азы этого сложнейшего искусства, в котором вы давно профессор, — польстил ему Петр.

— Полноте, в нем нет предела совершенству, — снисходительно произнес Гопф-Гойер и, заканчивая разговор, распорядился: — Документы на Якунина отложите в сторону, пока Райхдихт не внесет ясность в это дело.

— Понял, господин подполковник. Сделаю немедленно, — заверил Петр и вышел из кабинета в смешанных чувствах.

С одной стороны, опасения, что Михаил оказался двурушником, развеялись, с другой — его отвод из состава группы и разбирательство, затеянное Райхдихтом, не только отодвигало

восстановление связи с Рязанцевым на не определенное время, но и таили скрытую угрозу.

Возвратившись к себе, Петр забыл о работе и ломал голову, пытаясь понять, что же такого мог выкинуть Михаил, чтобы попасть под подозрение Райхдихта. Брошенная вскользь фраза Гопф-Гойера о языке Михаила только напустила тумана, и Петру ничего другого не оставалось, как строить догадки. Заниматься подобным неблагодарным занятием он не стал и решил прояснить ситуацию в разговоре с самим Якуниным. Но ни за обедом, ни за ужином они так и не встретились.

На следующий день при разводе на занятия Петр не обнаружил его и в строю курсантов. Загадочное исчезновение Михаила не давало ему покоя. Райхдихт, который мог пролить хоть какой-то свет на ситуацию, в коротком разговоре ничего не сказал. Лишь накануне заброски группы Бережной рассказал Петру о конфликте с Якуниным. В пылу ссоры Михаил не только съездил Якунину по физиономии, но и наговорил лишнего. В их конфликте Гопф-Гойер занял сторону Бережного, а Михаила откомандировали в абвергруппу-103.

Петр снова остался один на один с гитлеровцами. Но то был не последний удар судьбы. Другая беда пришла, откуда он ее вовсе не ожидал.

Произошло это в воскресенье.

В службе постоянного состава группы выпал тот редкий день, когда не только офицеры, но и инструкторы могли позволить себе расслабиться. День выдался погожий. Стоявшая в течение несколько недель невыносимая июльская жара с наступлением августа сменилась «бархатным» сезоном. В первых числах прошли ливневые дожди. После них ожила и встрепенулась пожухлая листва садов. Нежная зелень легким налетом покрыла рыжие макушки степных курганов. В воздухе появилась бодрящая свежесть, а по утрам запахи поздних цветов и созревающих яблок пьянили и кружили голову.

Но не только природа добавляла настроения абверовцам. Накануне прошла удачная заброска группы Бережного в тыл Южного фронта, и Гопф-Гойер позволил себе ненадолго ослабить служебные вожжи. На утреннем построении он объявил общий выходной. На местах остались только караул и дежурные. Все остальные отправились в город: кто в центр пошататься по магазинам и значным местам, кто к знакомым, а большинство на берег Дона, чтобы воспользоваться уходящими теплыми деньками.

Петр присоединился к компании земляков — Роману Лысому и Трофиму Шевченко. Прежде чем отправиться на пляж, они решили зайти на рынок, там прикупить продуктов, горилки и оставшееся до вечера время провести на пляже у реки.

В Ростове, опустошенном войной и оплетенном густой паутиной доносчиков и провокаторов гестапо, рынок оставался одним из немногих мест, где теплилась хоть какая-то жизнь и краем уха можно было услышать последние вести с фронта. Дорога до него заняла не больше получаса. Серая, одноликая толпа, напоминающая огромный муравейник, издали напомнила о себе скрипом повозок и гортанными криками возниц. Они стремились пробиться к въездным воротам и занять места под крытыми навесами, чтобы спастись от яркого солнца.

Лысый, частенько промышлявший на рынке, быстро вывел Шевченко с Петром к торговым рядам, где продавали продукты и овощи. Он, по натуре деляга, здесь оказался в своей стихии и до хрипоты торговался за каждый огурец и каждый грамм сала. Не отставал от него и Шевченко. Он, любитель выпить, не пропускал ни одной бутылки самогонки и вскоре уже был навеселе.

Петр невольно поддался их азарту и затеял спор с продавцом раков. В какой-то момент он почувствовал на себе пристальный взгляд, обернулся — и обмер. На него смотрела Лидия Сергеевна. Форма гитлеровца вызвала в ее глазах ужас.

Петра бросило в жар. Он готов был провалиться сквозь землю. Пальцы судорожно заскребли по френчу. Проклятая форма жгла тело нестерпимым огнем.

— Петро, шо с тобой? На тоби лица нэма! — Лысый поразился произошедшей в нем перемене.

— Ты шо, биса побачив? — вторил ему Шевченко.

Петр их не слышал и потерянным взглядом сопровождал Лидию Семеновну. Она последний раз мелькнула у ближних торговых рядов и скрылась в людской толчее.

— Петро, та шо с тобой робыться? — всполошился Лысый и затряс его за плечо.

— А?.. Чего? — опомнился он и ответил первое, что пришло в голову. — Худо мне, хлопцы, живот крутит.

— Потерпи, по сто граммов добавим, и усе пройдет, — пытался подбодрить его Шевченко.

— Не поможет, похоже, я траванулся. После завтрака как-то не по себе стало.

— Эт все сволочь Шойрих. Кормит нас дерьмом. У мэне на прошлой недели пузо тож прихватило, — вспомнил Лысый.

— Извините, хлопцы. Вы уж без меня, а я в общагу, отлежусь.

— Петя, а може, два пальца в рот — и все пройдет? — продолжал уговаривать Шевченко.

— Не, хлопцы, только хуже будет. Я пойду, — отказался Петр и, выбравшись из базарной толчеи, присел на первой попавшейся лавочке. Ему по-настоящему стало худо. Взгляд Лидии Семеновны, в котором смешались ужас и презрение, продолжал жечь и выворачивал его наизнанку.

«Ну, за что мне такое наказание? За что? Как все это объяснить Вере? Черт же дернул тащиться на рынок! — казнил себя Петр и искал выход из положения. — Сказать, что... — страдальческая гримаса исказила его лицо. — А что говорить? За тебя все сказала гитлеровская шкура. Но Вера же любит меня! Кого?.. Фашистского холая? Но я же... Сказать, что я —

советский разведчик? У-у», — застонал Петр и в ярости ударил кулаком по лавке.

Две старухи, проходившие мимо, шарахнулись в сторону и, испуганно оглядываясь, поспешили скрыться в ближайшем переулке. За плетнем встревоженно закудахтали куры, а из палисадника донесся женский голос:

— Шо случилось мило... — и оборвался на полуслове. Мундир Петра ничего, кроме страха, не вызывал, и испуганное лицо скрылось в кустах смородины.

«Нормальные люди как от чумного шарахаются. А я еще захотел, чтобы Вера и Лидия Семеновна меня приняли», — с горечью подумал Петр и, выругавшись, побрел к Дону. Там, забившись в заросли ивняка, он остался один на один со своими мыслями.

Легкий ветерок гнал по воде слабую волну. Она о чем-то тихо перешептывалась с берегом. В густом, стоявшем сплошной стеной камыше беззаботно чавкали сазаны. На противоположном берегу, в пойме, позвякивали колокольчики — там паслось стадо коров. Все вокруг дышало миром и покоем, и ничто не напоминало о войне и страданиях.

Но мир не наступил в душе Петра. В нем боролись два чувства: любовь и долг. Он не находил в себе сил сделать выбор и вырваться из этого заколдованного круга. Один — разведчик Прядко, связанный тайной с военными контрразведчиками, не имел права раскрыть ее перед Верой и Лидией Семеновной. Другой — обыкновенный человек Петр со своими слабостями и достоинствами, окруженный заклятыми врагами и нуждавшийся в человеческом участии, которое он нашел в семье Пивоварчуков, никак не желал с этим мириться.

Воевать с самим собой оказалось выше человеческих сил. Стащив с себя ненавистную фашистскую форму, Петр прыгнул в реку. Широкие круги далеко разошлись по воде. Дружный хор лягушек нарушил благостную тишину, а в ивняке тревожно вскрикнула сойка.

Прохладная вода остудила Петра. Вынырнув, он перевернулся на спину и уставился в небо. Там, в заоблачной вышине, свободно парили птицы, а ветер выстраивал из облаков фантастические замки. И снова щемящая тоска о Вере сжала его сердце.

«Я должен забыть о ней! Должен!» — твердил Петр себе. Но чувства отказывались этому подчиниться. Перед глазами снова возникли лицо Веры и ее задорная, влекущая к себе улыбка, а в ушах звучал певучий, мелодичный голосок. Образ девушки преследовал его, как наваждение. Пытаясь избавиться от него, Петр раз за разом погружался в воду и, когда силы иссякли, выбрался на берег. В изнеможении опустился на теплый песок и не заметил, как его сморил сон. Проснулся от холода. Солнце спряталось за облака, а с севера подул холодный ветерок.

В общежитие Петр возвратился задолго до начала ужина. В комнатах и бильярдной царил непривычная тишина. Инструкторы, пользуясь благодушным настроением Гопф-Гойера, отрывались на полную катушку. Петр вяло погонял шары, а когда подошло время, отправился в столовую. Ужин показался безвкусным, и, почти не тронув ничего, он ушел к себе в комнату, лег на кровать и попытался забыться. Но нежное чувство к Вере продолжало беречь душу. Взгляд Петра упал на шкаф. В нем за ворохом белья хранилась дежурная бутылка. Это было последнее средство, которое помогло бы ему на время забыться. Он поднялся, достал бутылку с самогонкой, налил стакан до краев, выпил и не почувствовал ее крепости. Она дала о себе знать, когда в дверь постучал дежурный.

— Чего надо? — заплетающимся языком спросил Петр.

— Партию в бильярд не хош сгонять?

— Не, я спать хочу.

— А на интерес?

— Я же тебе русским языком сказал: нет!

— А на немецкий шнапс слабо? — не отставал изнывавший от безделья дежурный.

— Пошел к черту! — потерял терпение Петр.

За дверью раздались обиженное сопение и невнятное бормотание. «Пристал, как банный лист», — последнее, о чем подумал Петр и провалился в сон.

Пробуждение было внезапным. Его трясли словно переспевшую грушу. Он с трудом открыл глаза, и в свете керосиновой лампы увидел Шевченко.

— Вставай, Петро! Вставай! Тревога! — надрывался тот.

— Какая тревога? Где? — спросонья Петр ничего не мог понять.

— Колесов сбежал!

— Какой Колесов?

— С группы Задорожного.

— Как? Куда?

— Я почему знаю. Гопф объявил общее построение, там такой шухер... Давай-давай, шевелись! — торопил Шевченко.

До Петра наконец дошло — в группе произошло ЧП. Подобное на его памяти случалось всего два раза. Он встал с кровати, и его повело — сказывался выпитый стакан самогонки. Трясущимися руками натянул брюки, френч и, пошатываясь, потащился на улицу.

Со стороны плаца доносились гортанные команды. Лучи прожекторов суматошно металась по территории. Окна на втором этаже штаба сияли, как рождественская елка. Серая, безликая масса курсантов и инструкторов выстраивалась по подразделениям. Петр разглядел богатырскую фигуру Романа Лысого и пристроился рядом с ним.

Дежурный по группе подал команду. Шум стих. Над плацем звучала разноголосица фамилий — шла переключка. Она подтвердила факт — Колесов исчез из группы, а вместе с ним из кабинета Гопф-Гойера пропали документы. Он рвал и метал. Первыми получили свое дежурный по штабу вместе с помощником — они отправились на гауптвахту. Позже к ним присоединился Задорожный, непосредственный командир

Колесова. Курсантов, чаще других общавшихся с ним, заперли в классе учебного корпуса. За них взялся Райхдихт, надеясь хоть что-то получить, проливающее свет на побег Колесова. Остальных офицеров и инструкторов Гопф-Гойер разбил на тройки и отправил прочесывать город.

Петр оказался в группе с Шевченко и инструктором Беловым. Им достался отдаленный и наиболее опасный район города — рабочая окраина. В нем активно действовали подпольщики, и существовала вероятность того, что вместо Колесова можно было нарваться на пулю или нож. Старший группы Шевченко не горел желанием лезть на рожон и до наступления рассвета предпочитал держаться ближе к полицейскому участку и румынской комендатуре. С рассветом они двинулись в глубь района. До обеда колесили по району, а когда ноги загудели от усталости, забрались на третий этаж бывшего завода управления, откуда открывался обзор на бойкий перекресток Пролетарской и Заводской улиц.

Шевченко смахнул со стола пыль, выложил на него сверток с колбасой и предложил:

— Ну шо, хлопцы, порубаем?

— Голод — не тетка, а на Шойриха надежды нема, — согласился с ним Белов и достал из кармана ломоть хлеба.

Петр добавил к этому прихваченную на всякий случай банку рыбных консервов.

— Рыбка плавае по дну, хрен пиймаешь хоть одну, — с ухмылкой заметил Шевченко и, запустив руку во внутренний карман кителя, объявил: — А я пиймав!

В его руке появилась четвертушка водки.

— О, мерзавчик! Как раз к столу, — обрадовался Белов.

— Ну, ты молодец, Трофим. С тобой как у Христа за пазухой, — похвалил его Петр.

— Не, со мной лучше, там не наливают, — хохотнул Шевченко и, сделав глоток из бутылки, пустил ее по кругу.

Какое-то время они сосредоточенно жевали — голод дал о себе знать. И когда он поутих, разговор снова возвратился к побегу Колесова.

— Сволочь, теперь задолбают комиссиями! — в сердцах произнес Белов.

— Скотина, всю малину обосрал нам с Ромкой! — взорвался Шевченко. — Мы вчера таких гарных баб сняли. На сегодня договорились у Тоньки сгуртоваться и на тебе заказали.

— А може, обойдется все ором, если эту падлу поймают.

— Не, Мыкола, замылить цэ дило не дадут, — не согласился Шевченко с Беловым.

— Теперь Гопфу точно жопу надерут, ну, и нам достанется, — поддержал его Петр.

— От же, сука! От же, гад! А как все хорошо шло, — сокрушался Белов.

— Эх, гавкнулся мий отпуск. А я почитай целый рок не бачил жинку. Своими бы руками задушил эту сволочь! — грозился Шевченко.

Он и Белов продолжали на все лады поносить Колесова. А Петру не давала покоя мысль, что он проглядел в нем надежного и верного помощника. Перед его глазами стояли худенькая, почти мальчишеская фигурка Алексея и его открытое лицо, усыпанное у носа забавными веснушками. Среди других курсантов он ничем особенным не выделялся. На занятиях вел себя тихо, компаний ни с кем не водил, распоряжения инструкторов и старшего группы выполнял исправно. Словом, был «тихой овечкой», которая, кажется, и жила только одним — как бы уцелеть в стае волков.

«Вот тебе и овечка. Как же ты его просмотрел? — казнился Петр и молил Бога в душе, чтобы Колесову повезло уйти от засад и добраться к своим. Но этой надежде не суждено было сбыться. Белов первым заметил промелькнувший на перекрестке «опель» группы и окликнул Шевченко:

— Трофим, кажись, наша смена едет.

— Давно пора, а то в пузе кишки марш играют, — оживился он и махнул рукой: — Пошли, хлопцы.

Они спустились вниз и двинулись к перекрестку. Там их догнала машина. В кабине сидел ефрейтор Шойрих. Физиономии его и водителя самодовольно лучились. То, о чем мечтал каждый, — живым или мертвым найти Колесова и получить в награду отпуск, удалось этому пройдохе-тыловику. Он первым смекнул, где искать беглеца, и ринулся на центральный рынок. Прикупленные им продавцы быстро вывели на след Колесова. Безоружный и ошеломленный внезапным появлением гитлеровцев он не оказал сопротивления.

Шойрих, все еще находившийся под впечатлением операции по захвату Колесова, самозабвенно смаковал каждый ее эпизод и не забывал упоминать о своей героической роли.

Петр с трудом сдерживал себя, чтобы не захватить ему по роже. Сам недавно прошедший через мясорубку Райхдихта, он хорошо представлял, каким нечеловеческим мукам в эти самые минуты подвергался Алексей. Не в силах чем-либо помочь ему, Петр терзался от собственной беспомощности. Это не укрылось от внимания Шойриха.

— Петренко, а ты что, не рад? — прервал он свой рассказ и с недоумением уставился на Петра.

— Завидует вам, господин ефрейтор, — хмыкнул Белов.

— Болею, — буркнул Петр.

— Та шось ни тэ зъив в нашей харчевне, — не удержался Шевченко, чтобы не пройтись по адресу вороватого тыловики.

Тот хоть и не очень хорошо понимал украинский, но по тону, каким это было сказано, и выражению лица понял намек и не остался в долгу. Смерив Шевченко снисходительным взглядом, он язвительно заметил:

— Если тебе наш стол не нравится, я могу похлопотать перед шефом — покормишься за большевистским.

— Так то ж не я, а Петро шось ни тэ зъив, — смешался Шевченко и до приезда в группу больше не проронил ни слова.

В группе царила зловещая тишина. Ее нарушали только визг пилы и стук молотка: в дальнем конце плаца рабочая команда в спешном порядке сооружала виселицу. Несмотря на то что рабочий день еще не закончился, ни в гимнастическом городке, ни в курилках не было никого. Инструкторы и курсанты, забившись по своим углам, с оглядкой по сторонам обсуждали события ночи и дня.

Незадолго до ужина дежурный по группе объявил, чтобы командиры подразделений вывели своих подчиненных на плац. Свои места в строю инструкторы и курсанты занимали молча; они бросали испуганные взгляды на три виселицы. Всех их мучил один и тот же вопрос: для кого две другие?

Прошло пять, затем десять минут, а на плацу так ничего и не произошло. Гопф-Гойер держал мучительную паузу, вымещал на них свою злобу и ненависть. Дверь штаба наконец открылась. Скрип петель зловеще прозвучал в могильной тишине.

Гопф-Гойер вышел на крыльцо. За его спиной теснились Райхдихт, Рудель, Бокк, Шойрих и остальная штабная верхушка. Их появление заставило подтянуться командиров подразделений и нервной волной прокатилось по строю курсантов. Дежурный по группе подал команду «смирно».

Гопф-Гойер спустился с крыльца и прошел к трибуне. Его ледяной взгляд окатил строй и остановился на виселицах. Лицо Гопф-Гойера исказила зловещая гримаса. Он обернулся к гауптвахте и гаркнул:

— Комендант, начинайте!

В ответ заработал мотор машины. Ворота распахнулись, и на плац выехал грузовик. В кузове стоял истерзанный Колесов. По бокам его подпирали двое верзил из комендантского отделения. Грузовик медленно катил вдоль строя и остановился у виселицы.

Гопф-Гойер подался вперед и, окинув строй испепеляющим взглядом, объявил:

— Так будет с каждым, кто изменит Великой Германии!
Смерть предателю!

— Смерть! — недружно прозвучало в ответ.

— Будьте вы все прокляты! Придут наши... — голос Алексея оборвался.

Палач суетливо набросил петлю на шею Колесову. Грузовик сипло всхлипнул мотором и тронулся с места. Кузов ушел из-под ног Колесова, и его тело забилось в предсмертной конвульсии. Но на этом устрашающий спектакль, затеянный Гопф-Гойером, не закончился.

К строю вышел Райхдихт. Со стороны гауптвахты донесся дробный грохот сапог; это комендантское отделение выскочило на плац и встало за его спиной. К ним подъехал грузовик. Все эти перемещения нагнали еще больше страха на курсантов.

Райхдихт двинулся ко второму отделению курсантов — круг новых жертв определился. Комендантское отделение, погромыхивая карабинами, взяло их на прицел. По соседнему строю пронесся вздох облегчения. Райхдихт остановился в нескольких шагах от второго отделения и зашарил взглядом по лицам курсантов. Те невольно жались; на них повеяло холодным дыханием смерти. Гитлеровец ткнул пальцем в середину строя и выкрикнул:

— Панин! Зубенко!

Мертвенная бледность покрыла их лица, и в следующее мгновение вокруг них образовалась мертвая зона.

— Взять мерзавцев! — приказал Райхдихт.

Громили из комендантского отделения, расшвыряв жидкую цепочку курсантов, набросились на Панина и Зубенко. Сбив с ног, они принялись их избивать, а потом забросили в кузов машины. Казнь тех, кто чаще всего общался с Колесовым, Гопф-Гойер превратил в страшное действо: под грохот барабана несчастных вздернули на виселице, а затем отделение за отделением прошли строем перед эшафотом.

Безжалостная расправа над Колесовым не облегчила положения Гопф-Гойера. Через два дня в Ростов нагрянул Гемприх с комиссией и вывернул все наизнанку. После его отъезда среди офицеров поползли слухи о скорой отставке Гопф-Гойера, и даже назывался его приемник — капитан Мартин Рудель. Разрядило обстановку в группе сообщение о предстоящем перемещении в Краснодар.

Отъезд на Кубань вызвал в душе Петра бурю чувств, которая была связана с Верой. После долгих раздумий он решился объяснить с ней и, не дожидаясь конца рабочего дня, отправился к Пивоварчукам. Последние метры ему дались с большим трудом. Все заранее приготовленные объяснения рассыпались в прах перед одним фактом — его службой в аввере.

Впереди показался знакомый забор. Петр робким взглядом пробежался по двору. В нем никого не было. Калитка была закрыта на щеколду, а в доме царил непривычная тишина. Он нерешительно топтался на месте, надеясь, что кто-нибудь из хозяек появится на крыльце. Прошла минута-другая, но он так и не заметил каких-либо движений. Дом словно вымер. Петр бросил последний взгляд на окна, и тут то ли ему показалось, то ли на самом деле в крайнем дернулась занавеска. Он присмотрелся — это не было обманом зрения и, отбросив все сомнения, Петр решительно отодвинул щеколду на калитке, вошел во двор, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Никто не ответил, но он не отступал и продолжал стучать. Его настойчивость возымела действие. В сенцах послышались шаги, звякнул крючок, и на порог вышла Лидия Семеновна. В ее взгляде Петр не нашел для себя ничего хорошего и, пряча глаза, спросил:

— Вера, дома?

— Немае, — глухо ответила она.

— А когда будет?

— И не будэ.

— Что с ней? — в Петре проснулась тревога.

— Ничего! — отрезала Лидия Семеновна.

— Где она?

— К родичам съехала.

— Как съехала? Почему?

— А ты шо, не понимаешь?

— Но так же нельзя, Лидия Семеновна. Нельзя!

— Слухай, хлопец, Христом Богом прошу, оставь ты нас в покое. Разни у нас дорожи.

Понурившись, Петр побрел со двора. Ненавистная личина предателя душила его. В ту ночь он так и не смог уснуть. А на следующий день его закрутил водоворот событий. Из Запорожья пришел приказ Гемприха о передислокации группы в Краснодар. На сборы отводилось всего три дня. Вместе с Самутиным он в пожарном порядке готовил к отправке картотеку на курсантов и агентов. Особой заботой для него стали сведения, хранящиеся в тайнике. И здесь у него мелькнула шальная мысль: доверить их Вере! Сначала она показалась ему авантюрной. Но чем больше он размышлял над ней, тем больше находил аргументов «за». При его положении, когда приходилось ходить по лезвию бритвы, собранные им данные на кадровый состав группы и агентов, заброшенных за линию фронта, скорее окажутся у капитана Рязанцева, если будут храниться у Веры. Свою и немаловажную роль в этом решении сыграли его чувства к Вере. В ее и глазах Лидии Семеновны он снова мог стать желанным в их доме.

Сгорая от нетерпения, Петр направился к Пивоварчукам. Удача на этот раз улыбнулась ему. Вера была во дворе, развешивала белье на веревке.

— Вера! — несмело окликнул он.

Она обернулась и зарделась.

— Вера! — повторил он, пытаясь поймать ее взгляд.

Вера, уронив таз с бельем на землю, растерянно смотрела на него. Петр ринулся во двор и, схватив ее за руку, взволнованно прошептал:

— Не бойся. Я не фашист. Я свой.

Это не произвело впечатления на Веру. В ее глазах по-прежнему плескалось холодное презрение. Проклятая фашистская форма сбивала ее с толку. Он выхватил из кармана пакет и потребовал:

— Ты должна передать его нашим! В нем важные сведения. Послезавтра нас отправляют в Краснодар.

Растерянность на лице Веры сменилась недоумением, и с губ сорвалось:

— Каким нашим?

— Командиру Красной армии... Э-э, нет, начальнику особого отдела. Это очень важно! — с жаром убеждал Петр.

— Какого особого отдела? — у Веры голова шла кругом.

— Начальнику особого отдела НКВД капитану Павлу Рязанцеву. Запомни — Рязанцеву! — тормозил ее Петр.

— Я-я... Ты... — голос у Веры сорвался, и в следующий миг шею Петра обвили ее руки.

Трепетная волна прокатилась по его телу, и он стиснул девушку в объятиях. В страстных поцелуях терялись обрывки фраз. Это уже ни имело значения. Счастливые глаза Веры говорили Петру красноречивее всяких слов. В эти короткие мгновения нежной и трепетной любви, на которые так скупа война, они ничего не замечали.

— Верка! Т-ы-ы шо творишь? Ты... — Лидия Семеновна потеряла дар речи.

Единственная дочь, ее кровинушка, на глазах соседей миловалась с фашистским прихвостнем. Для донской казачки большего позора трудно было представить.

Первой нашлась Вера. Она ринулась к матери и, обхватив ее за плечи, радостно повторяла:

— Мамо, Петя свой! Он свой! Он наш!

— Шо-о? Вон з моей хаты! Шоб твоей ноги в нем нэ було. Як я сусидям в очи подывляюсь? — Лидия Семеновна не могла поверить своим ушам.

— Лидия Семеновна! Лидия Семеновна, не надо так. Я не могу вам все сказать, — пытался вставить слово Петр.

— Та шо мини казать! Я шо, очей нэ имию?

— Мамо, успокойся. Петя не такой. Ты поверь, он хороший, — уговаривала ее Вера.

— Хороший? А ця одежду шо?

— Лидия Семеновна, успокойтесь, пройдем в дом, и там спокойно поговорим, — мягко, но настойчиво попросил Петр.

— О, Господи, та шо ж цэ такэ. Шо ж я людям скажу? — сокрушалась Лидия Семеновна, но, подчиняясь нажиму Петра и дочери, зашла в дом.

Там ее оставили силы. Она тяжело опустилась на табуретку, крепкие, натруженные крестьянским трудом руки плетью обвисли к полу, а в глазах разлилась смертельная тоска. В таком состоянии Вера видела мать, когда с фронта пришла похоронка на отца. Жалость к ней охватила ее, она припала к коленям матери и сквозь слезы умоляла:

— Мамо, прости меня. Поверь, он хороший.

Но эта мольба не доходила до Лидии Семеновны. Остановившимся взглядом она смотрела перед собой и ничего не замечала. На глазах Петра разворачивалась еще одна семейная трагедия, невольным виновником которой являлся он. Властный, не знающий компромиссов характер донской казачки, потерявшей на войне мужа, мог привести к ее полному разрыву с дочерью. У него не оставалось иного выбора, как признаться ей в своей связи с советской разведкой. Он склонился к Лидии Семеновне и, пытаясь поймать ее взгляд, прямо заявил:

— Мы с Верой любим друг друга. Я не шкура. Эта тряпка на мне — лишь прикрытие. Я выполняю задание советского командования. Извините, но это все, что я могу сказать.

— Мамо, та пойми же ты, Петя — не фашист! Он свой! Он наш разведчик, — вторила Петру Вера.

Последние фразы, похоже, были услышаны Лидией Семеновной. Она встрепенулась, в глазах вспыхнул огонек и впервые без прежнего ожесточения посмотрела на Петра. Он оживился и, чтобы рассеять последние сомнения, признался:

— В абвере я нахожусь по заданию начальника особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта капитана Рязанцева.

— Мамо, цэ правда! Петя дал мне для него пакет... — Вера осеклась и виновато посмотрела на Петра.

Он нежно погладил ее по плечу и продолжил:

— В нем важные сведения для капитана Рязанцева. Они очень ему нужны. Послезавтра абвергруппу отправляют в Краснодар. Я не имею права подвергать опасности вашу семью. Вы можете отказаться...

Договорить Петр не смог. Лидия Семеновна поднялась с табуретки, и ее руки обвили его. Глухие рыдания сотрясали ее тело, а сквозь слезы прорывалось:

— Прости меня, сынок. Прости старую дуру.

В следующую секунду все трое слились в одном объятии. Среди бескрайнего моря человеческого горя и страданий они, пусть и ненадолго, обрели свое счастье.

12 августа 1942 года передовая часть абвергруппы-102 погрузилась в эшелон и отправилась к новому месту назначения — в Краснодар. Там советского разведчика Петра Прядко ждали новые испытания...

Пакет с разведсведениями, собранными зафронтовым разведчиком Гальченко для капитана Рязанцева, долгих шесть месяцев хранился в тайнике в скромном домике по улице Баррикадной, 7. Несмотря на обыски в казацкой слободе, которые участились после поражения гитлеровцев под Сталинградом, две храбрые женщины сберегли его. А Вера сохранила не только сведения, но и рожденную в огне войны светлую любовь к Петру. Любовь, которая по признанию Петра Ивановича, стала для него самой большой наградой. До последних дней жизни они остались ей верны...

14 февраля 1943 года после ожесточенных боев советские войска освободили Ростов. На следующий день Вера явилась в комендатуру, где ее внимательно выслушали и направили в особый отдел Южного фронта. Там девушку принял дежурный, а затем начальник. Вера, волнуясь и перескакивая с одного на другое, рассказала о Петре и его тайне. В подтверждение своих слов она положила на стол пакет.

И когда он был вскрыт, то руководители особого отдела пришли в изумление — структура и кадровый состав абвергруппы-102 лежали перед ними, как на ладони. Помимо этих сведений зафронтной агент Гальченко в рапорте на имя капитана Рязанцева сообщал установочные, характеризующие данные и особые приметы на агентов, заброшенных в советский тыл. Последней из пакета выпала короткая, бесхитростная, а от того еще более трогательная, записка:

«Товарищ капитан, будучи в Ростове-на-Дону я установил связь с комсомолкой Верой Пивоварчук (проживает г. Ростов, Красный Город-Сад, ул. Баррикадная, № 7), надежным и верным товарищем».

В наш прагматичный век слова Петра Ивановича Прядко, вероятно, звучат наивно. Но не нам, которым не довелось жить в том суровом и беспощадном времени, судить тех, для которых честь, дружба и Родина не были пустым звуком. Они, разведчики и контрразведчики, рядовые бойцы и командиры, партийные и беспартийные, объединенные одним емким словом «советские», были скромны в своих оценках и стеснительны в словах, но необыкновенно щедры и благородны в делах и поступках.

В тот же день после беседы с Верой на имя начальника Управления особых отделов НКВД СССР комиссара государственной безопасности 2-го ранга Виктора Абакумова была отправлена шифровка. В ней сообщалось, что зафронтной агент Гальченко-Прядко жив и продолжает действовать. Она почти слово в слово повторяла рапорт Петра:

Начальнику особого отдела
капитану Рязанцеву

«В Ростове-на-Дону группа пробыла до 10 августа 1942 г. За это время было заброшено до 12 агентов, из которых возвратилась лишь половина. В этот раз им были выданы очень плохие документы...

В Ростове-на-Дону начальством группы-102 оставлен агент для внутренней работы (фамилию — см. приметы стр. 11)...

Там же во время пребывания группы-102 в Ростове в этот же период находился радист по имени Игорь, которого вскоре некий капитан, представитель группы-101, забрал для переброски самолетом (прыжок с парашютом), где-то в район Сталинграда...».

Далее, на странице 11 рапорта, Петр дает характеристики и приметы агентов и сотрудников абвергруппы-102:

«Шофер Зверев Алексей, Алекс, Павел — работает в группе с декабря 1941 г.

До войны находился в кадрах РККА в звании воентехника 2-го ранга. В плен перешел в первые месяцы войны.

В группе больше всего ездит на машине, которая развозит агентов для переброски через фронт и при доставке их обратно из передовых частей в группу.

В группе пользуется большим доверием, и, как правило, машина посылается в ответственные задания.

В отношении советской власти настроен плохо, всецело в разговорах и на деле симпатизирует немцам.

Его семья — жена проживает в г. Симферополе (Крымская АССР). В марте ездил к жене, поддерживает с ней переписку.

Приметы: Возраст до 30–32 лет, среднего роста, голова лысая, в переднюю челюсть вставлены 2 белых металлических зуба, лицо смуглое, глаза черные...»

Глава 9

13 августа 1942 года основной костяк абвергруппы-102 прибыл в Краснодар. Новый ее начальник капитан Мартин Рудель энергично принялся за дело. Уже на следующий день в штабе, разместившемся в двухэтажном купеческом особняке по улице Комсомольская, 58 заработали все службы. Спустя неделю поблизости от линии фронта — в станицах Афипской, Хадыженской, Крымской и Абинской были оборудованы пункты заброски агентуры, а в Пашковской, на окраине Краснодара, в полевом лагере приступили к подготовке курсантов.

Август — октябрь 1942 года стали решающими в битве за Кавказ, поэтому сотрудникам группы приходилось работать с полным напряжением сил. Вербовка агентов из числа советских военнопленных и полицейских, их ускоренная подготовка и заброска в тыл частей Закавказского фронта были поставлены на поток. Особую активность проявляли фельдфебель Аппельт, инструкторы Лысый и Шевченко. Петр настойчиво искал способ скомпрометировать их. И вскоре нашел его.

Националистические взгляды Романа Лысого были хорошо известны его ближайшему окружению. Он люто ненавидел москалей, и когда разговор заходил на эту тему, то в запале в последнее время доставалось и немцам. Эти откровения, вероятно, не оставались без внимания осведомителей Райхдихта, но Лысому пока все сходило с рук. Рудель сквозь пальцы смотрел на его националистические завихрения, и тому была причина — подготовленные им группы агентов реже, чем другие, проваливались на заданиях. Одна из них накануне возвратилась после совершения диверсии на участке дороги Новороссийск — Геленджик. Этот успех Рудель отметил не только перед строем, но и в рапорте на имя Гемприха, в котором ходатайствовал о награждении Лысого. Тот буквально раздулся от гордости. Не дожидаясь приказа, он предложил Петру и Шевченко отметить будущую награду. Они охотно согласились.

В тот же день после окончания занятий отправились в город. Шли неспешно, наслаждаясь благодатной погодой, которая так часто бывает на Кубани в конце августа. Лысый не стал долго перебирать рестораны и остановил выбор на ближайшем с претенциозным названием «Райх». В нем подавали вареных раков, а Лысый — большой их любитель, и он, конечно, не мог отказать себе в таком удовольствии.

В ресторане было немногочленно. Расторопный официант быстро подал на стол холодное пиво и вареных раков. Лысый, смакуя деликатес, с ностальгией вспоминал о родине — Черновцах. Ударился в воспоминания и Шевченко. Петр живо поддерживал разговор, а когда официант поставил на стол бутылку водки, не забывал почаще наливать в рюмки. Под пьяный треп он надеялся вытащить из Лысого и Шевченко дополнительные сведения о диверсантах, заброшенных за линию фронта.

Повод на эту тему дал сам Лысый. После успешной операции группы Вязуна в советском тылу Рудель поручил ему создать на ее базе резидентуру. Это не вызвало особого энтузиазма у Лысого — контингент будущих диверсантов оставлял желать лучшего. После поражения гитлеровцев под Москвой охотников шпионить и взрывать среди военнопленных существенно поубавилось.

— Выбрать не из кого, одна шваль, — сетовал он на трудности.

— Ну почему же, в третьем отделении есть подходящие экземпляры, — возразил Петр.

— С чего ты взял?

— Четверо дезертиров и один, если верить тому, что пишет, — из семи врагов народа.

— Во-во, пишет. Ты, Петро, судишь о них по своим бумажкам, а я их бачу в деле — одно говно.

— Ты не прав, Рома.

— Я не прав? Трое грузиняк, два — ары; с такими хрен шо навуюешь.

— Кто такие?

— Этот, як его, Хер... Звиняйте, хлопци, язык сломаешь, — Херкеладзе, — Лысый осекся и, посмотрев на Петра протрезвевшим взглядом, спросил: — А шо ты про него пытаешь?

— Помочь тебе хочу, — быстро нашелся Петр.

— Як?

— В моей картотеке вся их подноготная написана.

— А-а, — Лысый махнул рукой, — от цих бумажек только одна польза — сраку подтереть.

— Не скажи.

— Ром, а Петро дело каже, — поддержал его Шевченко.

— Ладно, опосля погутарим, — не стал спорить Лысый и кивнул на бутылку. — Наливай.

Шевченко разлил водку по рюмкам и произнес тост:

— Хлопци, выпьем за тэ, шоб у цем роки угробить коммунак, та пидэм до хаты!

Выпив, Лысый вдруг скуксился, мрачно обронил:

— Кажешь, до хаты.

— А шо, ни? Почитай бильше рока диток не бачив, — посоветовал Шевченко.

— Побачишь, колы рак на гори свисне.

— Ром, а ты шо, сомневаешься? Подывись, як немец пре!

— И шо? До Москвы тож пер, а там его на жопу посадили.

— Так тэж було в прошлом роки, а сегодня вин уже дошов до абрэкив. А ти тильке и ждуть, шоб кишки коммунакам пустить.

— Ага, пустят. Придэ зима, и ось побачишь, як москали надерут жопу нимцу, — гнул свое Лысый.

Шевченко переглянулся с Петром и с раздражением бросил:

— Ром, я шось нэ пийму. Ты чи за нимца, чи за коммунак?

Тот яростно сверкнул глазами и отрезал:

— Я за незалэжну Украину!

— Так мы ж с Петром тож за тэ. Но сначала надо покончить с коммуняками, а потом по хатам.

— По хатам... Так воны тоби и дадут.

— Та хто — воны?

— А ты шо, не разумляешь? — продолжал говорить загадками Лысый.

— Ром, говори прямо. Тут все свои, — Петру тоже надоели его туманные намеки.

— Ладно, хлопцы, — примирительно сказал Лысый и полез в карман, достал вдвое сложенный листок бумаги и, развернув на столе, ткнул в него пальцем. — Ось, дывысь!

Петр и Шевченко склонились над листком. В верхней его части в глаза бросился голубой трезубец — то была листовка ОУН. Ее авторы призывали своих единомышленников не только не допустить восстановления на Украине большевистско-жидовского ига, но и подняться на борьбу с немцами. Последний абзац листовки изумил Петра и Шевченко, и они в один голос воскликнули:

— Как так?!

— А ось так, хлопцы. Шо большевики, шо гансы — одна сатана, — заявил Лысый и, понизив голос, сообщил: — У мэнэ на батькившине гансы дэвять хлопцив з ОУН вбылы.

— Та не може быть! — не поверил Шевченко.

— Може, Трофим, може. Ты подывысь, як Рудель и друга немчура к нам относятся? Як к скотине, — пробормотал он.

— Так что же делать, Рома? — задался вопросом Петр.

— Пока ждать.

— Чего?

— Зимы.

— И что тогда будет?

— Сталин Гитлеру харю начистит, вот тогда и рванем до хаты. Там наши хлопци тилькэ и ждуть, шоб пидняться.

— И много их?

— Богато, — не стал дальше развивать разговор Лысый и, сложив листовку в карман, хмыкнул: — Ой, хлопцы, шось в горли дыренчить, треба горло промочить.

Шевченко понял намек, снова разлил водку по рюмкам, и Лысый произнес тост:

— За незалэжну Украину!

Его дружно поддержали и затем навалились на только что снятый с углей шашлык. В тот вечер они больше не возвращались к опасной теме и принялись перемывать кости Самутину и Райхдихту. Петр поддакивал собутыльникам, а у самого из головы не шла мысль, как обернуть пьяные откровения Лысого и националистическую листовку против него. Она не давала ему покоя и в общежитии.

Решение пришло неожиданно — использовать в этих целях начальника секретной части ефрейтора Коха. У него хранились папки с материалами инструкторов. Петр несколько раз был невольным свидетелем того, когда он копался в папках. Вряд ли им двигало праздное любопытство. Скорее, он подрабатывал у Райхдихта на ниве осведомительства. Определившись с исполнителем задуманного плана компрометации Лысого, Петр стал ждать удобного случая, чтобы завладеть листовкой. Вскоре он представился.

Лысый вместе с группой курсантов выехал на занятия в полевой лагерь под Пашковскую, а у Петра выдался свободный час. Он не замедлил этим воспользоваться и возвратился в общежитие. Там царил сонная тишина. Дежурный клевал носом за стеклянной перегородкой и не заметил его. На втором этаже, где находилась комната Лысого, тоже никого не оказалось. Петр открыл дверь и переступил порог. Обстановка в комнате ему была хорошо знакома: кровать, стол, тумбочка и платяной шкаф.

«С чего начать? Со шкафа», — решил он и распахнул дверцы. В глаза бросился кожаный чемодан, лежавший на верхней полке, и руки сами потянулись к нему.

«Стоп! Лысый не дурак, чтобы хранить листовку в том, что торчит на виду. Так, где же спрятана листовка? Может, в коробках?» — и Петр принялся перебирать их содержимое.

Серебряные ложки, фарфоровый сервиз, отрезки ткани — обычной набор мародера. Значит, где-то есть тайник. В столе? В тумбочке? Но и там его не оказалось. Обнаруженная под журналами стопка порнографических фотографий свидетельствовала о сексуальных пристрастиях Лысого, но никак не о националистических и антигерманских взглядах.

Петр отступил на середину комнаты и мысленно перебрал все возможные места, где Лысый мог хранить самое ценное — золото. Точно, листовка должна быть там, где и золото.

«Так где же оно может быть?» — задумался Петр. Единственным предметом, который оставался не осмотренным, был чемодан.

Петр стащил его с полки, положил на стол и попытался открыть замки, но они были заперты на ключ. Выручила булавка. После легкого нажима верхняя крышка открылась. Перед глазами Петра предстали россыпь часов в серебряной и золотой оправе, связка золотых колец и фотоальбом.

Поиски он начал с альбома, и удача сразу улыбнулась ему — листовка была спрятана под обложкой. Там же лежал список, в котором значились 18 курсантов и агентов, заброшенных в тыл советских войск. Судя по фамилиям, большинство из них являлись выходцами из западных областей Украины. Похоже, Лысый рассчитывал предстать перед главарями ОУН не с пустыми руками. Но это уже мало заботило Петра.

Мысли Петра переключились на другое: как подкинуть листовку Коху. В этом деле он рассчитывал на слабость ефрейтора к сладостям. По его расчету, банка отменного каштанового меда должна была открыть путь не только к желудку ефрейтора, но и дверь в секретную часть.

Дождавшись начала очередного часа занятий, Петр прихватил с собой мед и отправился к Коху. Любитель почесать

языком, он маялся в одиночестве и при появлении гостя оживился.

— Привет, Густав. Скучаешь? — поздоровался Петр.

— О чем ты, Петр? При моей-то службе скучать? — посоветовал тот.

— Да, не расслабишься. Все дороги нашей группы ведут к тебе.

— Скорее, к Шойриху.

— Не скажи. После него некоторые из сортира не вылезают.

— Ха-ха, — хохотнул Кох и скосил хитрующий взгляд на пакет в руке Петра.

Петр тряхнул пакетом и предложил:

— Может, чайком побалуемся?

— Ну, ты же знаешь, в рабочее время... — замялся Кох.

— Так, все же на занятиях. А у меня отличный мед — каштановый. Помнишь, я тебя угощал?

— О! — сладкоежка ефрейтор засиял, и, не устояв перед искушением, открыл дверь секретки.

Первая часть плана Петра сработала, оставалось добратсья до папки Лысого. Он пробежался взглядом по безликим стеллажам. Здесь каждый предмет и документ знали свое место — были пронумерованы и имели владельца. Папка Лысого значилась под номером 23 и находилась на верхней полке. Петр несколько раз порывался подобраться к ней, но вынужден был отступить. Неугомонный Кох крутился под самым носом и не давал сделать ни одного лишнего движения.

Шанс появился, когда чайник сердито засипел, и ефрейтор захлопотал над столом. Петр стремительно шагнул к стеллажу и засунул под обложку папки листовку вместе со списком 18 агентов и курсантов. Это движение не укрылось от Коха:

— Ты чего там? — насторожился он.

— Не возражаешь, если возьму свою папку, а потом распишусь в журнале?

— Успеешь, иди пить чай.

— Ладно, — согласился Петр и подсел к столу.

Банка меда сыграла свою роль. Кох расщедрился и вместо пересохших галет достал краюху свежего белого хлеба. Смакуя мед, он ударился в воспоминания. Пчеловодство ему было знакомо не понаслышке. Детство Кох провел на пасеке у деда и с упоением рассказывал о тех счастливых днях. Петр поддакивал и украдкой поглядывал на часы. Приближалось время перерыва в занятиях, и не в его интересах было попадаться на глаза Райхдихта, а тем более Лысого. Кох же, сев на любимого конька, и не думал останавливаться. Петр нервно елозил на стуле и напряженно думал, как бы поскорее выбраться из секретки. Его ссылки на неотложную работу не возымели действия — Кох продолжал разглагольствовать. И только появление двух инструкторов, пришедших сдавать документы, положило конец чаепитию. Забрав свою папку и расписавшись в журнале выдачи, Петр наконец смог выбраться к себе в кабинет.

Остаток дня он провел, как на иголках. Совещание, на которое Рудель вызвал всех старших инструкторов, прошло рутинно, о Лысом не было сказано ни слова. Сам он до отбоя так и не появился в группе. Встретились они только на следующий день за завтраком. Ничего необычного в поведении Лысого Петр не заметил. Он пребывал в хорошем настроении и после утреннего развода снова отправился с группой курсантов на полевые занятия. Все основные события, связанные с ним, начали стремительно развиваться после обеда.

Свободные от занятий инструкторы отправились отдыхать в общежитие, но отдыха не получилось. Вслед за ними туда нагрянул Райхдихт вместе с комендантом, чем вызвал немалый переполох. Перевернув верх дном все, что было в комнате Лысого, они забрали чемодан и унесли его в штаб. Затем в кабинет Райхдихта начали таскать по одному курсантов, значившихся в его списке. Это окончательно убедило Петра в том, что его «послание» дошло до нужного адресата.

К вечеру по группе поползли слухи: Лысый «спалился» на языке. Его самого доставили в группу под конвоем и посадили на гауптвахту. Там за него взялся Райхдихт. Клятвы Лысого, что он ни в чем не виноват, а листовка — это дело агента большевиков, гитлеровцев не убедили. Так оуновская листовка похоронила одного из самых рьяных инструкторов абвергруппы-102 и заставила подергаться Шевченко.

Прошло два дня после исчезновения Лысого из группы, но ни Шевченко, ни Петра не вызвали на допрос к Райхдихту. История с Лысым стала забываться. Шпионское колесо абвера продолжало катиться, так и не коснувшись Петра.

Успех в нейтрализации Лысого окрылил его. Следующий удар он нанес по одной из ключевых фигур — фельдфебелю Аппельту. На нем «висели» финансы, в том числе и те, которые выдавались агентуре. Найти у него уязвимое место, как это было в случае с Лысым, оказалось делом гораздо более сложным. Аппельт, «истинный» ариец со своим особым статусом, держался на расстоянии от «черной кости» — инструкторов-славян. И все-таки он оказался не безгрешен — допускал нарушения в работе с секретными документами и нередко брал их с собой на квартиру. Петр воспользовался этим.

Самым подходящим днем для выполнения задуманного являлась суббота. После традиционного совещания руководящего состава группы Рудель вместе с Райхдихтом, Аппельтом, Шойрихом и Бокком отправлялись, как правило, ужинать в ресторан «Золотая подкова». И на этот раз они не изменили своим вкусам.

Петр отправился на квартиру фельдфебеля. Она находилась в пятнадцати минутах ходьбы от штаба. Ее хозяйка, молодая, разбитная бабенка, сдавала в поднаем две комнаты и, судя по тем продовольственным пайкам, что Аппельт таскал со склада Шойриха, водила с ним шуры-муры. Лишним подтверждением тому были их частые появления в ресторанах «Золотая подкова» и «Райх». Петр несколько раз встречался с ней и опасался,

как бы она не опознала его. И чтобы не подвергать себя риску, заранее купил на рынке новую куртку, фуражку, шкурку нутрии, из которой сделал усы. Весь этот маскировочный гардероб болтался за его спиной.

На подходе к квартире Аппельта Петр свернул в развалины и там переоделся. Дольше всего пришлось повозиться с усами — они никак не хотели держаться. И когда с ними было покончено, он поднял валявшийся под ногами осколок зеркала, глянул, и не узнал себя: на него тарачилась хмурая физиономия с воинственно топорщащимися усами.

«Не красавец, конечно, но сойдет. Главное, чтоб не узнала», — Петр остался доволен своим видом и решительно направился к дому Аппельта. В душе он надеялся, что, возможно, хозяйка ужинает вместе с фельдфебелем в ресторане, и в этом случае у него будут полностью развязаны руки. Но надежде не суждено было сбыться — она оказалась дома. Петр решил не отступать и, войдя в сенцы, постучал.

— Кто там? — из глубины комнаты откликнулся молодой голос.

— Со службы господина фельдфебеля, — Петр добавил металла в голос.

— Так его нэма.

— Он вот-вот должен подойти. Я подожду.

— Ну, тогда заходите, я щас.

Петр прошел в горницу. Через минуту из кухни выглянула хозяйка — молодая, лет тридцати, крепко сбитая, с пышными формами; перед ними такому бабнику, как Аппельт, трудно было устоять. Задорные ямочки на щеках и черные глаза-смоудины, в которых скакали лукавые чертики, говорили, что баба далеко не промах и свое не упустит. Петр понял, что с ней ухо держать надо остро, и вежливо поздоровался:

— Здравствуйте.

— Здравсте, — ответила хозяйка и оценивающе пробежала по нему быстрым взглядом. — Може, чайку или компотику?

— Нет, спасибо, не буду мешать вам. Я лучше подожду в комнате господина фельдфебеля, — отказался Петр.

— Як знаете, — не стала настаивать она и открыла дверь в его комнату.

В комнате Аппельта царил образцовый порядок. «Легче будет искать», — отметил про себя Петр и, чтобы отделаться от хозяйки, спросил:

— У вас на кухне ничего не горит?

Та поняла все по-своему и предложила:

— Могут яйца вам поджарить.

— А вот этого не надо. Они мне еще нужны.

— Шо-о? — в следующее мгновение хозяйка зашлась хохотом, а затем плотоядным взглядом окинула ладную фигуру Петра. В сравнении с пузаном Аппельтом, он явно выигрывал. Игриво хохотнув, она предложила: — А може, вишневого наливочки, чи самгоночки?

— Спасибо, в следующий раз. Я на службе.

— Ну, тады борщика. Свежий, тильке с огня, — не отставала она.

«Чертова баба! И послать не пошлешь. Скандала только не хватало», — проклинал в душе Петр похотливую бабенку и предпринял еще одну попытку выставить ее из комнаты:

— Знаете, без господина фельдфебеля как-то неудобно, давайте подождем.

— Як знаете, — с нотками разочарования в голосе произнесла хозяйка и направилась на кухню.

Петр прикрыл плотнее дверь и, достав из-за голенища сапога тесак, принялся взламывать ящики стола. В левом верхнем лежали семейный альбом с фотографиями и детские безделушки, напоминавшие фельдфебеля, не лишнему сентиментальности, о дочерях-близняшках и сыне.

В нижнем ящике находились бланки финансовых ведомостей и фотографии из его армейской жизни. На них часто

попадались знакомые лица. Все это было не то, что могло скомпрометировать Аппельта в глазах Руделя и Гемприха.

Заполненные денежные ведомости с фамилиями и псевдонимами курсантов и агентов, а главное — штатного состава группы, включая самого Руделя, Петр обнаружил в нижнем ящике правой тумбы стола. Под ними лежали конверт с двумя тысячами марок, горсть золотых цепочек и массивный серебряный крест. Распихав находки по карманам куртки, он переключился на комод. Из него в сумку перекочевали детская меховая шубка, дамская норковая шапка. Они должны были навести Аппельта и Райхдихта на мысль, что в квартире побывал воришка. До нижнего ящика Петр так и не добрался, за окном скрипнули тормоза, а затем хлопнула дверца. Он приник к окну.

На дорожке, ведущей к дому за кустарником, возник силуэт. Характерная походка и торчащий живот не вызвали сомнений — это был Аппельт. Не раздумывая, Петр распахнул окошко, ящерицей соскользнул в палисадник и, прячась за кустарником, выбрался в сад. В доме царил тишина, и он поспешил избавиться от маскарада. Смахнув усы, фуражку, а затем стащив куртку, он все это запихнул в холщовый мешок и, перепрыгнув через плетень, оказался на соседней улице.

Теперь, когда опасность осталась позади, а рискованная затея удалась — Аппельт лишился важных документов, Петр от радости чувствовал себя на седьмом небе. Визг тормозов за спиной заставил его отпрянуть на обочину. Рядом остановился «опель», и из кабины высунулась разгневанная физиономия шофера.

— Ты шо, глухой? Я же тебя... — голос оборвался на полуслове — за рулем сидел водитель группы Василий Матвиенко.

«Откуда тебя принесло? Привез Аппельта?» — Петр похолодел от этой мысли. И страхась услышать подтверждение своей догадке, чужим голосом спросил:

— А ты что тут раскатываешь?

— Фельдфебеля до хаты подвозил.

— Он что, тут живет? — прикинулся незнающим Петр.

— Рядом, за углом.

— О, а я и не знал.

— А ты, Петро, шо тут делаешь?

— Случайно зашел.

— Может, подвезти? — предложил Матвиенко.

— Не надо, я пешочком прошвырнусь. После моих бумаг хочется развезаться.

— Ну, як знаешь, а я — в группу, — не стал настаивать Матвиенко и захлопнул дверцу.

«Кажись, не догадался», — подумал Петр и, приободрившись, направился к развалинам. Там в сумку с маскарадным одеянием он положил деньги, золото, и все это затолкал под обломки кирпичей. Потом сжег денежные ведомости и направился в ресторан «Золотой якорь»; в нем всегда отирался кто-нибудь из группы и мог обеспечить ему алиби.

Пока все шло по плану. В зале ему встретилась подвыпившая компания инструкторов — Коляда, Трофимов и Пинчук. Петр присоединился к ним. В группу они возвратились изрядно навеселе и попались на глаза дежурному по штабу. Тот слегка с ними пособачился, и на том все закончилось.

На следующий день Петр с нетерпением ждал реакции Аппельта и Руделя на происшествие. Первым сигналом, что его дерзкая затея дала результат, стало отсутствие обоих на утреннем разводе. Позже в кабинете Руделя на совещание собрались только немцы. О чем там шла речь, для русских инструкторов осталось тайной. После совещания немцы хранили гробовое молчание. Внешне в группе ничего не менялось, но атмосфера становилась все более гнетущей. Особенно это было заметно по Аппельту. Он на глазах худел, а на службе ходил, словно в воду опущенный.

Прошло около недели, и из Варшавы, из штаба Вали-1 — специального органа абвера, созданного в июне 1941 года для

ведения разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза, прибыла специальная комиссия. Потрепав нервы в основном начальству, она не сделала никаких оргвыводов и укатила восвояси. Они последовали позже.

В начале декабря из Варшавы поступил приказ: все курсантские группы, значившиеся в денежных ведомостях Аппельта, расформировать и отчислить. Его самого сняли с должности и отозвали из Краснодара. Вслед за ним та же участь постигла и Руделя.

На смену ему прибыл капитан Гесс. Человек с невыразительным лицом и лишенный всяческой харизмы, он, скорее, отбивал номер, чем пытался восстановить изрядно подмоченную репутацию группы. Поговаривали, что своим назначением Гесс был обязан влиятельным родственникам по линии жены. Вскоре налаженный Руделем деловой ритм сбился — в кабинете Гесса можно было чаще встретить проходимца Шойриха, чем инструкторов, занимающихся подготовкой разведывательно-диверсионных групп. Помимо лени у него имелась и другая слабость — спиртное. И группа вместе с ним ударилась в пьянство.

При таком начальстве Петр, казалось бы, мог спокойно вздохнуть, но каждый раз, когда он встречался с Матвиенко, в нем просыпалась тревога. Ему казалось, что тот догадывается о той его роли, которую он сыграл в судьбе Аппельта. И тогда Петр решил более внимательно присмотреться к Василию. Первым делом досконально изучил его личное дело.

Матвиенко, на первый взгляд, мало чем отличался от тех, кто пошел на сотрудничество с абвером. В плен Василий попал контуженым. Вербовал его Самутин, но не как будущего шпиона или диверсанта. Это был тот редкий случай, когда в штаб требовался хороший водитель. Однако не только отличные профессиональные навыки, но и немногословность Матвиенко обеспечили ему место среди постоянного состава группы. По-

мимо того, Петр отметил для себя и другой важный момент, который мог сыграть свою роль при перевербовке Матвиенко: его близкие, жена, сын и дочь, проживали на не оккупированной гитлеровцами территории — в Туапсе.

Предлог для беседы с Василием ему не пришлось искать. Слухи о наступлении Красной армии под Сталинградом просочились в группу и, обрастая самыми невероятными подробностями, порождали панические настроения. Их усиливали сообщения разведывательно-диверсионных групп, заброшенных в расположение частей Закавказского и Северо-Кавказского фронтов: они докладывали о накоплении резервов.

Одну такую группу Василий только что привез из Абинской, с пункта переброски. Поставив машину в гараж, он занялся своим любимым занятием — ремонтом часов. С этого Петр и решил начать с ним разговор. Поздоровавшись, он присел на табуретку так, чтобы видеть лицо Матвиенко. Тот молча кивнул и продолжил ковыряться в металлических внутренностях до-рогих, явно не рядового инструктора, часах.

— Чье хозяйство чинишь? — поинтересовался Петр.

— Шойриха, — коротко обронил Василий.

— Вот ненасытный, все ему мало.

Матвиенко никак не среагировал на эту затравку. Тогда Петр зашел с другой стороны и спросил:

— Давно приехал?

— Недавно.

— Группа вся вернулась?

— Не знаю, спроси у Шевченко, — односложно отвечал Василий.

Но Петр не оставлял надежды растормошить его и продолжил:

— Шорох-то они навели?

— Вроде, да.

— В Туапсе?

— Угу.

— Твои же родные места. Небось сам рвался, чтоб своих повидать? Вот бы радость была.

— Ага, полные штаны, — с ожесточением произнес Василий.

— Чего так? — разыгрывал недоумение Петр.

— Будто не знаешь. Там разговор один — к стенке. И все!

— Да брось ты это. Не сегодня, так завтра будем в твоём Туапсе.

— Будем... Из Волги воды уже попили. Всыпали гансам так, что Гесс теперь коньяком заливает, — Матвиенко осекся и с испугом посмотрел на Петра.

— Не смотри на меня так, Вася. Я не шкура, своих не продаю, — успокоил его Петр и, достав часы, попросил: — Посмотри, в последнее время что-то барахлят.

Матвиенко обмяк и, вымученно улыбнувшись, сказал:

— Оставь, сделаю.

— Что с меня?

— Ничего. Я со своих не беру.

— Спасибо. Хорошо, что такие, как ты, еще остались. И за фрейторскую лычку они не продаются, — сделал многозначительную оговорку Петр и внимательно посмотрел в глаза Василию.

Тот не отвел их в сторону. В них, как показалось Петру, промелькнула тень.

«Ах ты, молчун! Все ты понимаешь с полуслова. Похоже, моя вылазка к Аппельту для тебя не секрет. Стоящий ты мужик, Вася. С тобой можно иметь дело, — порадовался в душе Петр, но осторожность взяла верх. — Стоп! Не гони лошадей. Пусть над нашим разговором покумекает, а там видно будет», — не стал он форсировать события и спросил:

— За часами когда зайти?

— Где-то завтра-послезавтра. В общем, как будет время.

— Договорились, — согласился Петр и впервые за последнее время ощутил прилив радости.

После разговора прошла неделя. Однако они так и не смогли встретиться. Василий постоянно находился в разъездах, а Петр вместе с Шевченко четвертые сутки безвылазно сидел в пункте заброски в Абинской. Гесс не давал команды на возвращение в Краснодар, и это наводило их на мысль, что следующие разведывательно-диверсионные группы придется возглавить им. Внезапное появление Бокка подтвердило это предположение.

По указанию Гемприха для проведения диверсии на туапсинском нефтетерминале из постоянного состава группы формировалась особая команда «Д». Эта новость не вызвала у Шевченко энтузиазма. Четыре предыдущие диверсионные группы бесследно сгинули в суровых кавказских горах. Петр для вида тоже побурчал, а в душе порадовался — появлялся шанс восстановить связь со своими.

По приезду в Краснодар его сразу же вызвали к Гессу. Тот, большой любитель пышных фраз — когда находился в ударе, то Геббельс отдыхал, — начал речь с мессианской роли арийцев, а затем обрушился с гневными тирадами на ненавистных большевиков и евреев.

Стерев в порошок большевиков и евреев, Гесс объявил, что ему — Петру и еще лучшим из лучших семи диверсантам, в их числе оказался и Матвиенко, выпала величайшая честь решить судьбу битвы за Кавказ — взорвать нефтетерминал в Туапсе.

Гесс лез из кожи вон, чтобы доказать Гемприху — в Запорожье и Штольце — в Берлине, что с его назначением они не прогадали. То, что не удалось сделать его предшественникам Гопф-Гойеру и Рудею, выполнит он — капитан Гесс. Ради этого он пожертвовал лучшим водителем группы, рассчитывая, что именно Василию, выросшему в Туапсе, удастся вывести диверсантов на нефтетерминал.

Это подтолкнуло Петра к решающей беседе с Матвиенко. Нашел он его в учебном классе. Под руководством Бокка бе-

долага пытался освоить азы топографии. Василий, мастер золотые руки в технике, в топографии чувствовал себя ребенком, заплутавшимся в дебрях азимутов и градусов. Не меньше его измучился фельдфебель и потому был рад, когда ему на смену пришел Петр. Матвиенко тоже перевел дыхание. Для него были более понятны уловки советской комендатуры, которые применялись в документах красноармейцев, чтобы выявить агентов абвера.

Занятие подходило к концу. Петр посчитал, что более подходящего времени для решающего разговора с Василием ему не найти, и сделал первый намек:

— Как мои часы, показывают правильно?

— А я разве халтуру роблю? — вопросом на вопрос ответил хитрый Матвиенко.

— Нет. Не зря же тебя включили в нашу группу.

— Угу.

— Ты, смотрю, не рад.

— А чему радоваться? Четыре группы уже сгинули.

— Ну, с таким проводником, как ты, мы не пропадем.

— Ага. До смерти точно доведу.

— Ладно тебе, Вася, прорвемся, — Петр похлопал его по плечу и спросил: — Где мои часы?

— В кандейке, в гараже, — пояснил Матвиенко.

— Пошли, время не ждет, — поторопил Петр.

Лишний раз подставляться под скрытые микрофоны Райхдихта у него не было ни малейшего желания.

В гараже было непривычно тихо и ничто не мешало разговору с глазу на глаз. Петр успел изучить характер Матвиенко — тот не терпел разговоров с подходцем — и, повертев часы, похвалил:

— Правильно идут.

— Я же казав, шо халтуры не роблю.

— Часы-то правильно идут, не то что твоя жизнь, Василий, — поддел его Петр.

— А шо моя жизнь? С волками жить — по-волчьи выть, —
огрызнулся он.

— А ты разве волк?

— Какая на хрен разница. Моє дило баранку крутить.

— Все, Вася, открытил. Теперь родной Гуапсе взрывать
будешь.

— Туда треба ще дойти.

— А если дойдем, взрывать станешь? — допытывался Петр.

— То шо ты причипывся? Кажи прямо, чего надо? — по-
терял терпение Матвиенко.

— Мне ничего, а вот жене и детям ты нужен.

— А тебе якэ до них дило?

— Хочу, чтобы они не потеряли мужа и отца, — заявил
Петр и напрягся.

От ответа Василия зависело многое. Лицо Матвиенко ис-
казила гримаса, а пальцы сжались в кулаки. Рука Петра опусти-
лась на рукоять тесака. Это движение не укрылось от внимания
Василия. Его плотно сжатые губы разжались, и с них слетело:

— Боишься, шо донесу Гессу?

— Доносить? А чего такого я сказал? — Петр пожал плеча-
ми, а голове пронеслось: «Неужели ошибся?».

— А хто цэ мини предлагал на ту сторону бежать? — с
схидцей спросил Матвиенко.

— Я предлагал? Тебе показалось.

— Показалось? А Аппельта цэ ты спихнул?

Вопрос, а еще больше взгляд Матвиенко сказали все Петру.
Василий похоже понял, что у дома Аппельта он оказался не слу-
чайно, и все это время хранил молчание. Теплая волна окатила
Петра: «Ну, Вася, ты и змей. Знал и столько молчал». И уже
не таясь, спросил:

— А ты как думаешь?

Василий хмыкнул и заявил:

— Ну, туды ему и дорога.

Петр рассмеялся и в тон ему заметил:

— Так, может, еще кого сплавим?

— А шо, запросто.

— Молодец, Вася! Ох, как мне тебя раньше не хватало! — воскликнул Петр и, не стесняясь своего порыва, стиснул его в своих объятиях.

Глаза Матвиенко повлажнели, и с его дрожащих губ сорвалось:

— Петро, так ты свой?

— Свой! Свой, Вася!

И когда они овладели чувствами, Василий спросил:

— Та шо мне робить?

— Готовиться к выполнению задания.

— Якого?

— Гесса.

— Як? — опешил Василий.

— Самым добросовестным образом. В группу зачислят только пятерых. Ты должен попасть в их число.

— Понял. А шо потом?

— Не спеши, придет время — все скажу, — закончил на том разговор Петр и отправился в штаб.

Следующие четыре дня он, Матвиенко и еще шестеро диверсантов под командованием Бокка усиленно готовились к выполнению задания. 17 декабря 1942 года Гесс без всяких объяснений отменил его, а сам укатил в поселок Абрау якобы с инспекционной поездкой. Острые языки по этому поводу злословили: шеф заблудился в лабиринте подвалов знаменитого винзавода и, пока не выпьет все запасы, назад не вернется.

В его отсутствие личный состав группы совершенно расслабился. Учебный процесс с группами курсантов шел через пень-колоду. В комнатах общежития и кабинетах штаба все чаще раздавались загадочные хлопки. Страсть капитана к зеленому змию оказалась заразительной. К рюмке стали прикладываться не только свободные от занятий инструкторы,

но и некоторые дежурные. Служба в группе в рождественские дни шла кое-как.

В какой-то момент в голову Петра пришла шальная мысль: вместо рождественского гуся подложить гитлеровцам большую «свинью». Он поделился ею с Матвиенко, тот с ходу поддержал. От идеи разбросать по городу листовки, в которых раскрывалось бы истинное назначение интендантского отдела, за чьей ширмой скрывалась абвергруппа, они отказались. Слишком хлопотным выглядело это дело.

— А если краской намазывать на стене, шо тут шпионская школа? — предложил Василий.

— Хорошая мысль! — живо поддержал Петр, но, подумав, усомнился. — Рискованно, дежурный может заметить, да и времени не хватит.

— Да, не пойдет, — согласился Василий. — Так шо делать?

— Может, тогда плакат повесить?

— Точно! Быстро и никто не побачит, — снова оживился Василий.

— Так и сделаем.

— Вот только где столько бумаги и краски найти?

— Не проблема, — заверил Петр, подумав о начальнике типографии Николае Бойко.

У него Петр заказывал бланки красноармейских книжек, командировочных предписаний, госпитальных справок; в общем, все то, что потом служило абверовским агентам в качестве документов прикрытия.

— И когда будем давать рекламу гессовскому выводу? — Василий уже загорелся идеей преподнести немцам «праздничный подарок».

— На Рождество, — не задумываясь, назвал дату Петр.

— Точно. Пока гансы будут жрать своего гуся, мы подсунем им «свинью».

— И еще какую!

— Надо такое написать, шоб Гесс сразу протрезвел.

— Напишем, — заверил Петр и, не откладывая, взялся за дело.

После обеда он поехал в типографию. Бойко был на месте и распекал наборщика. При появлении Петра его воинственно торчащие усы обвисли и на лице появилась кислая улыбка.

— О, господин Петренко! — воскликнул он, но в его голосе не было энтузиазма.

— Здорово, Николай Пантелеевич. За что хлопца строгаешь? — бодро спросил Петр.

— Их не строгать, так вы же с меня три шкуры спустите.

— Так уж и три?

Бойко, смешавшись, ответил:

— Но по головке точно не погладите.

— Ладно, Пантелеич, я приехал не шкуру с тебя драть и не по головке гладить. Праздник на носу. Нужна краска, плакатные перья и хорошая бумага.

— Чего-чего? — Бойко не сразу понял, о чем идет речь.

— Ну, там разные штуковины рисовать, писать.

— А-а, ясно, сейчас подберем.

— И такую, чтоб на дожде не смывало, — напомнил Петр.

— Сделаю, господин Петренко. Один момент, — засуетился Бойко и просеменил на склад. Возвратился он с рулоном плотной бумаги, пачкой плакатных перьев и банками с краской.

Через час Петр был уже в группе. Все добытое в типографии он с Василием спрятал в гараже. Уже вечером они приступили к осуществлению своего плана. Работа шла споро; надо было закончить ее до комендантского часа. Написанный плакат положили в тайник. Теперь оставалось запастись терпением и ждать наступления Рождества.

Приход Рождества группа ознаменовала торжественным утренним построением. После долгой речи Гесса, обещавшего скорую победу над большевиками, Шойрих организовал в столовой праздничный завтрак. На этот раз он не поскупился и выставил на стол семь фаршированных гусей и два десятка

бутылок коньяка. Завтрак плавно перешел в обед, и к вечеру половина группы уже с трудом держалась на ногах.

Петр с Василием дождались наступления темноты и начали действовать. Погода им благоприятствовала. Тусклый свет фонарей таял в кисельной пелене. Пронизывающий декабрьский ветер безжалостно хлестал лица редких патрулей колючей поземкой и тоскливо завывал в разрушенных печных трубах.

Дежурный по группе, придвинувшись к печке, сонно клевал носом и не заметил, как две серые тени выскользнули за дверь. Наутро он, а вслед за ним мгновенно протрезвевший Гесс и многие жители Краснодара увидели на фасаде штаба группы плакат, на котором черным по белому большими печатными буквами было написано:

«Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами.

Вам не уйти от кары».

Шпионское гнездо абвера оказалось засвеченным. Скандал вышел грандиозный. Из Варшавы, из штаба Вали-1, в Краснодар приехала специальная комиссия и приступила к расследованию. Злоумышленника она не нашла, но меры приняла решительные. Штаб группы перебазировался в непригодное одноэтажное здание по улице Седина. Часть агентов отправили в лагерь для военнопленных, а самого Гесса увезли «протрезвляться» в Варшаву.

Исполнять обязанности начальника абвергруппы-102 поручили оберлейтенанту Бруно Штайну.

Глава 10

После отъезда комиссии в Варшаву Штайн без раскачки взялся исправлять положение дел. Несмотря на новогодние праздники, он бросил все силы на формирование и подготовку разведывательно-диверсионных групп. Новый, 1943-й год для инструкторов и командного состава группы начался в бешеном

рабочем темпе. Часть из них во главе с лейтенантом Рейхером в спешном порядке натаскивала из оставшихся курсантов будущих шпионов и диверсантов; другие под командой фельдфебеля Бокка поехали по лагерям военнопленных вербовать новые кадры, чтобы восполнить потери.

Петр оказался в одной группе с Бокком. Ей предстояла работа в краснодарском лагере военнопленных. К месту они выехали затемно. Позади остались изрешеченные снарядами мрачные остовы элеватора, за ними, в чистом поле, в предрасветном полумраке прорезалась зубчатая стена трехметрового деревянного забора. Почерневший от непогоды, он напоминал гнилые зубы. Над ним, по углам периметра, высились сторожевые вышки с часовыми. Гнетущую атмосферу, которой, казалось, пропиталось все вокруг лагеря, усугубляла виселица. В назидание дерзким и непокорным комендант лагеря приказал выставить ее перед воротами. На ней под порывами ветра покачивались тела четырех беглецов. Дважды в день, утром и вечером, когда колонны пленных уходили на работы и возвращались в лагерь, они служили им жестоким напоминанием.

Вид виселицы подействовал и на инструкторов — болтовня стихла, а водитель за десяток метров до ворот нажал на клаксон. В караульной будке никто не пошевелился. Бокк, не горевший желанием покидать теплый салон автобуса и выходить на мороз, недовольно нахмурил брови и бросил водителю:

— Посигналь еще!

Водитель еще раз нервно нажал на клаксон. На этот раз в припорошенном снегом оконце возникла хмурая физиономия, а на сторожевой вышке, нависавшей над въездом в лагерь, скрипнула турель пулемета, и его ствол хищно нацелился на автобус. Прошла минута, но к автобусу так никто и не подошел.

— Зажравшиеся крысы. Леню задницу от лавки оторвать, — выругался Бокк, прихватил с собой папку с документами, выбрался из автобуса и поковылял к караулке.

Пока он с начальником караула утрясал вопрос о допуске на территорию лагеря, инструкторы-вербовщики лениво злословили и гадали, чем можно будет поживиться у пленных. Этот циничный разговор поднял в душе Петра волну ненависти к ним — негодяям, потерявшим всякий человеческий облик, которые под пустые обещания вытащить несчастных из этого земного ада, беззастенчиво выманивали у них то последнее, что еще не отобрала лагерная охрана. От бессилия он заскрипел зубами, и в его памяти возникли изможденные, обмороженные лица. В их глазах чаще всего ему приходилось видеть холодное презрение. Каждый раз, попадая в лагерь, Петр пытался хоть как-то облегчить участь пленных и предложить им шанс вернуться к своим. Но одни отвергали предложения гитлеровского холоуя поступить на службу в абвер, а другие, кого ему с таким трудом удавалось склонить к этому, зачастую отсеивались позже. Райхдихт, охочий до всяких психологических штучек, после тестирования безжалостно возвращал их в лагерь.

— Бюрократы чертовы! Пока в нос бумажкой не ткнешь, не пошевелятся! — гневный возглас Бокка, появившегося в дверях автобуса, поддержали остальные. Их голоса заглушили скрип ворот и остервенелый лай сторожевых псов. Покачиваясь на наледях, автобус вкатил на территорию лагеря.

Краснодарский лагерь ничем не отличался от тех, в которых ранее побывал Петр. Приземистые, словно выросшие в землю, темные коробки дощатых бараков для военнопленных печально смотрели на мир забранными колючей проволокой оконцами. Пустынный земляной плац, утрамбованный тысячами ног, с неизменной трибуной, занимал центральную часть лагеря.

Совсем по-другому выглядела зона лагерной администрации. Она напомнила эдакий пансионат для заслуженных наци. Аккуратные, выстроенные будто по линейке здания управления лагеря, столовой и общежития походили на лубочные картинки. У каждого из них располагалась ажурная беседка, а

перед штабом в летнее время бил фонтан. И если бы не два ряда колючей проволоки, отделявшие этот гитлеровский эдем от ада военнопленных, то непосвященный вряд ли бы догадался, что в стенах центрального особняка принимались самые чудовищные решения: кого из штрафников отправить на виселицу, а кого удушить в машинах-душегубках, занимавших в гараже специальный бокс.

На въезде в административную зону в автобус подсел дежурный по лагерю, и, уже нигде не останавливаясь, вся команда проехала на стоянку перед штабом. Там она разделилась. Бокк вместе с дежурным отправился на встречу с комендантом лагеря, а остальные в сопровождении помощника по хозяйственной части пошли в столовую. Это вызвало оживление среди инструкторов — они предвкушали сытный завтрак. Дармовая рабочая сила — военнопленные, которых лагерная администрация направо и налево сдавала внаем, позволяла ей жить на широкую ногу.

В своих ожиданиях инструкторы не обманулись. В зале пахло настоящим, а не эрзац, кофе, а из кухни доносились аппетитные запахи жареного мяса. С появлением в столовой Бокка и заместителя коменданта лагеря все пришло в движение. Официантки выставили на стол холодец, домашние соленья и блюдо с ломтями обжаренного мяса. Завершился завтрак неизменным кофе.

За то время, пока инструкторы уминали «лагерную пайку», в штрафном боксе были подготовлены места для их работы. После короткого перекура команда Бокка разошлась по кабинетам, и конвейер по вербовке агентов абвера пришел в движение.

Петру предстояло пропустить через себя 143 военнопленных из блока «Ц». Начал он, как обычно, с изучения картотеки. Учетную работу по общему и специальному контингенту лагерная администрация довела до совершенства. Петр не стал углубляться в общие учеты. Его в первую очередь интересовал так называемый неблагонадежный элемент — те, кто не пал

духом и предпринимал попытки к побегу. Среди них он надеялся подобрать тех, кто, оказавшись на советской стороне, не станет шпионить и взрывать, а придет к контрразведчикам с повинной. Их отыскать было легко — правый верхний уголок карточки имел красный цвет; таких оказалось семь.

Изучив имевшийся на них материал, Петр остановил выбор на Иване Ковале. За ним числились две неудавшиеся попытки побега. Они говорили сами за себя. Просмотр остальных 135 карточек занял у него еще полтора часа. Определившись с кругом будущих кандидатов в агенты, Петр первым вызвал на беседу Ковалю. Надзиратель ввел его в кабинет и вышел.

Бывший старший сержант Красной армии с крепко сбитой фигурой держался без всякой робости. Его не обломали ни два месяца лагерной жизни, ни отсидка в штрафном блоке. Сыну кузнеца было не привыкать переносить тяготы и лишения. Его твердое выражение лица свидетельствовало о выдержке и воле. На фашистского холоуя он смотрел как на пустое место.

— Ну что, так и будем молчать? — эта молчанка надоела Петру.

Коваль, поиграв желваками на скулах, начал бубнить «лагерную молитву»:

— Заключенный номер...

— Садись, — остановил его Петр и кивнул на табуретку.

Коваль присел, цепким взглядом прошелся по нему и тут же спрятался за маской безразличия.

«Тертый калач, такого на мякине не проведешь. Что у тебя за душой, так сразу и не узнаешь. Мусолить с тобой анкету и автобиографию — только терять время. Больше того, что написал, вряд ли скажет. Надо качать на прямых, колючих вопросах, вот тогда ты раскроешься», — определился с тактикой беседы Петр и задал вопрос:

— Ну и как тут жизнь?

В глазах Ковалю прмелькнула тень, и он с вызовом ответил:

— А шо, по моей роже не заметно?

— Трудно сказать. Я не видел, какая она у тебя была при большевиках.

— Не жаловался.

— Выходит, хорошо жилось? — продолжал допытываться Петр и, не услышав ответа, спросил: — А новому порядку служить хочешь?

— Я-я? — опешил Коваль.

— Ну, не я же.

— Старостой в бараке, шоб потом в темном углу придушили?

— Нет, в абвере.

— Шпионом, что ли?

— Разведчиком.

— Шпион, разведчик — какая на хрен разница, когда на сук вздернут.

— Я, как видишь, живой. Две заброски — и ни одной царапины.

— Ушлый, выходит.

— Ты вроде тоже не соплежуй. Бегать не надоело? Третьего раза может и не быть.

— Заботу проявляешь?

— Предлагаю подумать. В лагере одна дорога — вперед ногами. А у тебя — так точно.

— Это мы еще посмотрим, кто вперед. Под Сталинградом вам всыпали, так что... — зло бросил Коваль и осекся. В его глазах промелькнул испуг.

Это не укрылось от Петра. «Да, Иван, ты тоже не железный. Все хотят выжить, и ты тоже, даже в этой живодерне. Но в шпионы не рвешься. Про сук правильно сказал. Как говорится, сколько шпионской веревочке не виться, все равно конец будет. Остался в тебе наш, советский, стержень. Такой мне в абверовском зверинце и нужен. Как только тебя убедить в него податься? Ты не трус, но помереть в штрафном боксе или быть

растерзанным собаками никто не хочет. Убедить, что в лагере ты обречен, а значит, абвер для тебя — единственный шанс».

Бросив на Ковалю испытующий взгляд, он взял со стола его карточку, потряс в воздухе и спросил:

— Видишь это?

— Ну.

— Вот красный уголок?

— И что с того?

— По красноте проходишь.

— Что значит — по красноте?

— Больно дерзкий. Порядок нарушаешь. За что избил Сычева?

— За то, что крыса. Сука, последнее у доходяг таскал! — с ожесточением произнес Коваль.

Петр оживился — даже в лагере Иван не оскотинился, пытался постоять за слабого, и запустил первый пробный шар:

— Оно, конечно, сволочей надо давить, но с умом.

У Ковалю брови полезли на лоб. Чего-чего, но такого от абверовца он никак не ожидал и пробормотал:

— Што-то я не пойму, куда ты клонишь.

— Этим своим упрямством, ты мало чего добьешься, только сильнее себе петлю на шею затянешь, — продолжил Петр.

— Так что мне теперь им задницу лизать?

— Это тебе самому решать.

— Вот уж хрен. Мы еще посмотрим, кто раньше сдохнет, — упрямо твердил Коваль.

— Не хорохорься, Иван. Здесь, — Петр снова потряс его карточкой, — столько написано, что долго не протянешь. Абвер — твой последний шанс. Если дураком не будешь, то не пропадешь.

Последние фразы заставили задуматься Ковалю. Он заерзал на табуретке и, избегая взгляда Петра, пробормотал:

— Так што от меня надо?

— Пока согласие на службу в абвере, — не стал углубляться в тему Петр, придвинул бланк подписки о сотрудничестве и предложил: — Прочитай и распишись.

Иван подсел к столу и склонился над документом. Его содержание вызвало болезненную гримасу на лице. Минуту-другую в нем шла мучительная борьба. Петр с нетерпением ждал, чем она закончится, и, когда Коваль потянулся к ручке, с облегчением вздохнул. Макнув ее в чернильницу, Иван чужим голосом спросил:

— Где писать?

Петр подался к нему и подсказал:

— Видишь в самом низу прочерк?

— Ну.

— Там поставь свою фамилию и распишись.

Коваль, заполнив прочерк, поднял голову и вопросительно посмотрел на Петра.

— Еще ниже, где кавычки, впиши псевдоним — любую фамилию или имя.

— Кличку, что ли?

— Клички у жуликов и собак, а ты будешь разведчиком.

— Разведчик? Хрен редьки не слаще, — буркнул Коваль и, написав псевдоним, возвратил подписку Петру.

Он положил подписку в папку. Иван проводил ее тоскливым взглядом.

— Не переживай. Бумага, она, как говорится, все стерпит, но не все определяет, остальное от тебя зависит, — многозначительно заметил Петр и, завершая разговор, посоветовал: — Пока наш шеф договорится с комендантом о твоём переводе — дня два-три уйдет, поэтому на рожон не при; лучше выждать, пользы будет больше.

Коваль ничего не ответил, поднялся с табуретки и спросил:

— Я могу идти?

— Да, — отпустил Петр и вытащил из стопы следующую карточку военнопленного.

Из 143 человек он отобрал 21 кандидата в агенты абвера. Беседы с ними затянулись допоздна. Остановил их Бокк. Ему надоела рутинная работа. Остальные инструкторы к этому времени уже томились от безделья.

В группу вербовщики возвратились, когда ужин подходил к концу. Петр не пошел в столовую — чувствовал себя неважно — и отправился в общежитие; не раздеваясь, рухнул на кровать и попытался забыться. Но лагерь военнопленных не выходил из памяти. В ней, как в калейдоскопе, вертелись измученные лица пленных и предателей, согласившихся на сотрудничество с абвером. Он не осуждал их. Война на свой лад безжалостно кроила судьбы командиров и рядовых, партийных и беспартийных.

Следующий день не принес Петру облегчения. Штайн все ту же закручивал гайки: отменил все увольнения, а воскресенья сделал рабочим днем. Среди инструкторов нарастал ропот; трое написали рапорта о переводе в полицию. Это его не остановило. Обстановка на фронте серьезно осложнилась. Командование вермахта требовало от абвера информации и еще раз информации.

Войска Северо-Кавказского и Закавказского фронтов с двух стратегических направлений — с Кубани и предгорья Северного Кавказа — наносили удары по группе армий «А» фельдмаршала Клейста. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление, но не устояли под напором советских войск и начали отступление. Надежде Гитлера добраться до вожделенной грозненской и бакинской нефти не суждено было сбыться.

К 24 января 1-я танковая, 17-я сухопутная немецкие армии и входящие в их состав румынские и словацкие дивизии, понеся в боях тяжелые потери, оставили Ставрополь, Сальск и заняли оборонительные рубежи по линии Белая Глина — Армавир — Лабинская.

В этих условиях Штайн вынужден был до минимума свести подготовку разведывательно-диверсионных групп и, не считаясь с потерями, пачками забрасывал их за линию фронта. Гемприха в Запорожье, а тем более Берлин, мало интересовали судьбы десятков бесследно сгинувших агентов. От Штайна требовали только одного: добыть информацию о том, на каких направлениях и какими силами русские нанесут очередной удар. Поэтому он не сидел на месте, а сутками мотался по пунктам заброски и лично контролировал отправку диверсантов и шпионов.

В те суматошные и напряженные январские дни сорок третьего почти все командование группы пропадало на пунктах заброски и приема агентуры. Оберлейтенант Краузе, оставшийся за Штайна, тоже не давал покоя никому и потребовал, чтобы Петр и Шевченко немедленно обеспечили переброску за линию фронта двух групп диверсантов. Полдня у них ушло на сборы, и с наступлением темноты, чтобы не попасть под бомбежку советской авиации, они выехали в сторону станицы Афипской. Там их ждали фельдфебель Бокк и инструктор Коляда; дальнейший путь до пункта переброски им пришлось продолжать пешком.

Затерявшийся в предгорьях казацкий хуторок стал последней точкой маршрута. От него до линии фронта было рукой подать. Война обошла хуторок стороной. Все, что не смогли унести с собой хозяева, сохранилось в целостности и сохранности.

Выставив часовых, Бокк распорядился, чтобы диверсанты заняли здание бывшей конторы отделения плодосовхоза, а сам с инструкторами расположился в хате. Коляда, накануне принимавший группу агентов, возвратившуюся из разведки, хорошо знал, где и что находится на хуторе. Несмотря на кромешную темноту, быстро нашел поленицу дров, вместе с Петром натаскал их в хату и растопил печку. Шевченко тоже времени даром не терял — пошарил по полкам, обнаружил чайник и сбегал за водой к колодцу.

Сухие дрова быстро разгорелись. Пламя уробно загудело в печной трубе. Отблески огня падали на их лица, посиневшие от холода, и плясали в окне. Бокк, опасаясь пули русского снайпера, велел завесить его плащ-накидкой. Прошло немного времени, и сырость, которой пропитались стены, отступила. Весело зашумевший чайник поднял настроение. Не сговариваясь, они сняли сапоги, развесили на веревке промокшие портянки и собрались за столом. Из рюкзаков достали галеты, банки тушенки и кружки. Шевченко добавил к ним фляжку со спиртом, сало и, обратившись к Бокку, спросил:

— Лечиться будем, господин фельдфебель?

— Надо бы, по такой погоде можно запросто воспаление легких подхватить, — поддержал его Коляда.

Бокк шмыгнул носом, ничего не ответил и придвинул кружку. Шевченко разлил спирт и вопросительно посмотрел на фельдфебеля. Тот плеснул в нее воды из чайника и произнес:

— За успех операции!

— За успех! — присоединились к нему инструкторы.

Петр выпил одним махом. Обжигающий огонь опалил рот и гортань. Спеша погасить его, он запил водой и закусил тушенкой. Мелкая дрожь, сотрясавшая тело, быстро прошла; приятное тепло разлилось от груди к животу, а в голове зашумело. Бокку не помогла и вода, он зашелся в кашле. По его щекам катились слезы, а с губ сорвалось:

— О, русский шнапс...

— Господин фельдфебель, надо ще трохи выпить и пройдет, — предложил Коляда.

— Нет-нет! — тот в ужасе замахал руками.

— А если под хорошую закуску? — Шевченко не терял надежды еще выпить и, не дожидаясь ответа, принялся кромсать тесаком шмат сала и резать на куски хлеб; потом все это сложил на сковороду и поставил на печку.

Прошла минута-другая — и сало аппетитно зашкварчало, а в воздухе разлился душистый запах хлеба. Бокк не устоял и под такую закуску разрешил выпить. После ужина он отправился проверять пост и готовность диверсантов к выходу на маршруты.

Не успела захлопнуться за ним дверь, как Шевченко потянулся к фляжке и поторопил:

— Хлопцы, давайте еще по одной!

— Только трохе, — предостерег Коляда.

— Ты шо, Василь, немчура какая-то?

— Лишний раз с Бокком связываться... Сам знаешь — себе дороже.

— Да ладно тебе, — Шевченко щедрой рукой разлил спирт по кружкам и спросил: — За что пьем, хлопцы?

— Давай за нас, Трофим, — предложил Петр.

— Конечно! Не за немчуру же эту, — поддержал Шевченко.

Выпив, он потянулся к рюкзаку и принялся выкладывать на стол его содержимое. Перед глазами Петра и Коляды промелькнула папка. Из нее выпал ворох бумаг. Среди них находились красноармейские книжки, командировочные предписания на диверсантов и полный список с их подлинными именами и фамилиями. Шевченко отгреб документы в сторону, извлек со дна рюкзака бумажный кулек и, потрясая им, воскликнул:

— Вот вам подарок!

— А что там? — заинтересовался Петр.

— Смотрите, хлопцы, только язык не проглотите, — продолжал говорить загадками Шевченко и тряхнул кулек.

На стол вывалился деликатес — кружок домашней кровяной колбасы, заправленной мелкими кусочками обжаренного мяса.

— Ну, ты даешь, Трофим! О цэ подарок! — восхитился Коляда.

Шевченко, довольный произведенным эффектом, поторопил:

— Давайте, хлопцы, ще по одной, пока Бокк не появился. Петро, поработай разводящим.

— А-а? Чего? — переспросил Петр. Его внимание приковала папка с документами на диверсантов. Крутились мысли, как использовать ситуацию, чтобы сорвать заброску диверсантов. Пьянка давала такой шанс.

— Петь, ты што? Наливай. Жрать хочется, — толкнул его Коляда.

Петр разлил спирт по кружкам, они выпили, а затем набросились на колбасу. Шевченко кусал большими кусками, торопливо глотал и косился на дверь. Бокк задерживался. По предложению Петра троица махнула еще по кружке спирта. Для Шевченко она стала последней. Его язык начал заплетаться. Собрав остатки сил, он запихнул документы диверсантов в рюкзак, допелся до печки и улегся спать прямо на полу. Вскоре к нему присоединился Коляда. Петр приткнулся рядом с Шевченко и принялся подбираться к рюкзаку. Надсадный кашель за дверью заставил его отшатнуться — возвратился Бокк.

— Как обстановка, господин фельдфебель? — поинтересовался Петр.

— Тихо.

— Чай будете? В чайнике остался кипяток.

— Нет. Хочу спать. Чертовски устал.

— Ложитесь ближе к печке; она всю хворь прогонит, — предложил Петр и, освобождая место, еще плотнее придвинулся к Шевченко.

Тот что-то пробормотал, но так и не проснулся. Бокк, швырнув на пол шинель, лег спиной к печке. Не прошло и минуты, как его могучий храп заглушил другие звуки.

Петр выждал и начал действовать. Запустил руку в рюкзак, пальцы нащупали что-то мягкое; это запасливый Шевченко

прихватил пару нательного белья. Под ней оказалось то, что он искал — папка с документами. Теперь, когда она была в его руках, предстояло сделать самое трудное — выбраться из хаты и остаться незамеченным часовым. Благо пол был земляной и не скрипел под сапогами. Проскользнув к выходу, он открыл дверь и выглянул наружу. Часового поблизости не оказалось; его шаги доносились со стороны сада. Воспользовавшись моментом, Петр шмыгнул за угол хаты и принялся по ходу разбрасывать красноармейские книжки. А дальше фантазия подсказала ему еще одну убедительную деталь — кучка фекалий и испачканный в них список диверсантов должны были послужить убедительным доказательством того, что перепивший Шевченко не ведал, что творил. В хату Петр возвратился никем не замеченный. Дружный храп продолжал сотрясать стены. Заснул он с мыслью: «Должно сработать».

Разбудил Петра истошный вопль:

— Встать, сволочи!

Он открыл глаза. В тусклом свете керосиновой лампы перед ним бесновался размытый силуэт.

— Встать! Я кому сказал! — надрывался фельдфебель.

Петр, вслед за ним Коляда с трудом поднялись и, сонно хлопая глазами, усталились на Бокка. Попытка Шевченко подняться, не удалась. Ноги его не слушались, и он снова повалился на пол.

— Встать, грязная свинья! — взвился Бокк и пнул его сапогом в бок.

Шевченко хэкнул, но по-прежнему остался лежать.

— Петренко! Коляда! Поднять мерзавца!

Они подхватили Шевченко под руки и, поддерживая под спину, поставили на ноги. Покачиваясь, он осоловевшими глазами тарачился на фельдфебеля. Тот, тыча ему в лицо изгаженным списком диверсантов, сорвался на визг:

— Это что такое, мерзавец? Что?

— Э-э, б-бу-мага, — мычал Шевченко.

— Бумага?! Засранец, все обосрал! Стною!

Угрозы и сам вид Бокка наконец проняли Шевченко. Он испуганно захлопал глазами и, как рыба, выброшенная на берег, хватал воздух распахнутым ртом. Не меньше его перетрусил Коляда. Он понял, что обгадившийся с головы до ног Шевченко, втоптал в это дерьмо и его. Петр мялся с ноги на ногу и угрюмо молчал. Не добившись ответа от Шевченко, фельдфебель обрушился на них:

— А вы чего молчите?

— Я спал, — пробубнил Петр.

— Я тоже, — промямлил Коляда.

— А ты, скотина, что скажешь? — Бокк схватил Шевченко за грудки.

В замутненном сознании того наступил просвет. Запинаясь, он спросил:

— И-и чи-то случилось, господин фельдфебель?

Это еще больше взбесило Бокка. Он уже не контролировал себя и со всего маху заехал в зубы Шевченко. Тот отлетел к стене и студнем расплылся по полу. Петр и Коляда отшатнулись в стороны. Бокк ожег их испепеляющим взглядом и с презрением бросил:

— Швайн! — Затем рывкнул: — Всем на улицу! Искать документы!

Наступая друг другу на пятки, инструкторы повалили из хаты. По двору бродили диверсанты и внимательно осматривали каждый клочок земли. Поиски продолжались около часа. Закончились они у кучки дерьма с плачевным результатом: одну красноармейскую книжку — радиста диверсионной группы — найти не удалось.

Попытки Бокка добиться от Шевченко вразумительного ответа, где он мог еще болтаться, ни к чему не привели. Раздавленный происшествием и униженный зуботычинами Бокка Шевченко забился в угол хаты и оттуда постреливал затравленным взглядом. Обгаженный список диверсантов и утерянная

красноармейская книжка ставили жирный крест не только на его службе в абвере, а, возможно, и жизни. Операция по переброске группы диверсантов за линию фронта, не начавшись, закончилась самым скандальным образом. Бокку ничего другого не оставалось, как дать команду на возвращение всей группы в Краснодар.

Их появление в штабе вызвало ярость и гнев Штайна — Шевченко, Коляду и Петра посадили под замок в холодную. Затем в течение следующего дня Райхдихт проводил с ними перекрестные допросы и очные ставки, но так и не добился ясности, что же на самом деле произошло на хуторе. Очевидным было только одно — в ту ночь инструкторы напились до поросьячьего визга. Их отговорки, что они промокли до нитки и, чтобы не заболеть, согрелись спиртным, уже не могли исправить дела — группа диверсантов была расшифрована.

Продержав виновников происшествия два дня под арестом, Штайн принял решение: Шевченко отчислить из абвера, а Петра и Коляду лишить всех денежных вознаграждений. Но одним этим он не ограничился и издал приказ, категорически запрещавший инструкторам при сопровождении агентов на задание брать с собой спиртное. После этого жизнь группы опять возвратилась в рабочее русло, но ненадолго.

Обстановка на фронте резко обострилась. Войска Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, перегруппировав силы, возобновили наступление на Кубани. Попытки 1-й танковой армии вермахта нанести контрудар не увенчались успехом. Перемолов ее в своих жерновах, передовые части 46-й и 37-й армий выбили гитлеровцев из Кропоткина, Тихорецка и к 6 февраля вышли на рубеж Усть-Лабинск — Бриньковская. Раскаты тяжелой артиллерии были отчетливо слышны в Краснодаре и служили грозным предупреждением для оккупантов.

В штабе генерала Бутлара лихорадочно готовились к обороне города и требовали от Штайна информации о всех пере-

мещениях и резервах советских войск. В этой обстановке он заставлял инструкторов-вербовщиков выгребать из лагерей военнопленных всех мало-мальски пригодных для выполнения заданий. О качестве подбора и подготовки шпионов и диверсантов уже не шло и речи. Обучение занимало три-четыре дня и сводилось к простому натаскиванию. После чего их пачками забрасывали за линию фронта.

При этом абвергруппа-102 несла огромные потери, но это не останавливало Штайна. Те, кто выживал и возвращался с разведывательной информацией, компенсировали издержки — в штабе Бутлара оценивали ее на вес золота. Это еще больше подстегивало Штайна. Стремясь поскорее избавиться от унижительной приставки «исполняющий обязанности», он не жалел ни себя, ни других.

В те дни Петру и Самутину приходилось трудиться, не разгибаясь. Они сутками не покидали кабинеты, оформляя документы на шпионов и диверсантов. Дополнительно их работу усложняли советские комендатуры, которые еженедельно вносили специальные пометки и изменяли формы командировочных предписаний красноармейцев и командиров, чтобы затруднить действия вражеских агентов. Петру по несколько раз в день приходилось мотаться в типографию и заказывать новые бланки.

Во время очередного посещения типографии ее начальник Николай Бойко, обычно приветливый, встретил Петра холодно, если ни сказать, враждебно. Осунувшееся лицо Николая Пантелеевича не располагало к разговору. Кивнув головой, он не пригласил Петра к себе в кабинет и позвал наборщика. Это задело Петра, и он не удержался от упрека:

— Пантелеич, ты чего на меня волком смотришь?

— А как еще? — с ожесточением произнес Бойко.

— Я что, у тебя что-то украл? Понимаю, достали тебя со своими бланками, но это же не моя прихоть.

— Давай, что там еще? — не стал объяснять причину своего поведения Бойко.

— Нет, погоди, Пантелеич. Так дело не пойдет. Мы же договаривались...

— Договаривались? Вот вы где у меня сидите! — взорвался Бойко и рубанул себя рукой по горлу.

— Пантелеич, ты чего? Какая муха тебя укусила? — опешил Петр, такая резкая реакция Бойко его обескуражила.

Повода для конфликта он не давал. Более того, в последнее время у них сложились добрые отношения. Жена Бойко была больна туберкулезом, и он помогал ему с лекарствами. Тот тоже не оставался в долгу и, несмотря на скромное жалованье, взамен предлагал то курицу, то кролика и отказывался брать за них деньги. Петр, с укором посмотрев на Бойко, не удержался от упрека:

— Зря ты так, Пантелеич.

Тот съежился и тихо сказал:

— Извини, Петр Иванович, плохо мне.

— А что так? — смягчил тон Петр.

— Горе в семье.

— Какое?

— Сына в гестапо забрали.

— Когда?!

— Ночью.

— За что?

— Не знаю.

— Может, случайно? Разберутся и отпустят.

— О чем ты говоришь, Петр Иванович? Оттуда сам знаешь, как выходят, — махнул рукой Бойко, и на его глазах навернулись слезы.

— Да погоди ты его хоронить, может все обойдется.

— Ага, обойдется, одна надежда — на наших... — Бойко осекся и нервно затеребил пояс.

Петр сделал вид, что пропустил последнюю фразу мимо ушей, и свернул тему разговора, большую для Бойко. Он достал из папки бланки и попросил:

— Пантелеич, это надо срочно сделать.

Бойко безучастно смотрел на бланки.

— Пантелеич, ты меня слышишь? Срочно!

Бойко кивнул.

— Завтра заеду. А ты, Пантелеич, держись, — как мог, утешил его Петр и отправился в группу, но так и не добрался до кабинета.

Дежурный по группе перехватил его в коридоре и направил к Райхдихту. Тот поставил ему новую задачу — выехать в полевой лагерь и разобраться с конфликтом в группе Завадского. Разбирательство затянулось до глубокого вечера. В Краснодар Петр возвратился незадолго до отбоя, но докладывать было некому. Райхдихт срочно выехал в пункт заброски в Афипскую, а Штайн задержался в Крымской. На следующее утро им было уже не до приема доклада Петра.

9 февраля 1943 года 37-я армия Северо-Кавказского фронта, сокрушив оборону гитлеровцев под станицей Ладожской, начала охват Краснодара с северо-востока. Не менее успешно с востока к столице Кубани продвигались части 46-й армии. С юга им оказывала содействие 18-я армия Закавказского фронта. К исходу дня 11 февраля передовые группы 40-й мотострелковой бригады под командованием генерал-майора Цепляева и 31-й стрелковой дивизии полковника Богдановича вышли на подступы к Краснодару.

Генералы Бутлар и Пикерт бросили против них последние резервы. Но они уже ничего не решали. Падение Краснодара было даже не вопросом дней, а часов. Это становилось очевидным и для Штайна. Он пытался связаться с Гемприхом и получить разрешение на передислокацию группы в запасной район — в станицу Крымскую. Связь с Запорожьем отсутствовала, и он на свой страх и риск принял решение об эвакуации из

Краснодара. Под грохот артиллерийской канонады и разрывы авиационных бомб Штайн довел до личного состава группы приказ о передислокации в станицу Крымскую и распорядился приступить к его выполнению немедленно.

Эвакуация группы походила, скорее, на паническое бегство. Петр вместе с Самутиным поспешно паковали картотеку на курсантов, агентов и передавали заместителю Штайна — оберлейтенанту Краузе. Вместе с картотексой в отдельные металлические ящики складывались отчеты разведывательно-диверсионных групп. Все это им предстояло вывезти подальше от линии фронта и не допустить, чтобы архив попал в руки советской военной контрразведки. К обеду они были готовы к отправке и ждали команды на погрузку, но ее не поступало. Штайн находился в штабе генерала Бутлара и выбивал транспорт для перевозки личного состава и документации в Крымскую.

Петр, оставшись один в кабинете, вскрыл тайник с материалами и искал взглядом, во что бы их спрятать. На глаза попала шинель. «Зашить под подкладку, — мелькнула было мысль, и тут его осенило: — Так близко к своим, как сегодня, ты еще не был. Всего несколько километров — и у них!»

Но в следующее мгновение его охватили горечь и досада. Бесперспективность и наивность этого порыва были очевидны.

«Но надо же что-то делать, — не хотел он с этим примириться. — А что, если... Нет, это невозможно! Ну почему? Бойко порядочный человек. Порядочный? Начальник типографии у фрицев?.. И что? Ты его не первый день знаешь. А если откажется?.. Возьмет, куда денется. Придут наши, и твои документы станут для него индульгенцией. А вдруг выдаст? Не должен, сына он им не простит. Все, другого варианта нет!» — решил Петр и, спрятав материал в папье-маше, бросился к выходу.

Отправляясь к Бойко, он опасался только одного — как бы не разминуться с ним. Несмотря на то что советские войска вплотную подошли к Краснодару, а их артиллерия подвергала постоянному обстрелу северо-восточные окраины, в городе все

еще действовали комендантские патрули. Задержки для проверки документов делали затею Петра все более рискованной. Затянувшаяся отлучка из группы могла вызвать подозрение у Райхдихта, но для него он придумал отговорку — надо было забрать бланки документов, оставшиеся в типографии.

Знакомая повозка во дворе типографии рассеяла опасения Петра, что Бойко не окажется на месте. Его голос доносился из подвала. Вместе с рабочими он стаскивал туда печатное оборудование. Внезапное появление Петра вызвало у него неподдельное удивление.

— Здравствуй, Пантелеич, — приветствовал его Петр и, не давая опомниться, потребовал: — Пройдем к тебе, есть серьезный разговор.

Бойко безропотно подчинился. Они поднялись к нему в кабинет. Петр плотно прикрыл дверь, затем достал из кармана шинели папье-маше и, положив на стол, попросил:

— Пантелеич, возьми это и спрячь!

— Это? А зачем? — недоумевал Бойко.

— В нем лежат важные документы, — пояснил Петр.

Недоумение Бойко переросло в изумление. Он уже ничего не понимал и растерянно пробормотал:

— Какие документы? Для кого?

— Для нашей контрразведки, — прямо заявил Петр.

— Ка-кой?!

— Нашей, советской, — подтвердил Петр.

— Советской?! — повторил Бойко, и его глаза округлились.

— Тише, Пантелеич! Так передашь?

— Ты... ты разведчик?

— Это не важно. Сделай, что прошу. Не сегодня, так завтра наши будут в городе. Найди начальника военной контрразведки, передай ему документы и скажи, что Гальченко ждет связи. Запомни, Гальченко!

Тут уже Бойко вовсе потерял голову и беззвучно шлепал губами.

— Так ты понял, Пантелеич? — тормозил его Петр.

Лицо Бойко дрогнуло, из глаз покатались слезы, а с его губ срывалось:

— Свой! Свой!

— Свой, — подтвердил Петр и, крепко обняв его, потребовал: — Пантелеич, кровь из носа, но передай документы нашим!

— Передам, — заверил Бойко и срывающимся голосом спросил: — А... а... как ты, Петя?

— Я — к фрицам. Они же без меня жить не могут, — попытался шутить Петр, но на его лице вместо улыбки вышла гримаса.

— Зачем? Оставайся!

— Надо, Пантелеич. Будем живы — не помрем. До встречи, — закончил разговор Петр и, крепко пожав руку Бойко, стремительным шагом спустился по лестнице и вышел во двор. Грохот артиллерийской канонады оглушил его. Советские войска начали генеральный штурм Краснодара.

Спустя неделю, 17 февраля 1943 года, добытые Петром разведанные и материалы на четырнадцать гитлеровских агентов, заброшенных в тыл Красной армии, стали достоянием военных контрразведчиков Северо-Кавказского фронта. Сам же разведчик, вернувшись в расположение группы, продолжил свою смертельную схватку с врагом.

11 февраля стало последним днем пребывания гитлеровцев в Краснодаре. Зарево бушевавших в городе пожаров превратило чернильную ночь в день. Части 37-й и 46-й армий вели непрерывные и яростные атаки на позиции гитлеровских и румынских войск на северо-восточных и восточных окраинах города. Ураганный огонь артиллерии сметал с лица земли целые кварталы глинобитных хат. Эскадрильи бомбардировщиков висели в воздухе и не давали пехоте генералов Бутлара и Пикерта высунуть головы из окопов.

Танковые батальоны и штурмовые роты 40-й мотострелковой бригады и 37-й стрелковой дивизии, несмотря на отчаянное

сопротивление противника, продолжали вести наступление и метр за метром вгрызались в его оборону. К полночи накал боев достиг апогея. Порой казалось, что земля и воздух пропитались смрадным запахом смерти, а город напоминал собой огромный адский котел, в котором безжалостно сгорали тысячи человеческих жизней.

К рассвету 12 февраля организованное сопротивление фашистских войск было окончательно сломлено. Лишь на отдельных участках отборные эсэсовские части продолжали отчаянно защищаться, но это уже не могло остановить наступления советских войск. Танки прорвались в город и при поддержке пехоты стремительно продвигались к центру. К полудню северо-восточные окраины и главная улица Краснодара — Красная перешли под полный контроль штурмовых подразделений генерал-майора Цепляева, а передовые разведывательные группы сумели пробиться на правый берег Кубани и захватить плацдарм. И только в районе железнодорожного вокзала, маслозавода и в карьерах у правой протоки гитлеровцы продолжали удерживать позиции, но к ночи все было кончено. Отступление противника превратилось в паническое бегство.

У понтонной переправы через Кубань сгрудились сотни машин, повозок и тысячи обезумевших от страха людей. Они, сметая на своем пути редкие кордоны военных комендатур и тайной полевой полиции, рвались на левый, спасительный берег реки. Расстрелы паникеров и отчаянные призывы командиров не в силах были остановить эту ревущую, визжащую и умоляющую человеческую реку.

Толпы охваченных ужасом и отчаянием солдат и офицеров, спасаясь от гусениц советских танков, штурмом брали переправу, плоты и лодки, вышвыривая в ледяную воду раненых и слабых. Превратившаяся после половодья в дикого зверя Кубань закручивала в ревущих бурунах людей, лошадей и повозки, чтобы потом выплеснуть на берега. Зловонная лента из вздув-

шихся человеческих трупов и трупов животных на несколько километров протянулась по песчаной отмели от взорванного железного моста до Большого острова.

Краснодар перешел под полный контроль частей Красной армии. Впервые за последние дни над его развалинами и бескрайней кубанской степью установилась та особенная, зыбкая военная тишина. В садах пригорода — станицы Пашковской, у прудов Карасуна и в зарослях ивняка над рекой сначала робко, а затем все увереннее загомонили птицы. Слабый порыв ветра печально прошелестел в прошлогодних джунглях из высохшего камыша и принес из степи запах перепревшей полыни. Предрассветный полумрак сгустился, и мрачная громада далеких гор, деревья и кустарник утратили привычные очертания, но через мгновение они расцвели живыми и сочными красками. Огненно-яркий диск восходящего солнца медленно поднимался над горизонтом. Его лучи с трудом пробивались сквозь плотный туман, клубившийся над рекой и затонами, едкую гарь, что зловещими черными языками колыхалась над развалинами города.

Штайн остановившимся взглядом смотрел на эту ненавистную русскую реку и в душе благодарил Бога, что успел унести ноги из того ада, что бушевал за ней. Зябко поведя плечами, он нырнуть в кабину «опеля». Вслед за ним инструкторы и агенты-курсанты поспешили занять места в машинах, и колонна, извиваясь словно змея, медленно поползла по горной дороге к новому месту назначения — станице Крымской.

На ее окраине, в заброшенных корпусах консервного завода, разместился штаб группы. Штайн вместе с Райхдихтом, лейтенантом Рейхером, радистом Куном и русскими инструкторами Самутиным и Петренко в пожарном порядке занялись ее обустройством. Другой его заместитель, оберлейтенант Краузе, с архивом и картотекой на агентуру осел в приморском городке Темрюке, подальше от фронта и спецгрупп военной контрразведки русских.

Ефрейтор Шойрих остался в соседней станице Абинской, чтобы подготовить пункт переброски агентуры за линию фронта и оборудовать учебный полигон для обкатки курсантов на бывшем кирпичном заводе.

Глава 11

С приближением рассвета беспорядочная артиллерийская перестрелка стихла, и на передовой ненадолго установилась зыбкая тишина. Размытая тень гор, безмятежно покоившаяся на бескрайней морской глади, пришла в движение. Ее острые зубцы угрожающе зашатались, через миг у кромки горизонта вспыхнула и тут же погасла ослепительно-яркая полоска света. Робкий солнечный луч разорвал предрассветный полумрак и тысячами зарниц отразился на ледниках горы Агой. Ночная мгла отступила, поспешив спрятаться на дне бездонных ущелий. Вялое февральское солнце нехотя выплывало из-за скал и, вскарабкавшись на склон горы и стряхнув с себя остатки утренней дремы, покатилося по иссиня-холодному небосклону.

День уверенно вступил в свои права. В лучах солнца, набравшего силу, брильянтовыми россыпями запылал девственно-чистый снег. На южных склонах гор черной паутиной проступили оттаявшие тропы, и по ним, весело журча, бурные ручьи устремились в долины.

Здесь же, у перевала, среди хрупкого белого безмолвия безраздельно властвовала смерть. О себе она напоминала уродливыми язвами воронок от разрывов мин и снарядов, серыми рубцами окопов и ходов сообщений, ржавой паутиной колючей проволоки. На ней мучительно изгибались бездыханные тела русских и немецких солдат. Они словно рвались вперед с этого убийственного рубежа, чтобы завершить последнюю атаку.

На крохотном пяточке у подножия перевала в последнюю неделю в яростной рукопашной схватке дважды сходились горные стрелки из батальонов «Эдельвейс» и бойцы дивизии

особого назначения НКВД. Последний бой произошел накануне, а затем на передовой ненадолго воцарилась непривычная тишина. Окопы будто вымерли, и только в глубине тыловых порядков из-под деревьев пробивались еле заметные сиреневые дымы походных кухонь, а на ветру слабо потрескивало болтавшееся на веревках замерзшее нательное белье. Лишь изредка зловещее безмолвие нарушал звук одиночного выстрела снайпера, и раскатистое эхо вновь безжалостно напоминало о смерти, затаившейся среди равнодушных скал.

В те критические дни схватки за Кубань туапсинский нефтяной терминал работал без перебоев. Эшелоны с бакинской нефтью шли днем и ночью — нефтью, которой так не хватало бронированному фашистскому зверинцу, рвавшемуся с поводка, чтобы расквитаться за унижительную капитуляцию под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Ее вожделенный запах сводил Гитлера с ума.

Русские вплотную приблизились к Ростову. Грозный рев их тяжелой артиллерии был слышен в центре города. Армии группы «Дон» едва сдерживали усиливающийся натиск дивизий Южного фронта напористого генерал-полковника Еременко. В случае захвата его частями этого стратегически важного оборонительного узла возникала реальная угроза окружения группировки войск фельдмаршала Клейста на Кубани. Там положение гитлеровских войск было и того хуже. «Русский коток», подминая под себя одну дивизию за другой, грозил сбросить ее в море. Поэтому Клейст при каждом докладе в Ставку просил Гитлера только об одном — о топливе: бензине, солярке и керосине, чтобы заправить баки самолетов, танков, автотранспорта, кораблей и отбиться от атак русских.

В Берлине, как могли, жали на союзника — маршала Антонеску. В Бухаресте делали все возможное и невозможное, чтобы помочь Клейсту избежать катастрофы и одновременно сохранить собственные дивизии, завязшие в боях на, казалось бы, непреступной для большевиков «Голубой линии». Но

советские подводные лодки, рыскавшие у берегов Румынии и Болгарии, продолжали топить танкеры с румынской нефтью.

К концу февраля «железная армада» вермахта на Кубани уже задыхалась от недостатка топлива. Гитлер рвал и метал, требуя от Геринга стереть с лица земли нефтетерминалы в Баку, Потти и Туапсе. Тот бросил на Кавказ лучших своих асов, но и они оказались бессильны. Налеты обернулись чудовищными потерями среди люфтваффе. Гитлер пришел в бешенство. Раздавленный, униженный Геринг в свое оправдание ничего вразумительного сказать не мог и с позором покинул Ставку.

Вызванный после него шеф абвера адмирал Канарис поднял дух Гитлера. В предложениях он был, как всегда, осторожен, но оптимистичен, и оценил задачу проведения диверсий на нефтяных терминалах в Туапсе, Потти и Батуми как крайне сложную, но выполнимую диверсантами из специального батальона «Бергман», укомплектованного выходцами с Северного Кавказа, и абвергруппы-102, до недавнего времени одного из наиболее боеспособных разведывательно-диверсионных подразделений.

Хитрый лис Канарис, в отличие от Геринга, не преминул, конечно, посетовать на возможные невосполнимые потери среди личного состава и колоссальные материальные затраты. Гитлер с этим не стал считаться. Война требовала и не таких жертв. Поэтому адмирал получил карт-бланш на проведение операции и неограниченные материальные средства. На ее выполнение подчиненным Канариса было отведено две недели. Накануне летней военной кампании на восточном фронте, в которой Гитлер намеревался взять реванш у советского вождя Сталина за сокрушительное поражение на Волге, жизни десятка лучших диверсантов и разведчиков рейха были вполне приемлемой ценой.

В тот же день из Берлина за подписью адмирала были направлены срочные шифровки командиру спецбатальона «Бергман» капитану Оберлендеру и исполняющему обязанности начальника абвергруппы-102 оберлейтенанту Штайну. Канарис

требовал от них в кратчайшие сроки обеспечить подготовку и переброску за линию фронта наиболее надежных и проверенных групп диверсантов для выполнения особой задачи на объектах «Д» в городах Туапсе, Поти и Батуми, а взамен сулил самые высокие награды из рук фюрера.

Связь в абвере пока еще работала без перебоев. И спустя короткое время, за две с половиной тысячи километров от Берлина, в далекой и мало кому известной кубанской станции Крымской, шифроаппарат выплюнул на стол дырявую, будто швейцарский сыр, бумажную ленту. Прошло еще полчаса, и полная расшифровка приказа адмирала лежала перед Бруно Штайном.

Он еще не успел как следует протереть глаза и тупо смотрел на листок бумаги. Шифровальщик переступил с ноги на ногу и застыл под его холодным, немигающим взглядом. На худом, непроницаемом лице Штайна трудно было прочесть какие-либо эмоции. Лишь в глубине водянистых глаз на мгновение вспыхнули и погасли желтые искорки, а тонкие и бескровные губы сжались в темную щель. Он провел по лицу ладонью, словно прогоняя остатки сна, и пододвинул к себе шифровку.

Перечитав ее дважды, Штайн не сдержался и чертыхнулся. До этого дня он с уважением относился к Канарису. За четыре года службы под его началом он не раз убеждался в незаурядных способностях адмирала как разведчика и поразительной дальновидности как руководителя. Операции, кажущиеся на первый взгляд рутинными, после его вмешательства получали самое неожиданное развитие и приносили блестящие результаты. Железный крест второй степени за разведывательную операцию под Моздоком, полученный Штайном из рук Канариса, являлся тому лишним подтверждением. Но в сложившейся обстановке, когда под натиском русских фронт на Северном Кавказе трещал по швам, и абвергруппа вместе с войсками Клейста не сегодня-завтра могли быть уничтожены, приказ Канариса был чистым безумием.

Шифровка взорвала Штайна. Он выскочил из-за стола и заметался по кабинету. В этой богом и чертом забытой казацкой станице Крымской, где временно разместился штаб группы, ему предстояло сделать за неделю то, что не удалось выполнить его предшественникам за все предыдущие месяцы. Четыре самые боеспособные и подготовленные группы агентов, направленные капитаном Гессом, а ранее подполковником Гопф-Гойером для совершения диверсий в Туапсе, Поти и Баку, канули как в воду. Последняя группа во главе с Загоруйко, на которую было потрачено столько сил и нервов, несколько дней назад бесследно исчезла в этих, ставших для Штайна ненавистных, горах.

«Идиоты! Безмозглые тупицы! Только из одной петли вылезли, так в другую толкают. О чем в Берлине думают?» — Штайн в душе проклинал адмирала, а вместе с ним и всех чиновников от разведки, отсиживавшихся в теплых кабинетах.

И было за что. Наступление большевиков развивалось столь стремительно, что он, не дожидаясь команды сверху, на свой страх и риск принял решение: пока не поздно вывезти всю группу из Краснодара. Ее эвакуация напоминала, скорее, паническое бегство — впопыхах забыли про трех лазутчиков-партизан, оставшихся в камерах, а на переправе через реку Кубань утопили машину связи.

Подобное самоуправство Штайна возмутило Гемприха. Он грозился прислать комиссию и провести служебное расследование. Но дальше слов дело не пошло — Краснодар перешел в руки большевиков. Штайн оказался прав, его оставили в покое, и он наконец смог заняться группой.

Неделя ушла на то, чтобы мало-мальски разобраться, кого и где разместить, а потом организовать работу. Вместе с Райхдихтом, лейтенантом Рейхером, фельдфебелем Бокком, радистом Куном и русскими инструкторами Самутиным и Петренко он в пожарном порядке занялся подготовкой разведывательно-диверсионных групп для заброски в тыл 47-й армии, под

Геленджик и Новороссийск. Теперь же после приказа Канариса работа с ними отходила на второй план.

Обойдя вокруг стола, Штайн снова склонился над шифровкой и перечитал последний абзац. Канарис не оставлял ему ни малейшей лазейки и требовал любой ценой выполнить свой приказ, обещая за это неслыханные награды и повышение по службе.

«Награды! Новая должность в штабе отдела Валли-2. Какой к черту штаб? Какая должность? Не сегодня, так завтра нас всех сметут в море», — в груди Штайна снова начал закипать гнев. Он вскинул голову и яростным взглядом окатил шифровальщика.

Ефрейтор вскочил по стойке «смирно», и на его сером от хронической бессонницы лице промелькнула болезненная гримаса.

— Лучше бы ты ее не приносил! — в сердцах бросил Штайн и отшвырнул от себя шифровку.

— Что поделаешь, господин оберлейтенант, — служба, — уныло ответил ефрейтор, забрал шифровку со стола, положил в красную папку и, тихо щелкнув каблуками давно нечищенных сапог, неловко повернулся кругом и скрылся за дверью.

Штайн какое-то время бездумно смотрел ему вслед. Львиный рык дежурного, поднявшего на зарядку курсантов группы, вывел его из ступора. Он тяжело поднялся со стула, рванул пуговицы на кителе и, швырнув его на диван, прошел в заднюю комнату. В ней комендант на скорую руку организовал нечто похожее на ванну. Вода в баке за ночь успела остыть, от нее отвратительно пахло чем-то, от чего к горлу подкатывал тошнотворный комок. Несмотря на то что рабочие команды брали воду в дальних от реки колодцах, запах разложившихся человеческих тел, десятки которых ежедневно приносила река с гор, казалось, пропитал не только воду, землю, но и воздух.

Штайн торопливо поставил на табуретку таз, открыл кран на баке и, не дожидаясь, когда тот наполнится, плеснул в воду

одеколон. Сполоснув лицо, он принялся сбривать жесткую, как проволока, щетину. Перед тем как отправиться на обход, обильно протер руки водкой, надел китель, а сверху набросил утепленный кожаный плащ.

В комнате дежурного по группе Штайн появился, как всегда, подтянутый и невозмутимый. Фельдфебель Бокк не заметил на лице начальника и тени той бури, что недавно бушевала в его душе. Выслушав доклад, педантичный Штайн на этот раз не сделал замечаний и не отдал каких-либо распоряжений, а сразу двинулся на выход. Бокк, предупреждая его появление, проскочил вперед, чтобы подать команду инструкторам и курсантам. Штайн остановил его и, не сходя со ступенек крыльца, мрачным взглядом прошелся по двору.

Перед ним находился весь личный состав учебных отделений, а точнее, то, что от них осталось. Десятки фигур, одетых в мундиры мышиного цвета, извивались, подобно червякам, и болтались на перекладинах, наспех сделанных из водопроводных труб. В глубине двора бежали и срывались с гимнастических бревен курсанты другого отделения. Третья, самая малочисленная группа сгрудилась вокруг инструктора и, повторяя его движения, метала ножи в силуэты красноармейцев, уродливо нарисованных на дверях склада.

Будущие диверсанты, террористы и шпионы, которых Райхдихт, Бокк, Петренко и Самутин нагребли в лагере военнопленных и завербовали из числа полицейских, бежавших из захваченных большевиками станиц правобережной Кубани, — это было все, чем располагал Штайн, чтобы выполнить приказ Канариса.

Брезгливая гримаса исказила лицо Штайна. Он с ненавистью и презрением смотрел на снующих по двору курсантов. Их неумелые, угловатые движения, резавшие его глаз — глаз профессионала, походили на выступления дешевого балагана. Все они — русские, грузины, армяне, черкесы — казались ему на одно лицо. Лицо дикого, коварного и мстительного азиата.

За полтора года работы на восточном фронте Штайн мог по пальцам перечесать те редкие случаи, когда из подобного сброда получалось что-то дельное, но это было полгода назад. После оглушительного поражения под Сталинградом подходящие экземпляры настоящих агентов-диверсантов попадались все реже.

Отрывистая команда лейтенанта Рейхера, ответственного за утренние занятия, смела курсантов с перекладин и бревна. Ножи перестали барабанить по дверям склада. Гудящая толпа сбилась в три кучки и, подчиняясь выкрикам инструкторов, начала строиться в неровные шеренги. Штайн уже не мог спокойно наблюдать за тем, что происходило перед ним.

— Швайн! — сорвалось с его губ.

Бокк дернулся, как от удара электрическим током, не зная, что и подумать; его непонимающий взгляд заметался между Штайном и плацем.

На плацу происходила суетливая толкотня курсантов и звучали отрывистые команды. Рейхер, не стесняясь в выражениях, распекал кого-то из инструкторов. И здесь Штайна вдруг охватило странное безразличие ко всему происходящему. Бокк неловко топтался на месте, ожидая дальнейших распоряжений. Но Штайн, ничего не сказав, развернулся и уже в дверях сказал:

— После завтрака вызвать ко мне оберлейтенанта Райхдихта, лейтенанта Рейхера, инструкторов Самутина, Коляду, Петренко.

— Есть! — ответил Бокк.

Он хорошо изучил нрав начальника и не стал задавать лишних вопросов. Сегодня тот явно встал не с той ноги, и потому услужливый фельдфебель не стал лезть с какой-либо инициативой, а поспешил исполнить приказание.

Штайн возвратился в кабинет и попытался сосредоточиться, но так и не смог собраться с мыслями — в голове была настоящая каша. Осторожный стук в дверь прервал его раз-

мышления. На пороге возник дежурный повар с подносом в руках. Штайн разрешил ему войти. Тот просеменил к столу, аккуратно расставил посуду с завтраком, тщательно протер полотенцем приборы и тихо удалился. Аппетитный запах, доносившийся из-под салфеток, на какое-то время отвлек Штайна от проблемы. Он тяжело опустился на стул, растегнул верхнюю пуговицу кителя и смахнул рукой салфетки с блюд.

Повар не ударил в грязь лицом и приготовил завтрак, как для настоящего гурмана. Бульон из домашней курицы и обжаренные на огне столь любимые Штайном потроха. В глиняном горшочке дымилось жаркое по-мюнхенски. В наполовину разрушенной и сожженной станице, которую в течение полугода нещадно грабили горе-союзники, эти мамалыжники-румыны, где, казалось, не осталось живого воробья, повар проявил чудеса находчивости и изобретательности. Забыв на время о шифровке Канариса, Штайн отдался во власть желудка.

К концу завтрака к нему возвратилось бодрое состояние. Злость и раздражение уступили место трезвому расчету. Он загорелся заданием. Масштабная и ответственная задача самого Канариса тешила самолюбие Штайна и будила в нем азарт. Диверсия в Туапсе — это был шанс вырваться наконец из русской мясорубки и перебраться в благополучную Варшаву, а может, и в Берлин.

Ровно в восемь тридцать, ни минутой позже, ни минутой раньше, в его кабинет вошли Райхдихт, Рейхер, Бокк, Самутин, Коляда и Петренко. Они, опытные профессионалы, каким-то особенным чутьем уловили, что предстоящее совещание не будет дежурным, и, скользя по Штайну испытующими взглядами, пытались прочесть по его лицу, что их ждет. Тот не стал толочь воду в ступе и сразу приступил к делу — довел содержание шифровки Канариса; и в глазах подчиненных прочел ответ — он был более чем красноречив. Они не хуже Штайна понимали, что значит при нынешней обстановке на фронте и состоянии группы выполнить подобный приказ.

Самоубийц среди них не было, и эмоции прорвались наружу.

— Крест, повышение и отпуск в фатерлянд? Шутники, однако, — мрачно произнес Райхдихт.

— Ну, почему же? Им из берлинских кабинетов виднее, — саркастически заметил Рейхер.

— На бумаге оно всегда гладко, — в тон ему сказал Бокк.

— Виднее — не виднее, от этого не легче. Задание выполнять не им, а нам, — констатировал Райхдихт.

— С кем? Остались одни идиоты! — в сердцах произнес Рейхер, и в его пудовом кулаке жалобно хрустнул коробок со спичками.

Петренко нервно заелозил на стуле, но сдержался и промолчал. Коляда насупился и принялся носком сапога растирать невидимый окурок.

— Господа, я вас пригласил не обсуждать приказ, а решать, как выполнять его! — резко оборвал ропот Штайн.

Разговоры прекратились, и Штайн продолжил:

— Задача действительно не из легких. Да, мы потеряли под Туапсе и Поти четыре группы, но наши потери не были напрасны, нам уже известна обстановка в районе предстоящей операции, а это почти половина успеха.

— От этого не легче! В такие сжатые сроки подготовить группу нереально! — воскликнул Бокк. Профессиональный опыт и интуиция подсказывали ему, что при дефиците кадров он мог стать первым кандидатом на должность командира диверсионной группы и, ища поддержки, обратил свой взгляд на Рейхера.

— Лучшие ушли с Загоруйко, — согласился тот.

— Вы что же, предлагаете мне потребовать от Гемприха и Берлина отменить приказ адмирала? — язвительно заметил Штайн.

— А почему бы не задействовать батальон «Бергман»? Там от безделья уже опухли, — вспомнил Самутин.

— Точно! — оживился Бокк.

— Действительно, а почему бы не объединить наши усилия? — предложил Рейхер.

Оживились и остальные. Но Штайн быстро развеял эту иллюзию и объявил:

— Оберлендер получил такой же приказ. Мы действуем на параллельных курсах. Поэтому, господа, хватит спорить. Я требую немедленно просеять все группы курсантов, особенно ту, что готовите вы, господин Петренко. Они, кажется, уже прошли курс спецподготовки?

— Да, остался только зачет, — подтвердил Петр.

— Есть подходящие экземпляры?

— Смотря для чего.

— На должность командира.

Петр развел руками:

— Таковых не вижу.

— В других группах такая же картина. Надежных и подготовленных командиров нет, — сухо констатировал Райхдихт.

Штайн помрачнел. Для него это не являлось новостью, но в душе он еще надеялся на чудо. Его не произошло. Оставался единственный выход — искать командира группы среди постоянного состава. Вот только кто? Штайн пробежался взглядом по подчиненным и задумался. От этого выбора зависел не только успех предстоящей операции, но и собственная карьера: должность временно исполняющего обязанности начальника абвергруппы-102 могла стать для него последней. Будущему командиру диверсионной группы предстояло оказаться пятым в «черном» списке тех, кто ушел с заданием под Туапсе; тихая туапсинская бухта, подобно гигантской воронке, безвозвратно втянула в себя все группы. Эта, пятая, должна избежать подобной участи и выполнить задание адмирала.

«Так кто ее возглавит? Кто? — размышлял Штайн и остановил взгляд на Самутине. Тот опустил глаза. — Люто ненавидишь Советы. И есть за что. Лишили всего — поме-

ства в Полтавской области, чинов и звания. В девятнадцатом прибился к Петлюре и решил отыгаться на большевиках. Прославился тем, что в Екатеринославе и Запорожье вешал на фонарных столбах без разбора и правых, и левых. Затем служил в контрразведке барона Врангеля. С особым садизмом пытал в севастопольских казематах лазутчиков красных. После разгрома войск «черного барона» бежал в Турцию, потом перебрался в Югославию, а оттуда — в Гамбург. Там тебя приметили и с тридцать шестого ты начал работать на нас. Съел собаку в шпионском деле. Но для предстоящей операции одной ненависти и опыта недостаточно. К тому же стар, чтобы козлом скакать по горам, и чересчур расчетлив, чтобы подставлять голову под пули», — пришел к такому выводу Штайн и перевел взгляд на Петренко.

Тот не задергался и глаза в сторону не отвел.

«Бывший красный командир. В послужном списке дерьма тоже хватает. Виселица у большевиков давно заждалась тебя, — прикидывал Штайн. — В январе сорок второго дезертировал из части и сдался в плен. После вербовки и спецподготовки совершил две ходки в тыл к большевикам. Руководил разведгруппой и добыл ценную информацию. За нее удостоился награды от самого Пиккенброка — правой руки Канариса. Сносно говорит по-немецки, но это к делу не относится. Результативно занимается с курсантами, некоторые до сих пор работают в тылу у русских. Готовит спецгруппу для заброски в Грузию на глубокое оседание. Материал неплохой, не то что последние отбросы. Значит, пять-шесть вменяемых из этих азиатских недоумков можно набрать, а Грузия пока подождет. Своих агентов изучил, а раз так, то, как говорится, тебе и карты в руки. Из кожи лезет, чтобы выслужиться. Вот тебе и шанс: в случае успеха — звание «лейтенант», награда — Железный крест и служба в центральном аппарате. Какому русскому Ивану такое снилось?» — Скрип половиц прервал размышления Штайна. Это живой и легкий на подъем Коляда истомился в ожидании.

«Один из самых результативных инструкторов-вербовщиков. На твоём счету больше десятка удачных забросок разведгрупп в тыл к русским, — оценивал кандидата Штайн. — Две последние осели под Кутаиси, Орджоникидзе и дают серьёзную информацию. Твоя надёжность, «товарищ капитан Красной армии», тоже не вызывает сомнений. Её проверил не только Райхдихт через своих тайных агентов, но и НКВД, отправив на расстрел родителей. Дезертирство из штрафбата отрезало тебе все пути назад».

«Так кто же? Коляда или Петренко? — прикидывал Штайн. — Стоп!.. А если провал? Тут же нагрянет разгромная комиссия из Берлина, и первое, чем ткнут в нос, так это халатным отношением к заданию адмирала. Назначить руководителем группы русского? Русского, которые через одного, как те волки, готовы сбежать в лес к партизанам. Нет! В Берлине такое назначение в лучшем случае расценят как халатность, в худшем... А если приедет Штольце? Этот мерзавец не пожалеет черной краски, чтобы сделать из меня козла отпущения. Определенно, русский, хоть и самый золотой, на такое дело не годится. У него, куда ни целуй, везде будет задница. Нет, здесь нужен только свой, немец! По крайней мере, в случае провала операции мясники Мюллера не будут цепляться с дурацкими вопросами о моей благонадежности. Так кого же?.. Бокка? Рейхера? Райхдихта?.. Кого?» — Штайн еще раз прошелся внимательным взглядом по подчиненным.

«Бокк? Опытный. В сорок первом успешно работал в тылу русских. Но сейчас не сорок первый, да и Бокк уже не тот. Засиделся на штабной работе и потерял нюх...

Райхдихт? Черт его знает, что он там на меня накопал. Да, неплохо бы тебя спихнуть. Но тут могут упереться Гемприх и служба собственной безопасности. А с ними бодаться нет ни времени, ни сил.

Остается Рейхер. Настоящий ариец. Воля — тверже, чем сталь Круппа. Сила — хоть отбавляй. Любого паникера в бара-

ний рог согнет, чтоб другим неповадно было. А главное — удачливый. А удача нам всем ох как нужна. Смел до безрассудства. Может, оно и к лучшему? В опасный момент не дрогнет: других и себя положит, а задание выполнит. Значит, Рейхер!» — Штайн сделал окончательный выбор и объявил:

— Господа, я вам благодарен за участие в совещании и высказанные предложения. Честь этого, безусловно, ответственного задания, которое на нас возложили адмирал и сам фюрер, я поручаю исполнить лучшему из лучших — храбрцу лейтенанту Рейхеру!

Слабый вздох облегчения прошелестел в кабинете, и все взгляды сошлись на могучем Рейхере. Его каменная физиономия дала слабую трещину. Но он тут же взял себя в руки и глухо произнес:

— Благодарю за доверие, господин оберлейтенант! С нами фюрер и честь!

Этот девиз группы поднял всех на ноги. Кабинет наполнился шумом, и когда он стих, Штайн продолжил:

— Заместителем к вам, Кенак, назначается господин Петренко.

— Есть! — коротко ответил тот.

На смуглом лице Петренко трудно было прочесть какие-либо чувства, но во взгляде читались решимость и готовность выполнить приказ.

— Я горжусь вами, господа, — с неожиданной теплотой в голосе отреагировал Штайн на их мужественное поведение и, заканчивая совещание, распорядился: — Все свободны. А вы, Кенак, и вы, Петр, задержитесь.

Райхдихт, Бокк, Самутин и Коляда, будто освободившись от невидимого груза, все это время давившего на плечи, распрямились и, наступая друг другу на пятки, поспешили покинуть кабинет. Проводив их взглядом, Штайн кивнул Рейхеру и Петренко на стулья и предложил:

— Садитесь, господа.

Но они так и остались стоять, внимательно следя за его движениями. Штайн прошелся по комнате, ненадолго остановился у окна, словно пытаясь разглядеть за закопченными и потрескавшимися от бомбежек стеклами, ответ на свои мысли, затем возвратился к столу и заговорил тоном, лишенным всякой казенщины:

— Кенак! Петр! Я всегда ценил вас как лучших профессионалов группы. Вы не раз доказали это делами и заслуживаете самых высоких наград. Я... — голос Штайна дрогнул, и его холодное лицо согрели искренние человеческие чувства.

Петренко подался к нему и казалось, что всем своим существом рвался немедленно выполнить приказ. Рейхеру тоже изменила железная выдержка — каменная физиономия пошла изломами, а с губ сорвалось:

— Бруно, для меня твое слово дороже всяких там жестянок.

Штайн был окончательно растроган и, обняв его, продолжил:

— Господа, я горжусь вами. Для меня вы были и остаетесь самой надежной опорой. Но сегодня для группы наступил час испытаний. Адмирал полагается на нас, и мы не можем и не должны его подвести. Все мы — солдаты нашего великого фюрера. Своей железной рукой он ведет Германию к победе над большевизмом. Путь к ней труден и опасен, но я не сомневаюсь, что на этот раз успех и удача будут сопутствовать вам...

— Бруно, не сомневайся, мы сделаем все, чтобы русская нефть залила Черное море! — прорычал Рейхер.

— Дружище Кенак, другого ответа от тебя я и не ожидал. Пусть Господь, а с ним гений нашего великого фюрера помогут вам с Петром выполнить задание! — не удержался от пафосного тона Штайн.

— Мы выполним задание! — в один голос воскликнули Рейхер и Петр.

— Я верю в вас и, особенно, в твою удачу, Кенак. Пока она не изменяла тебе.

— И не изменит! Я не баба.

Штайн хмыкнул, а затем, согнав с лица улыбку, заговорил деловым тоном:

— Времени у нас мало. Поэтому попрошу отложить в сторону все другие дела и сосредоточиться на отборе кандидатов в группу. В двенадцать представить окончательный список. После утверждения получить на складе все необходимое и затем перебазироваться в станицу Абинская. Там у ефрейтора Шойриха проведете подготовку. Вопросы?

— Бруно, но в Абинской полигон еще не оборудован, — напомнил Рейхер.

— Знаю. Секретность операции важнее. Я не исключаю, что предыдущие провалы групп были связаны с тем, что среди нас действует шпион большевиков. Поэтому, чем меньше инструкторов и курсантов будет знать о вашей миссии, тем лучше. Технические проблемы, если они возникнут по ходу подготовки, устраните на месте с помощью Шойриха. Поддержка с моей стороны вам обеспечена. Все разумные предложения будут удовлетворены немедленно. Еще вопросы?

— Пока нет. Если будут, то уже по ходу подготовки, — не стал вдаваться в детали Рейхер.

— В таком случае, господа, приступайте к выполнению задания. Первое, чего я жду, так это предложений по составу группы, — закончил инструктаж Штайн.

Спустя несколько минут Рейхер и Петренко сидели в соседнем кабинете и листали тонкие дела на курсантов учебного центра. Материала в них оказалось немного, так как основные архивы находились в Темрюке у оберлейтенанта Краузе. Учетные листы, в которых содержались установочные данные на курсантов, обстоятельства сдачи в плен и вербовки, в общих чертах Рейхеру и Петренко были известны. Особенности психологии и деловые качества многих кандидатов также не составляли большого секрета: в ходе занятий каждый показал, чего на самом деле стоил. Особый интерес вызвали сообщения

внутренних агентов Райхдихта. В их доносах Петр нашел немало интересного и для себя.

В редкие минуты откровения одни курсанты кляли, на чем свет стоит, Штайна, Райхдихта и их «прихвостней» — Самутина, Коляду и Петренко. В основе всего лежала обычная бытовуха. Они были недовольны тем, что им не давали покоя ни днем ни ночью. До седьмого пота гоняли в гимнастическом городке и требовали до одури давить на ключ радиопередатчика. В ненастье и по ночам вытаскивали из теплых барачков и заставляли наматывать десятки километров по непролазной грязи. С ними все было понятно — муштра даже у оловянного солдатика ничего, кроме зубовного скрежета, не вызывает.

Другие, а таких оказалось немало, в редкие минуты отдыха, забившись в дальние углы казармы, тихо скулили. Они жаловались на то, что жизнь под Гитлером оказалась не лучше, чем со Сталиным в колхозах. И там, и здесь их держали за скотину. Таких кандидатов Рейхер сразу отметал в сторону.

Относительно третьих Петр терялся в догадках: с какой целью Штайн и Райхдихт держали их в группе? Им место было, скорее, на виселице. Эти откровенно материли Гитлера и склоняли курсантов к побегу. Из чего напрашивался вывод: они числились у Райхдихта в стукачах-провокаторах.

Просмотрев все дела, Петр и Рейхер с трудом отобрали одиннадцать кандидатов. Их надежность не вызывала сомнений. У большинства руки были по локоть в крови — расстрелы военнопленных и участие в карательных акциях в Краснодаре, Майкопе и Армавире.

Ровно в двенадцать Рейхер и Петр возвратились в кабинет к Штайну и доложили свои предложения. Он бегло просмотрел список кандидатов и, оставив без изменений, утвердил. Затем вызвал дежурного и отдал последние распоряжения по подготовке группы к выезду. Сборы были недолги. Не дожидаясь обеда, наскоро перекусив, Рейхер, Петр и одиннадцать курсан-

тов-диверсантов с полной выкладкой погрузились в грузовик и выехали в станицу Абинская.

Основанная черноморскими казаками в середине девятнадцатого века, она долгое время играла роль форпоста при отражении набегов горцев-шапсугов и адыгов на русские поселения на Северо-Западном Кавказе. Расположенная в предгорьях, в долине реки Абин, станица запирала проходы к перевалам на Новороссийск и Геленджик. Расстояние до нее от Крымской составляло чуть больше десяти километров, но из-за налета авиации поездка растянулась на целый час.

В Абинскую группа добралась без потерь. Там их встретил ефрейтор Шойрих, вторую неделю исполнявший обязанности нештатного коменданта пункта переброски разведывательно-диверсионных групп в тыл русских. Он лез из шкуры вон, чтобы угодить Рейхеру, но тот наотрез отказался останавливаться у него. Здание бывшего правления табачной артели «Рассвет», несмотря на многочисленные бомбежки, не пострадало. В штабе, где было оборудовано несколько комнат под общежитие, царил относительный порядок. Ту же, под боком, в огромном деревянном сарае, из которого за два года войны не успел выветриться запах табака, располагались тренажеры и стрельбище.

Шойрих, обескураженный отказом, пытался переубедить Рейхера. Но тот не поддавался на уговоры; его насторожило то, что пункт находился в нескольких сотнях метров от «блошиного» рынка. Там постоянно терлись подозрительные личности, и потому нельзя было исключить, что среди них могли затесаться лазутчики большевиков. Появление во дворе подвыпивших румын и полицейских с баулами и кошелками подтвердило опасения Рейхера — пункт переброски агентуры основательно засветился.

Шойрих, бывший тыловик, похоже, времени даром не терял и успел наладить свой бизнес, превратив филиал группы в проходной двор. Рейхер не стал разбираться с ним — это уже было

делом Райхдихта — и вместе с Петром отправился на поиски нового места для группы.

За три часа они объехали почти всю станицу и остановили выбор на хуторе Пантелея Узана. Десяток саманных хат с крышами, крытыми камышом, и сараев — это все, что осталось от некогда большого хутора рода казацкого старшины. Заброшенные, с провалившимися крышами конюшни, потрескавшиеся от времени и артиллерийских разрывов бетонные чаны для выделки шкур и старый, раскинувшийся на добрых два гектара одичавший сад напоминали о том, что здесь когда-то кипела жизнь. Гражданская война, раскулачивание и снова война окончательно опустошили хутор. В двух хатах, чудом уцелевших после бомбежек и грабежей, проживали полуглухая баба Дуня Пацан и немногословная тетка Мария Узан. В полукилометре от хутора располагался заброшенный кирпичный завод. Он и карьер как нельзя лучше подходили для тренировок группы.

Определившись с местом, Рейхер и Петр прибыли к пункту заброски. Шойрих, напуганный таким оборотом дела, встретил их у ворот и пытался затащить в столовую. Но Рейхер наотрез отказался от ужина и приказал курсантам перегрузить из машины все имущество, оружие, ящики с патронами и взрывчаткой в две подводы. После этого группа в полном составе отправилась на хутор. Их появление смертельно напугало старух; они суматошно заметались по двору. Рейхер не стал с ними церемониться — приказал перебраться в летние кухни и запретил без разрешения выходить на улицу.

Разгрузив подводы, диверсанты разбрелись по хатам занимать места и устраивать походный быт. Но Рейхер не дал им расслабиться, через полчаса снова собрал всех во дворе и, несмотря на то что на улице начало смеркаться, разбил их на две группы. Одну группу он возглавил сам, другую поручил Петренко и повел всех к кирпичному заводу.

Давно потухшие печи для обжига кирпича и пустые склады подходили для стрельб и отработки приемов рукопашного боя,

а карьер, где раньше добывалась глина, оказался идеальным местом для тренировки взрывников. С этого часа и в течение следующих семи дней с раннего утра и до позднего вечера территорию кирпичного завода сотрясали взрывы и бешеная стрельба. Рейхеру и Петренко лишний раз не приходилось подгонять диверсантов, в тылу у большевиков им предстояло рассчитывать только на самих себя, и потому они тренировались до седьмого пота.

За время тренировок дальняя стена печи для обжига, исклеванная пулями, стала напоминать морскую губку, а карьер выглядел так, будто над ним не один час работала авиация. Однако Рейхер не давал отдыха ни себе, ни другим. Занятия заканчивались с наступлением темноты. Под монотонный звук дождя диверсанты, волоча ноги по непролазной грязи, возвращались в хаты и, перекусив, тут же валились спать, чтобы на следующий день, еще до наступления рассвета, все повторять сначала.

Подходили к концу восьмые сутки подготовки диверсионной группы. Хутор Пантелея Узана ненадолго погрузился в тревожный сон. И только часовые продолжали бодрствовать, настороженно вслушиваясь и вглядываясь в коварную ночную темноту, ловя каждый звук и шорох.

Долго не могли уснуть в летних кухнях и баба Дуня с теткой Марией. Подрагивая от холода и страха, испуганные женщины ворочались с боку на бок под застиранными до дыр старыми половыми подстилками и молили Бога, чтобы эти мрачные постояльцы поскорее убрались восвояси.

Приближался рассвет. На этот раз русские бомбардировщики, пролетев над хутором, взяли курс на порт Тамань, и часовые не стали поднимать тревоги. Вскоре с запада донеслись лай зениток и глухие разрывы тяжелых авиабомб. Земля на бомбежку отзывалась жалобными вздохами. Стены хат и сараев задрожали мелкой дрожью, с потолков посыпалась побелка. Затем все затихло, и больше ничто не нарушало хрупкого по-

кая природы, безмерно уставшей от войны и бессмысленной жестокости человека.

Перед рассветом подозрительные шорохи и хруст веток в саду подняли на ноги часовых. Чернильную темноту разорвала короткая автоматная очередь. В ответ донесся мучительный всхлип, а спустя минуту со стороны реки послышался треск замерзшего камыша. В хатах запоздало захлопали двери и раздался топот ног. Во двор выскочили взъерошенный Рейхер, вслед за ним Петр и остальные диверсанты. Они залегли у плетня и, выставив вперед стволы автоматов, высматривали врага в утреннем сумраке. Обостренный опасностью слух ловил все звуки — писк разбуженных в саду птиц, жалобное блеяние в сарае напуганных стрельбой коз и плач двух старух. Партизаны, если это были они, а не кабан или одичавший без хозяев скот, больше не напоминали о себе.

Налетевший со стороны гор ветер, прошелестев в верхушках старых яблонь и груш, помчался дальше в степь. И опять на хуторе все погрузилось в вязкую тишину. Рейхер дал команду «отбой», и диверсанты потянулись к хатам, чтобы успеть прихватить кусочек сна перед изнурительной муштрой наступающего дня.

Глава 12

Утро на хуторе Пантелея Узана началось со стука топора и звона кастрюль на кухне.

Бабка Дуня и тетка Мария поднялись на ноги ни свет ни заря, растопили печь и принялись готовить завтрак для диверсантов. Пламя сердито гудело в печной трубе и жадно облизывало чугунный казан и сковородки; в них варились и жарились отборные куски мяса. В духовке, источая приторный аромат, пеклась тыква.

В 6.30 проснулся Рейхер. И все пришло в движение.

После энергичной зарядки и сытного завтрака Петр построил диверсантов в колонну и повел к кирпичному заводу. Позже к

ним присоединился Рейхер. На этот раз он не спешил начинать занятия, лениво покурил сигарету и время от времени поглядывал на часы. Воспользовавшись паузой, диверсанты расселись на завалинке бывшей конторы завода и, подставив лица солнцу, наслаждались редкими минутами покоя. Длился он недолго. Со стороны хутора донесся надсадный гул автомобильных моторов. Через несколько минут во двор въехали «опель» и грузовик.

Рейхер швырнул сигарету и направился к машинам. Петр живо поднялся с лавки и подал команду «Строиться!». Одиннадцать диверсантов застыли в неровной шеренге и настороженно косились на штабной «опель». Из него вышли Штайн, Бокк и Шойрих.

Из кабины грузовика показался Райхдихт и, стараясь не угодить в лужу, спрыгнул на подмерзший пяточок земли. За его спиной раздалась отрывистые команды. Это конвой, орудуя прикладами, выпихивал из кузова пленных красноармейцев. Их оказалось одиннадцать. Сбившись в кучку, они настороженно поглядывали на лощенных гитлеровских офицеров и диверсантов.

Штайн брезгливо поморщился от тошнотворного запаха, исходившего от давно немытых тел пленников, и, обернувшись к Шойриху, кивнул головой. Ефрейтор подхватил мешок, в нем что-то погромыхивало, и протрусил на середину двора; остановился у опрокинутого на землю пожарного щита и разложил на нем армейские тесаки. Их было двадцать два. Пленные угрюмо наблюдали за происходящим, а диверсанты с нарастающей тревогой ждали, что скажет Штайн.

Тот поднялся на крыльцо конторы и, перемешивая русские слова с немецкими, обратился к пленным:

— Руссишь швайн, вы заслуживаете смерть. Но скоро ваш праздник — день Красной армии. Я делаю вам подарок — жизнь. Но ее надо заслужить...

В ответ раздался глухой ропот. Пленные догадались, что их ждет впереди.

— Молчать! — рывкнул Штайн, спустился с крыльца, прошелся вдоль строя диверсантов и, остановившись на левом фланге, заявил: — А вам, господа курсанты, предстоит на деле доказать свою готовность служить нашему великому фюреру. Если бандит уйдет, расплатитесь собственными шкурами! Понятно?

Диверсанты угрюмо молчали.

— Я вас спрашиваю — понятно?

— Так точно, господин оберлейтенант, — вразнобой прозвучали голоса.

— Гут! — Штайн хлопнул в ладоши, а затем ткнул пальцем в левофлангового диверсанта: — Ты первым пойдешь.

Тот изменился в лице, неловко шагнул вперед и осипшим голосом произнес:

— Курсант Шаликашвили. Седьмая особая учебная группа.

— Посмотрим, какая она особая, — с кривой усмешкой заметил Штайн, потом развернулся к пленным и, остановив выбор на худом, с кровоточащей раной на плече красноармейце, процедил:

— Ты, руссишь швайн. Шнель!

Конвойный ножом разрезал веревку, стягивавшую руки пленному, и толкнул в спину. Бедняга с трудом устоял и, припадая на правую, раненую ногу, заковылял к щиту с тесаками. Холодная сталь придала ему сил, и он метнулся к спасительному провалу в стене склада.

Штайн, постреливая взглядом на Шаликашвили, держал паузу. Диверсант нервно переступал с ноги на ногу. И только когда пленный исчез в проломе стены, гитлеровец крикнул:

— Шаликашвили, пошел!

Тот ринулся к щиту, схватил тесак и бросился вдогонку за жертвой. Циничная пляска смерти, затеянная гитлеровцами, заставила пленных забыть о боли и мысли о собственной судьбе. Затаив дыхание, они ловили каждый звук и каждое движение на складе. Трагическая развязка наступила быстро — раненый

красноармеец не смог оказать сопротивления откормленному, натасканному диверсанту. Утробный вопль Шаликашвили и его торжествующая физиономия, появившаяся в проломе стены, сказали все.

Следующий выбор Штайна пал на курсанта Буруна и юного, почти мальчишку, партизана. С ним диверсант расправился играючи — настиг мальчишку у стены склада, заученным приемом выбил из рук тесак, а затем мертвой хваткой сомкнул свои лапищи на его шею. Упиваясь легкой победой, Бурун развернулся к строю и держал юношу на весу до тех пор, пока последняя конвульсия не затихла в тщедушном теле.

На этом пляска смерти не закончилась. Гитлеровцы затеяли между собой соревнование. На этот раз Райхдихт выбрал очередную жертву и палача. Схватка между ними закончилась с прежним результатом. Пленному не удалось вырваться на свободу — удар тесака настиг его у забора.

Измученные и обессилившие от голода и побоев красноармейцы становились легкой добычей диверсантов. Штайну и Райхдихту быстро наскучило наблюдать за расправой, и они поручили ее Бокку, а сами вместе с Рейхером отправились под навес. Там их ждали Шойрих и походный стол. Разлив шнапс по рюмкам, он преданными глазами поедали Штайна. Тот снисходительно потрепал по плечу проштрафившегося ефрейтора и произнес тост:

— Кенак, я пью за успех предстоящей операции. Уверен, для тебя она... — Штайн не успел закончить тост; в конвейере смерти произошел неожиданный сбой.

Жилистый красноармеец вместо того, чтобы бежать, как все, за тесаком, прямо из строя набросился на своего врага. Атака оказалась настолько стремительной, что растерявшийся Ромишвили не успел ничего предпринять. Сбитый с ног, он извивался, словно червяк, и пытался выскользнуть из-под навалившегося тела. Ногти и пальцы диверсанта царапали лицо и рвали волосы красноармейца, но ярость и ненависть придали

тому дополнительные силы. Он мертвой хваткой вцепился в горло Ромишвили.

Опешившие диверсанты пришли в себя. Двое бросились на выручку Ромишвили. Резкий окрик Райхдихта «Хальт!» остановил их. Выхватив из кобуры парабеллум, он остановился в нескольких метрах от тел, катавшихся по земле. К нему присоединились Штайн, Рейхер и Шойрих. Неожиданный поворот в рутинной проверке пробудил в них интерес.

— Ставлю на Ромишвили! — загорелся Рейхер.

— Ты проиграешь, Кенак. Русский не так слаб, как кажется, — снисходительно заметил Штайн.

— Ну, давай же! Давай! — повизгивал за их спинами Шойрих.

Ромишвили предпринимал отчаянные усилия, чтобы вырваться из удушающего захвата, и в какой-то момент ему это удалось. Но пленный, изловчившись, дотянулся до обломка кирпича и нанес удар в голову. Диверсант обмяк. Ослепленный ненавистью, отчаянный смельчак ничего не замечал и продолжал иступленно молотить кирпичом Ромишвили.

Выстрел из парабеллума остановил пленного. Его рука бесильно упала плетью, пальцы разжались, и обломок кирпича с налипшими на него волосами и лохмотьями кожи вывалился на землю. Он отпрянул от безжизненного тела Ромишвили, поднял голову, испепеляющим взглядом прошелся по врагам и остановился на Райхдихте. Тот ослабился в ухмылке и процедил:

— Русский, ты ловкий, но глупый. Ты не убежал, значит, я не виноват.

В следующую секунду парабеллум затрясся в руке Райхдихта.

На этом «круг гладиатора», как называл свою садистскую затею Штайн, не завершился. Изуверская пляска смерти продолжилась. Последнего пленного, сумевшего заколоть диверсанта, пуля снайпера, засевшего на смотровой площадке, настигла у забора. Тринадцать безжизненных тел остались ле-

жать на земле. Проверка агентов-диверсантов подошла к концу. Теперь Штайн мог смело доложить Гемприху о готовности группы к выполнению задания адмирала Канариса. Дальше задерживаться на полигоне он не стал и вместе с Райхдихтом, Боком и Шойрихом выехал в Крымскую.

Рейхер, оставшись один, не испытывал желания мокнуть под начавшим накрапывать дождем и, поручив Петренко с Асланидзе заняться очисткой полигона от трупов, отправился на хутор. Диверсантам пришлось изрядно повозиться с ними: вязкая глина налипала на лопаты — земля словно отказывалась принимать погибших. Затем построившись, они, с трудом волоча ноги по непролазной грязи, возвратились на хутор и разбрелись по своим углам.

Поздний ужин начался при гробовом молчании и без Рейхера — тот спал крепким сном. Проверка, устроенная Штайном, вывернула всех наизнанку. Даже недалекому Белодеду стало понятно, что гитлеровцы смотрели на них, как на скотину, которую, когда приходило время, можно было безжалостно пустить под нож. И только появление на столе бутылки самогона оживило обстановку и развязало языки. Пили зло и без меры. За первой четвертью последовала вторая, а после ухода Петра ужин превратился в беспробудную пьянку.

Утром на зарядку Рейхер вышел в гордом одиночестве. Чуть позже к нему присоединился Петр. Остальные диверсанты после вчерашней попойки с трудом держались на ногах. Рейхер пришел в ярость, первыми ее жертвами стали Манько и Гуцаев. Они вообще не вязали лыка. Для них отрезвление началось не с огуречного рассола, а с зуботычин рассвирепевшего Рейхера. Под его рев те из диверсантов, кто еще мог двигаться, выволокли Манько с Гуцаевым из хаты и погрузили в подводу. Рейхер распорядился отвезти их в Крымскую на расправу Штайну.

Отправив штрафников, он принялся приводить в чувство остальных диверсантов. После отрезвляющего душа, устроенного на дворе у колодца, пропустил их через «мельницу».

Обнажившись до пояса, Рейхер играючи разминался с колесами от телеги, заменявшими ему гири, и бросал свирепые взгляды на штрафников. Его спина и грудь бугрились узлами тренированных мышц. Бывший чемпион Берлина по борьбе находился в блестящей форме.

Закончив разминку, Рейхер взялся за штрафников. Он не скупился на захваты и броски — они летали по двору, будто мешки с опилками. И только гигант Асланидзе попытался оказать сопротивление. Несколько минут между ними шла напряженная борьба. В конце концов, техника Рейхера одержала верх над грубой силой. Асланидзе был повержен. Бросив на него снисходительный взгляд, Рейхер приказал:

— Асланидзе! Тем, кто не протрезвел еще, по ведру воды! Затем все на завтрак.

— Яволь, герр лейтенант, — прохрипел тот и потащился к колодцу. Вслед за ним уныло потянулись остальные диверсанты.

Рейхер и присоединившийся к нему Петр возвратились в хату. Переодевшись, они сели за стол.

Завтрак подходил к концу, когда с улицы послышался шум подъезжающей машины и во двор въехал «опель». Из него выскочил Бокк. По его возбужденному виду можно было предположить, что на базе группы в Крымской произошло очередное ЧП. Рейхер было подумал, что информация о Манько и Гуцаеве уже дошла до Штайна, но ошибся. Внезапное появление Бокка не имело к ним никакого отношения. Причина заключалась в другом.

Накануне, во время допроса русского языка в тайной полевой полиции, были получены ценные сведения. Всех обстоятельств Бокк не знал, но то, что выдал пленный, представляло несомненный интерес и могло существенно облегчить проведение диверсионной операции в Туапсе. Язык, захваченный разведчиками четвертой горной дивизии, не являлся важной штабной шишкой: он был лишь «ванькой взводным». Главная

его ценность заключалась в том, что несколько недель назад младший лейтенант служил в батальоне, охранявшем нефтерминал в Туапсе.

Эта новость подняла настроение Рейхеру. После досадных проколов с Манько, Гуцаевым и Ромишвили удача, похоже, снова улыбнулась ему. Оставив за себя Асланидзе, он вместе с Петром отправился в Крымскую. Водитель выжимал из машины все, что можно, и ее, как лодку во время шторма, кидало из стороны в сторону на разбитых артиллерийскими тягачами и танками улицах станицы. Эта бешеная тряска продолжалась до тех пор, пока они не выехали на дорогу Краснодар — Новороссийск. Темная лента шоссе заплеталась среди предгорий. Рейхер расслабился, прикрыл глаза и задремал. Петр отсутствующим взглядом скользил по унылому пейзажу, мелькавшему по сторонам.

До Крымской было рукой подать, когда у хутора Новоукраинка из-за гор внезапно появились русские самолеты. Грозный гул мощных авиационных моторов в считанные секунды смел всех с дороги. Фридриху не нужно было давать команду. Он, опытный водитель, бывавший под бомбежкой не раз, успел высмотреть провал в ограде сада и направил туда машину. «Опель» подбросило на обочине, и Рейхер едва не протаранил головой лобовое стекло. Спасла реакция опытного борца — рука приняла на себя удар. Не обращая внимания на боль и, не дожидаясь остановки, он на ходу выскочил из машины и кинулся под ствол старой яблони. Вслед за ним, как горох, посыпались остальные.

В соседнем саду и прилегающему к дороге перелеску еще какое-то время звучали истошные команды, а затем их заглушил один всепоглощающий звук. Он плющил и вгонял в землю отчаянных храбрецов и последних трусов. Они были бессильны перед затаившейся смертью, что сотнями килограммов разрушительной взрывчатки в любую секунду могла обрушиться на головы.

Рейхер, Петр и Бокк напряженно всматривались в небо и с надеждой искали в нем свои самолеты, но они так и не появились. Русские бомбардировщики не меняли направления и строго, словно на параде, сохраняли дистанцию. Их хищные тени скользнули по лесной вырубке и нависли над дорогой. Рейхер от бессилия скрежетал зубами и грозил небу зажатым в руке парабеллумом. В это время где-то в районе Крымской запоздало твякнули зенитки, и белые шары взрывов снарядов распустились в небе. Прошла минута-другая. Зенитки смолкли. Небо очистилось от разрывов. А темные, размытые силуэты самолетов уже напоминали стаю безобидных птиц.

На дороге снова все пришло в движение. Рейхер, отряхнув с куртки прошлогодние листья и грязь, направился к машине; за ним последовали Петренко и Бокк. Оставшиеся до основной базы группы километры они проехали без остановок.

На базе за прошедшее время ничего не изменилось. На пути к штабу их встретил дежурный и повел к бывшему овощехранилищу. В одной части его мрачных, сырых подвалов располагалось бомбоубежище, а в другой находились временная гауптвахта и тюремная камера. В последнее время она не пустовала — работы у Райхдихта хватало.

Дежурный, уверенно ориентировавшийся в полумраке, царившем в коридоре, через десяток метров остановился у металлической двери, открыл ее, и Рейхер с Петром вошли в камеру. Тусклый свет керосиновой лампы придавал ей зловещий вид. Штайн с Райхдихтом сидели за столом и копошились в какой-то папке. У противоположной стены виднелись две тени. Угловатая — фельдфебеля Кугла, переводчика и по совместительству палача. Он нарочито медленно раскладывал на столе свой пыточный арсенал. Рядом, шатаясь, с трудом держался на ногах пленный. На его лице и обнаженной груди темными пятнами и рубцами проступали следы недавних пыток.

Штайн обернулся на скрип двери. Увидев Рейхера и Петренко, кивнул головой и указал на лавку. Они не стали задавать

вопросов и молча наблюдали за приготовлениями к допросу пленного. Кугл закончил свои устрашающие манипуляции и вопросительно посмотрел на Штайна. Тот щелкнул пальцами, и он потянулся к щипцам. Пытка на этот раз не понадобилась — пленный младший лейтенант задрожал от предчувствия нечеловеческой боли и взмолился:

— Н-не надо! Я-я все скажу.

Кугл остановился и оглянулся. Штайн сделал отмашку и пригрозил пленному:

— Не вздумай врать!

— Я все скажу. Все. Только не надо пытаться, — взмолился он.

— Фамилия, звание, должность, место дислокации части... — начал гвоздить его вопросами Штайн.

Пленный с большими паузами, глотая слова, отвечал на них сбивчиво. Райхдихт, склонившись над протоколом допроса в тайной полевой полиции, сверял ответы. Новые показания не отличались от старых. Они не представляли интереса для Рейхера, и он вопросительно посмотрел на Штайна. Тот продолжил допрос:

— Когда тебя отправили из Туапсе?

— Шестого... Нет, седьмого февраля, — тут же поправился пленный.

— Какие объекты охранял?

— Железную дорогу и тоннели.

— А порт, нефтетерминал?

— Их тоже, но реже, когда мой взвод подменял первый.

— Расположение постов знаешь?

— Э-э... Постараюсь вспомнить.

— Подойди сюда и укажи! — потребовал Штайн.

Кугл положил щипцы на верстак и вытолкнул пленного на середину камеры. С трудом удерживая равновесие, он просеменил к столу. Райхдихт ногой пихнул к нему табуретку, а сам зашелестел бумагами в папке. Пленный не решился сесть и вопросительно посмотрел на Штайна. Тот кивнул головой.

Он тяжело опустился на табуретку и застыл в ожидании очередных вопросов. Райхдихт разложил перед ним фотографии аэросъемки туапсинского морского порта, железнодорожного узла и прилегающих к ним территорий. Они были хорошего качества, но пленный никак не мог найти нефтетерминал и растерянно смотрел то на фотографии, то на Штайна. Тот начал терять терпение; и здесь на помощь пришел Рейхер. Его палец уверенно ткнул в темную нитку железной дороги, уходившую от порта к подножию горы.

Пленный восторженно, склонился над фотографией и, ориентируясь, стал давать пояснения. Петр внимательно вслушивался в его сбивчивую речь и одновременно наносил на планшет схему размещения постов, инженерных заграждений, огневых точек и прожекторных установок. Особо ценными оказались сведения, касавшиеся расположения скрытых дозоров и минных полей.

К концу допроса перед гитлеровцами предстала впечатляющая система охраны туапсинского нефтетерминала, и им стало окончательно ясно, почему предыдущие диверсионные группы терпели неудачу. Как с воздуха, так и с земли объект был практически неуязвим.

Показания пленного лишней раз убедили Штайна и Рейхера в том, что задача, поставленная адмиралом Канарисом, если и могла быть выполнена, то только самой большой ценой. Они уныло смотрели на испещренную цветными кружками и стрелами схему, нарисованную Петром, и не находили решения. Затянувшееся молчание нарушил грохот рухнувшего на пол тела. Пленный не выдержал напряжения и потерял сознание. Кугл дернулся к ведру с водой.

— Это лишнее Курт. Из этого мешка с дерьмом уже ничего не выжать, — остановил его Штайн и затем предложил: — Господа, пройдем в штаб и там обсудим ситуацию.

— Господин оберлейтенант, а что делать с пленным? Возвращать в полицию? — поинтересовался Кугл.

— Пусть пока побудет у нас. Может, еще понадобится, — распорядился Штайн и вышел из камеры.

В кабинете Штайн развернул на столе крупномасштабную карту окрестностей Туапсе. Сверяя ее со схемой расположения хранилищ нефтетерминала и системы охраны, набросанной Петром, они принялись искать уязвимые места, чтобы определить порядок действия по выполнению поставленной задачи. Предложение Райхдихта заминировать эшелон с нефтью и взорвать его внутри зоны поддержал Петр, но им возразил Штайн.

— В лучшем случае задачу удастся выполнить лишь частично. Смотрите сами, — и он обратился к схеме. — Хранилища расположены в шахматном порядке, расстояния между ними не меньше пятидесяти метров. Поэтому эффект от акции будет незначителен.

— Да, пожалуй, больше эшелона и одного-двух хранилищ из строя не вывести, — согласился Рейхер.

— А если рвануть эшелон у верхнего бака? Тогда на воздух взлетит все остальное, — не спешил отказываться от своего варианта Райхдихт.

— Но для этого необходимо, как минимум, знать, к какому хранилищу подается эшелон. У нас же таких возможностей нет и не предвидится.

— Не забывайте про охрану на самом эшелоне, — напомнил Рейхер.

— Получается замкнутый круг, — уныло произнес Петр.

— А если снять караул эшелона и под видом... — не сдавался Райхдихт.

— Нет, Ганс, так не пойдет. Слишком сложно, а результат крайне сомнителен, — отверг Штайн и этот вариант.

— Но надо же что-то делать! — кипятился тот.

— Господа, есть шанс! — воскликнул Рейхер, и его указательный палец лег на верхнюю часть схемы.

— Как?! Там же минные поля? — удивился Райхдихт.

— И самые плотные, если верить пленному, — напомнил Петр.

— Вот и хорошо, — не отступал от своего Рейхер. — Посмотрите на схему. На этом участке всего один пост.

— А что? Это шанс. Можно рискнуть, — согласился с ним Петр.

— За две ночи расчистим проход в минных полях — и путь открыт, — развивал свой замысел Рейхер.

Райхдихт еще раз внимательно посмотрел на карту, остановил взгляд на позиции прожекторов и спросил:

— А как быть с ними?

— Они нас не достанут. Посмотри на рельеф, — и палец Рейхера пошел гулять по карте.

— Ты гений, Кенак! Это выход, — поддержал его Штайн.

Предложение Рейхера, хотя и не бесспорное, выводило операцию из тупика. Тут же с Петром они занялись детальной проработкой плана, и вскоре представили его на утверждение Штайну. Тот не нашел в нем изъянов и утвердил. Завершился день банкетом.

Педант Штайн на этот раз изменил себе — стол накрыли прямо в его кабинете. И хотя блюда не отличались особыми изысками, зато хвалебных слов в адрес настоящих профи — Кенака и Петра он, а вместе с ним Райхдихт и Бокк не пожалели.

На базу в Абинскую Рейхер и Петр возвратились в благодушном настроении. Дежурный по группе Асланидзе, прозевавший их появление, приготовился к разносу. Но Рейхер не стал его распекаать, устало отмахнувшись, отправился спать. Петр же задержался во дворе, проверил часовых на постах, затем какое-то время провозился в своей комнате и тоже затих.

Следующий день в группе начался, как обычно, с зарядки. Помня недавний урок Рейхера, диверсанты демонстрировали усердие при выполнении упражнений. Он остался доволен и за завтраком расщедрился — разрешил выпить по рюмке водки, а потом позволил на короткое время расслабиться. Вокруг за-

ядлых козлятников Буруна, Белодеда, Долуги и Колпакова тут же образовался круг боельщиков. Звонкие удары костяшек домино сопровождалась дружными возгласами. Игра шла с переменным успехом и держала всех в напряжении. Конец ей положила команда «Строиться!» дежурного по группе Асланидзе.

Солнце уже поднялось над горизонтом, когда бодрый строй диверсантов под командованием Петра выдвинулся на полигон. Сам Рейхер отправился по делам в штаб Шойриха. В его отсутствие занятия проходили без надрыва и фанатизма. Петр в полглаза наблюдал за тем, как на первой учебной точке тесаками лениво долбили деревянный щит, на второй — дрыгали мишени в печи обжига кирпича. В карьер он даже не стал спускаться, из него время от времени доносились мощные взрывы — это подрывники спешили израсходовать взрывчатку. Недельная муштра уже сидела у всех в печенках, и диверсанты больше занимались имитацией, чем делом. Конец ей положило появление Рейхера.

Он был не один; с ним приехали Штайн, Райхдихт и лучший подрывник группы Лихобабин. Диверсанты напряглись, но на этот раз обошлось без сюрпризов. Штайн выборочно провел проверку и ее результатами остался доволен. По возвращении на хутор всех ждал приятный сюрприз.

Ефрейтор Шойрих со своей командой развил бурную деятельность. В двух мешках лежало свежевystиранное и отглаженное нижнее белье. Отдельно от него были аккуратно разложены одиннадцать комплектов обмундирования военнослужащих Красной армии.

В летней кухне под присмотром немецкого повара сутились над плитой, кастрюлями и сковородами баба Дуня и тетка Мария. Две картонные коробки с деликатесами из офицерской столовой стояли на крыльце. Диверсанты оживились, предвкушая банкет. Но он откладывался — Штайн пригласил офицеров на итоговое совещание.

Они собрались в комнате Рейхера. Ему первому Штайн и предоставил слово. Рейхер одернул китель и, избегая лишних деталей, кратко доложил о ходе подготовки, потом в отдельности по каждому диверсанту и в заключение заявил:

— Господин оберлейтенант, группа к выполнению задания готова!

— То есть сомнения ни в ком нет? — уточнил Штайн.

— Так точно! — Рейхер был категоричен.

— Нерешенные вопросы остались?

— Никак нет!

— У меня есть вопрос, — вмешался Райхдихт. — Насколько Петренко и Асланидзе готовы к роли дублера командира группы?

— В Петренко я абсолютно уверен. А по Асланидзе... — стук в дверь прервал доклад Рейхера.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Белодед. Рейхер раздраженно махнул рукой, но он продолжал нахально торчать на пороге. Это возмутило Штайна, но тут вмешался Райхдихт.

— Бруно, Кенак, минуту терпения. Прошу извинения, а Степана вы должны выслушать! — заявил он и затем представил: — Это мой, а теперь и ваш, Кенак, агент Деда. Его информации можно полностью доверять.

Глаза Белодеда забежали, а губы искривила угодливая улыбка. Штайн долго разглядывал агента контрразведки и только потом показал взглядом на табуретку. Белодед присел бочком и бросил взгляд на Райхдихта. Тот кивнул головой, и он приступил к докладу.

В информации Деда о настроениях в диверсионной группе чего-либо нового, а тем более из ряда вон выходящего, Рейхер не услышал. Все то, что сообщил агент, не выходило за рамки обычного брюзжания и банальных сплетен. Особого интереса доклад не вызвал и у Штайна. Он не стал задавать вопросов и, дав понять, что встреча закончена, потянулся к папке с документами.

Райхдихт махнул рукой Белодеду и распорядился:

— Степан, с этого момента и до окончания операции будешь работать с лейтенантом Рейхером. Ты понял?

— Яволь, герр оберлейтенант, — ответил Белодед и попятился к двери.

После ухода агента Райхдихт по-прежнему продолжал держать инициативу в своих руках и объявил:

— Помимо Деда я задействовал в проверке и другие средства. С учетом полученных данных, могу утверждать: среди участников группы агента красных и предателя нет.

— Хотелось бы в это верить, Ганс, — вялоотреагировал Штайн.

— Бруно, у тебя есть сомнения?

— Сомнений нет, есть опасения.

— Они излишни, — в голосе Райхдихта прорвались нотки раздражения. — Мы максимально ограничили круг лиц, осведомленных об истинном назначении операции. Их шесть! Все они руководители и заслуживают полного доверия. Что касается рядовых исполнителей, то их подвергли жесточайшей проверке. Выдержали не все. Ромишвили, Гуцаев и Манько, как говорится, не прошли естественного отбора.

— Ганс, ты рассуждаешь не как контрразведчик, а как старина Дарвин, — не удержался от иронии Рейхер.

— Кенак, с этими грязными свиньями по-другому нельзя! — вспыхнул Райхдихт. — Ты не хуже меня знаешь, всякие там философские рассуждения не для этих скотов. Фюрер тысячу раз прав — ими движут примитивные инстинкты. Кровь и еще раз кровь — самое надежное средство, чтобы заставить их работать на нас.

— И это так. О том материале, с которым мне приходилось работать в Бельгии и Франции, здесь остается только мечтать. Но я верю в Кенака и его счастливую звезду, — положил конец спору Штайн.

— Благодарю за честь, Бруно! Мы устроим большевикам грандиозный фейерверк! — заверил его Рейхер.

— Это станет самым большим нашим успехом на Кавказе! — и Райхдихт погрозил кулаком далекому врагу.

— Все, господа, больше ни слова об операции. Я предлагаю перейти к более приятному и полезному для наших голодных желудков занятию — проверить кулинарные способности Шойриха, — предложил Штайн.

Его охотно поддержали — и дружно двинулись на выход. Во дворе, у соседней хаты, их с нетерпением ждали диверсанты. Ароматные запахи, доносившиеся из открытых окон, будили у них зверский аппетит. Шойрих, перегородив вход в хату, лениво покрикивал на самых нетерпеливых. При появлении офицеров Петр подал команду, и диверсанты выстроились в шеренгу. Штайн прошел вдоль нее, пытливо заглядывая в глаза каждому, затем вышел на середину строя и произнес речь.

Выступление, которое он повторял десятки раз перед группами, уходившими на задание, на это раз не стало дежурным. В голосе Штайна не раз звучали пафосные нотки, а объявленная неслыханная награда — пятьсот марок и недельный отпуск — вызвала одобрительные возгласы диверсантов.

Вслед за ним выступил Рейхер. Он был краток и поклялся, что задание будет выполнено.

Затем все прошли в хату и заняли места за столом. Наступил час триумфа Шойриха и его поваров. И они не ударили лицом в грязь, даже в офицерском казино могли бы позавидовать такому ужину. Но продолжался он недолго. Вскоре Штайн, а с ним Райхдихт и Шойрих покинули хутор.

Рейхер остался сидеть за столом, но разгуляться диверсантам не дал. Да и они сами не горели желанием и, памятуя о судьбе Гуцаева и Манько, потихоньку разбрелись по комнатам. Это была их последняя мирная ночь на хуторе.

Ранним утром диверсантов поднял на ноги натужный гул мотора грузовика. После завтрака они собрали оружие

и взрывчатку и загрузились в кузов. Рейхер с Петром сели в кабину. Водитель вопросительно посмотрел на Рейхера. Тот коротко бросил:

— В Шапсугскую!

Эта горная станица располагалась в двадцати одном километре от Абинской и была последней на пути к фронту. Грузовик, расплескивая по сторонам лужи и грязь, выехал с проселка на хорошо укатанную дорогу. Она проходила по правому берегу быстрой и своенравной реки Абин. Густой туман, поднимавшийся над клокочущей стремниной, на какое-то время скрыл машину от русской авиации. Воспользовавшись этим, водитель давил на педаль газа, стараясь поскорее проскочить открытый участок местности.

Позади осталась Владыкина гора, поросшая густым лесом; она походила на знаменитую шапку киевского князя Владимира Мономаха. А дальше дорога замысловато запетляла по карнизу неглубокого ущелья. Воронки по обочинам, остовы сгоревших машин и КПП на каждом километре напоминали о близости фронта и вылазках советских диверсантов. Помнили об этом и часовые, дотошно проверявшие документы и машины. Поездка в Шапсугскую для группы Рейхера могла бы затянуться, если бы не спецпропуск. Он действовал безотказно — шлагбаумы моментально взлетали вверх, а часовые застывали по стойке «смирно», и меньше чем через час диверсанты были на месте.

В Шапсугской еще ощущалось ледящее дыхание уходящей зимы. В лесу лежал глубокий снег, а лужи на единственной улице и небольшое озерцо в центре, у школы, покрывал толстый слой льда. Дворы и площадь перед правлением бывшей артели лесозаготовителей, казалось, вымерли, и только внимательный глаз мог различить у хат и сараев затаившиеся зенитные батареи и отрытые в полный профиль окопы.

Изредка на пути попадались мотоциклисты, но и те спешили укрыться под навесами. Комендатура жестоко контролиро-

вала соблюдение маскировки. Рейхер не стал делать остановку в станице, и группа продолжила движение. За околицей дорога раздваивалась: одна уходила вправо, к перевалу на приморский поселок Кабардинка, а другая — влево, она вела в глубь гор.

Рейхер приказал свернуть налево, в сторону хутора Эриванский; там был конечный пункт маршрута группы, где ей предстояло сосредоточиться для прорыва через линию фронта. От нее диверсантов отделяло пять километров, и они невольно подобрались. Рейхер и Петр положили автоматы на колени и внимательными взглядами осматривали окрестности.

Вскоре дорога превратилась в еле заметную полосу. Скалы вплотную подступили к ней и гранитными языками грозили вот-вот смахнуть машину в пропасть. На дне ее вскипала седыми бурунами река. Горный серпантин совершил очередной крутой зигзаг. Машина угрожающе накренилась — левое заднее колесо зависло над обрывом, но водитель удержал машину на дороге и с трудом вписался в поворот. Сразу за ним путь преградила сучковатая жердина шлагбаума. Машина тяжело вздохнула перегретым мотором и затихла.

Из укрытия показались две мешковатые фигуры часовых. На руках бушлатов болтались засаленные повязки, на них с трудом читалось «Полиция». Старший поста повелительно махнул рукой, и водитель дернулся было из кабины. Но Рейхер приказал оставаться на месте и поманил к себе часовых. Полицайи же не торопились и вели себя бесцеремонно. Мордатый краснорожий часовой дернул ручку кабины и приказал:

— Выйти всем! Проверка документов!

— Че-го-о? Ты что, не видишь, кто перед тобой? — возмутился Петр.

— Сейчас побачим, — с кубанским говорком невозмутимо ответил полицай.

— Ну, ты, скотина... — это все, что успел сказать Петр.

Волосатая лапища схватила его за грудки и, словно репу из грядки, выдернула из кабины. Профессионально поставленный

апперкот снопом искр вспыхнул в глазах Петра, и перед ним все померкло.

Партизаны действовали стремительно и решительно. Рейхер с водителем не успели схватиться за оружие, как оказались на земле и уткнулись носами в снег. В кузове грузовика тоже ничего не смогли предпринять. Три наставленных на диверсантов ствола автоматов и истошный вопль «Лежать, суки!» отбили всякую волю к сопротивлению.

Не прошло и минуты, как с группой Рейхера было покончено.

Он, Петр, водитель и девять связанных диверсантов как бревна катались по настилу кузова. Грузовик свернул с дороги и, пробившись сквозь снежные заносы, остановился на поляне. Одичавший фруктовый сад, торчащие из земли, словно гнилые зубы, остовы фундамента усадьбы и сарай с провалившейся крышей — все, что осталось от хутора.

На звук мотора машины из развалин выбрались пятеро партизан. Впереди шел коренастый, в меховом полушубке, судя по поведению — командир отряда. «Мордатый» высунулся из кабины и радостно завопил:

— Семеныч, принимай улов! Взяли тепленькими. Рыпнуться даже не успели.

— Сколько? — спросил тот.

— Одиннадцать рыл и один офицер.

— Ого! Хорошо порыбачили. Давай показывай, — командир подошел к машине.

— Щас! — живо откликнулся «мордатый» и, выбравшись из машины, приказал: — Хлопцы, выгружай гадов!

— Михалыч, може, сразу вперед ногами? — откликнулись из кузова, и из-под тента показалась расплывшаяся в ухмылке физиономия.

— Успеется, Санек. Давай-давай, выгружай! — поторопил «мордатый» — Михалыч.

Санек хмыкнул и принялся выталкивать пленных из кузова, последним выпихнул Петра. Тот после апперкота с трудом держался на ногах, и если бы не Рейхер, подставивший плечо, то свалился бы в снег. Сбившись в кучку, диверсанты затравленно озирались по сторонам.

— Че как бараны жметесь? Вас шо, суки продажные, немчура порядку не научила? — рыкнул на них «мордатый».

— Михалыч, а може, они с переляку в штаны наложили? — продолжал язвить Санек, и дружный смех раздался на поляне.

— А мне оно до одного места, в штаны или куды. Я кому сказал, строиться! — начал терять терпение Михалыч и ткнул стволом автомата в Асланидзе.

Тот судорожно дернулся и шагнул из кучки диверсантов. Вслед за ним в вихляющуюся шеренгу встали остальные. Командир партизан, до этого молча наблюдавший за происходящим, прошел вдоль строя, остановился у Рейхера и потребовал:

— Фамилия, имя, часть?

Тот ожег его взглядом и не ответил.

— Семеныч, держись от него подальше. Смотри, как зенками сверкает. Плюнь — и зашипит, — съязвил Михалыч.

— Шо с ними цацкаться? Кончатъ — и точка! — предложил Санек.

— Не, Санек, лучше на их брехуна Геббельса сменять. Тот нам вместо петуха по утрам кукарекать будет, — продолжал язвить Михалыч.

Но командиру было не до шуток, в любое время могли появиться гитлеровцы, и он поторопил:

— Все, хлопцы, кончай петь частушки, делом надо заниматься. Саня, бери фрица за рога и тащи в схрон, там будем разбираться.

Санек вскинул автомат и, направив его на Рейхера, приказал:

— Шнель!

Рейхер ссутулился и, загребая ногами снег, побрел к лесу. Строй диверсантов дрогнул. Они со страхом ждали развязки. Поведение партизан говорило том, что ждать ее недолго. Командир отряда прислушался к тому, что происходило на дороге, и, бросив беспокойный взгляд на часы, распорядился:

— Михалыч, быстренько разберись с этим сбродом и потом к нам бегом.

— Есть, командир! — заверил Михалыч.

— Только не затягивай, — поторопил тот и направился вслед за Рейхером.

Михалыч, проводив командира взглядом, возвратился к диверсантам, остановился около Петра и, буравя его жгуче-черными цыганскими глазами, процедил:

— Ты, помнится, шось в машине вякал или мне послышалось?

Петр слизнул с губ сгустки запекшейся крови и промолчал.

— Он шо, у вас немой? — рявкнул Михалыч и, схватив за воротник побледневшего Белодода, прошипел: — А ты шо скажешь, гнида?

— Мы... мы из рабочей команды, — промямлил тот.

— Из рабочей? И где же ты робыл, шо таку харю наел?

— У-у... меня она всегда такая, я...

— Не брещи, падла! Я вас, сук продажных, насквозь вижу! Щас ты у меня по-другому запоешь! — пригрозил Михалыч и, обернувшись, позвал: — Мыкола, подь сюды! Е работа для тебя.

Верзила, сидевший на пеньке и все это время угрюмо наблюдавший за происходящим, достал из кармана ватника казацкую нагайку и, помахивая ею, двинулся к диверсантам. Обстановка все больше накалялась.

Масла в нее подлил партизан, копавшийся в кузове. Он нашел мешок с красноармейским обмундированием и, потрясая им, крикнул:

— Михалыч, ты подывысь на цэ! От же падлюки!

Злорадная ухмылка зазмеилась на физиономии «мордатого», и, надвинувшись на Белодеда, он зловеще процедил:

— Ну, сука, кажи, шо цэ за рабочая команда?

— Э-это не наше, — промямлил тот.

— Не бреши, гад!

— Кончай его, Михалыч! Цэ ж диверсанты! Шпионы! — вопили партизаны.

Бурая физиономия Михалыча по цвету уже напоминала бурак. Он вышел из себя и пнул Белодеда в живот. Тот рухнул на землю и, завыв на одной ноте, закрутился волчком. Диверсанты попятились назад, но грозные окрики и лязг затворов автоматов заставили их замереть. Со страхом и ненавистью они смотрели на беснующегося «мордатого». Ему вторили партизаны:

— Михалыч, шо с ними чикаться? В расход их! В расход!

Кольцо разъяренных партизан все тесней сжималось вокруг диверсантов. Они, затравленно озираясь по сторонам, пятились к грузовику. Развязка неумолимо приближалась. У кого-то сдали нервы, он рванул ворот ватника и истерично закричал:

— Стреляй, стерва! Мало я вас, курв...

Автоматная очередь, заглушая голоса, просвистела над головами диверсантов и высекла сноп искр из скалы. Михалыч в последний момент успел подбить руку автоматчика.

И здесь у Шаликашвили нервы сдали окончательно. Всхлипнув, он рухнул на колени и взмолился:

— Не стреляйте! Я все скажу! Все... Это — диверсанты! У них важное задание. Рейхер — старший. Петренко...

Договорить Шаликашвили не успел. Удар сапогом пришелся ему в лицо и опрокинул на спину. «Мордатый» вскинул автомат и нажал на курок — очередь снесла у Шаликашвили полчерепа.

Глава 13

Раскатистое эхо выстрелов еще долго гуляло по окрестностям, пока не затерялось в глубине гор. Остолбеневшие диверсанты обескураженно смотрели то на партизан, то на распластавшееся тело Шаликашвили. Окончательно их повергло в шок неожиданное появление на поляне целого и невредимого Рейхера. Он вышел из-за скалы, его руки были развязаны, а фуражка по-прежнему щеголевато сидела на голове. Рядом с ним, как ни в чем не бывало, вышагивал командир партизан. Его подчиненные, оставив диверсантов в покое, стали в строй, и «мордатый» подал команду:

— Смирно!

— Вольно, Михалыч, это уже лишнее, — махнул рукой Рейхер.

— Вольно! — повторил тот.

Строй лжепартизан рассыпался, и они возбужденно загалдели. А диверсанты продолжали стоять, как окаменевшие. То, что с ними произошло за последние полчаса, трудно было представить в самом кошмарном сне. На что, казалось бы, тертый калач Петренко, и тот изменился в лице. После «круга гладиатора» подобного коварства от Штайна вряд ли он, да и кто-либо другой ожидал. И когда шок прошел, их прорвало: одни вслух, а другие, бормоча под нос ругательства, принялись костерить на чем свет стоит лжепартизан. Еще мгновение и на поляне началась бы драка — Асланидзе вцепился в «мордатого», но вовремя вмешался Рейхер.

— Асланидзе, назад!

Диверсант что-то промычал, но подчинился и отпустил своего мучителя. Остальные тоже притихли и ждали, что следует дальше. Рейхер, обойдя тело Шаликашвили, подошел к «мордату» и, потрепав по плечу, сказал:

— Гут, Михалыч!

— Рады стараться, герр лейтенант, — ответил тот.

— Хорошая работа.

— Плохой у нас не бывает, — снисходительно заметил командир лжепартизан и напомнил: — Большевики цацкаться не будут, поэтому пусть не обижаются, если кому-то...

— Не пугай — пуганые уже, — перебил его Рейхер.

— Я так, к слову.

— Не накаркай, — зло бросил Петр и ожег взглядом «мордатого».

Тот пожал плечами и хмыкнул:

— Извини, не рассчитал.

— Если я стану рассчитывать, то не ошибусь, — пригрозил Петр.

— Че-го-о? — «мордатый» подался на Петра.

— Прекратить! — прикрикнул на них Рейхер.

— Михалыч, не залупайся, — осадил «мордатого» командир лжепартизан и спросил у Рейхера: — Мы свободны?

— Да. Капитану Пинкерту наилучшие пожелания.

— Яволь, герр лейтенант! Удачи вам! — пожелал диверсантам командир особой группы, действовавшей при местном отделении гестапо, а затем гаркнул: — Все, хлопцы, маскарад закончился! Собирай манатки! Митяй, эту пададь, — командир группы пнул ногой тело Шаликашвили, — засунь, куда подальше.

Лжепартизаны загалдели и толпой повалили к дороге, там их ждала машина. Митяй же, ухватив за ногу труп Шаликашвили, потащил его к расщелине в скале.

Столбняк, в первые минуты охвативший диверсантов, прошел. Они уже не обращали внимания на подскакивающую на камнях, будто футбольный мяч, голову мертвого Шаликашвили. Жестокый закон — слабый должен умереть, — который каждый испытал на собственной шкуре, приучил цинично относиться к чужой жизни. Их неестественно громкие голоса и нервный смех еще какое-то время звучали на поляне.

Рейхер не стал тратить время на слова — все сказала безжалостная проверка — и приказал садиться в грузовик. Разобрав оружие, диверсанты забрались в кузов. Машина тронулась и, пробившись сквозь сугробы, сползла на дорогу.

К последнему пункту назначения, хутору Эриванский, группа добралась без остановок. Здесь ее ожидал вездесущий Райхдихт. Пока диверсанты разгружали машину и занимали места в блиндаже второго горнострелкового батальона «Эдельвейс», он вместе с Рейхером и Петром отправился к его командиру капитану Дику.

Тот находился на командном пункте и встретил их довольно сухо. Для него заброска в тыл большевиков разведывательных и диверсионных групп абвера чаще всего оборачивалась головной болью. Начальство, как всегда в таких случаях, стараясь застраховать себя перед всеильной контрразведкой, а в случае неудачи спихнуть ее на подчиненного, заваливало штаб батальона «ценными» указаниями. На этот раз оно вовсе озверело и потребовало от Дика, чтобы его разведчики расчистили проход в тыл к большевикам для чистоплюев из абвера.

Последние двое суток он только тем и занимался. Но его доклады о ходе обеспечения операции абвера командиру полка показались неубедительными. Накануне в расположение батальона прикатил начальник штаба майор Фогель. Судя по тому, что он не погнушался собственным осанистым брюшком проутюжить передовую и замучил командиров рот дурацкими вопросами о плотности огня противника на квадратный метр, Дик сделал вывод: абвер готовит важную операцию.

От этого ему не стало легче. За то время, что Фогель провел в батальоне, он успел своим занудством проесть плешь на голове всем штабным и извести дурацкими вопросами командиров рот. Дик уже не мог без зубовного скрежета воспринимать его «Почему?», «Насколько вы гарантируете?».

Масла в огонь взаимной неприязни подлило то, что ни один из маршрутов вывода диверсионной группы в тыл к рус-

ским, предложенных Диком, Фогель не принял. Лишь после ожесточенного спора он с большими оговорками согласился с тем маршрутом, который проходил на стыке первой и второй рот. На его решение повлияли не столько доводы Дика, сколько предстоящий приезд Райхдихта. Тот с минуты на минуту должен был появиться в батальоне. Перестраховщик Фогель, не желая лишний раз связываться с абвером, сделал ловкий ход — сославшись на неотложные дела, потребовал от Дика выслать в полк план вывода диверсантов в тыл к большевикам после согласования с Райхдихтом, а сам смылся в Крымскую подальше от греха.

Поэтому столь недружелюбное отношение Дика к Рейхеру и Петренко было объяснимо. Он, старый служака, с первых дней войны тянувший нелегкую лямку окопного офицера, с откровенным презрением относился к лощеным шаркунам из штабов и ценил только тех, кто под пулями доказал свое умение воевать.

В этой своеобразной табели о рангах абверовцы находились на одном из последних мест. Но после нескольких минут общения с Рейхером и Райхдихтом Дик оттаял. По повадкам и разговору они не походили на тыловых крыс, заседавших в теплых кабинетах и мотавших жилы фронтовикам на допросах. Наметанным взглядом он определил в командире группы диверсантов, немногословном силаче, матерого «волкодава», способного дать фору лучшим разведчикам его батальона.

В холодном взгляде серых глаз Рейхера Дик заметил так хорошо знакомый хищный блеск — блеск настоящего охотника, которому было не привыкать играть в прятки со смертью. Лейтенант не корчил из себя супермена, не пытался надуть щеки и не стал копаться в карте и планах, которые успел за сутки сотворить Фогель. Он лишь бегло просмотрел их и внимательно выслушал предложение Дика. То, что тот несколько часов назад с таким трудом вдавливал в оловянную голову начальника штаба полка, Рейхер уловил на лету и после уточняющих во-

просов поставил размашистую подпись на карте. Вслед за ним, без разговора, расписался Райхдихт. Третий, русский, которого Дик демонстративно игнорировал, набрался нахальства и задал вопрос:

— Господин капитан, а что известно о расположении постов большевиков вот в этом районе? — палец Петра опустился на ту часть карты, где маршрут движения диверсионной группы выходил к горному озеру.

Дик перевел взгляд на Рейхера — тот кивнул головой — и холодно произнес:

— Ничего. Это не наша зона ответственности.

— А где можно получить информацию?

Дик пожал плечами и не удостоил взглядом Петра. Нахальный славянин вел себя на КП, как у себя дома, и бесцеремонно совал нос в дела офицеров. В душе капитана-служаки вновь поднялась волна раздражения. К большинству русских он относился с патологической ненавистью, и было за что — большевистские фанатики в последних боях оставили от батальона чуть больше половины. По его твердому убеждению, те немногие, что бежали от Сталина, в лучшем случае годились на то, чтобы выполнять грязную работу — вешать и расстреливать. Этот русский, похоже, представлял собой редкий интеллектуальный экземпляр зарвавшегося хама.

«Мерзавец! Напялил на себя священный для прусского офицера мундир элиты вермахта — горных стрелков и вообразил себя арийцем», — негодовал в душе Дик.

А Петр, казалось, не замечал или делал вид, что не замечает этой откровенной враждебности, и склонился над картой. Он внимательно рассматривал расположение передовых и скрытых дозоров, опорных пунктов и минометных батарей не только в полосе обороны батальона, но и соседних.

— Петр, у тебя все? — поторопил его Рейхер.

— Одну минуту, Кенак, кое-что надо уточнить, — и он прильнул к окуляру стереотрубы.

Дик с откровенным презрением смотрел на его неловкие манипуляции с ней. Русский продолжал что-то высматривать среди занесенного снегом леса и вдруг с его губ сорвалось:

— Черт!

Этот возглас не остался незамеченным. Рейхер прервал разговор с Райхдихтом и насторожился:

— Что-то не так?

— Не могу понять, надо присмотреться, — ответил Петр и развернул стереотрубу на позиции батальона Дика.

Воспользовавшись ситуацией, он пытался выявить ее уязвимые места. В окуляре возник неправдоподобно огромный ствол сосны, а затем невысокий холм у ее подножия. На нем был навален лапник, за которым проглядывала темная амбразура хитро замаскированного дзота. Вверх от него шел едва заметный ход сообщения, заканчивавшийся новой огневой точкой. Стереотруба пошла вниз, и впереди, в сотне метров, прерывистым серым пунктиром среди снегов проглянула траншея. У Дика иссякло терпение наблюдать за возней нахального русского, и он язвительно заметил:

— Господин лейтенант, ваш ретивый подчиненный, похоже, собрался воевать с моим батальоном или, может быть, он первый раз увидел стереотрубу?

— Так что ты там нашел, Петр? — Рейхеру тоже надоело ждать.

— Похоже, скрытый пост русских, которого нет на схеме, — неуверенно ответил он.

— Не там ищешь, — с уничижительной иронией произнес Дик и предложил Рейхеру с Райхдихтом: — Господа, может, пройдемте на обед, а он пусть потренируется в окопах.

Рейхер добродушно улыбнулся. Райхдихт промолчал. А Петр упрямо продолжал делать свое — повел стереотрубой и остановил на оборонительных рубежах русских.

— Петр, прекрати! — начал терять терпение Рейхер.

— Нет, господа, я не ошибся! — радостно воскликнул он. — Посмотрите сами.

— Интересно, — оживился Рейхер и приник к стереотрубе.

— Смотри левее сосны — бугорок. Темный провал, похоже, амбразура, — подсказал Петр.

— Вижу. Точно! — согласился с ним Рейхер.

— Не может быть? — не мог поверить Дик.

— Посмотри сам, — уступил ему место Рейхер.

— М-да, — только и осталось, что сказать капитану.

— Опасное местечко, как бы не напороться на засаду, — и в голосе Рейхера послышались тревожные нотки.

— Может, изменить маршрут? — предложил Райхдихт.

— Вчера мои разведчики там прошли и ничего — живы. Так что решайте сами, — не стал настаивать Дик.

— Гут, капитан, — не стал ничего менять Рейхер и с ухмылкой заметил: — Если что не доглядели, потом расскажете в контрразведке оберлейтенанту Райхдихту. Он у нас большой любитель говорить по душам, особенно в подвалах.

Его шутка пришлась не по нраву Дику. Он обиженно поджал губы и замкнулся в себе. Райхдихт поспешил сгладить возникшую неловкость и добродушно произнес:

— Кенак, к чему такой черный юмор? Я полагаю, до этого не дойдет.

— Капитан, ты на меня не обижайся. Как говорится, как служим, так и шутим, — извинился Рейхер и дружески похлопал Дика по плечу.

Тот, помявшись, проворчал:

— Ладно, чего там. За обедом разберемся.

— Вот и отлично! — Райхдихт живо подхватил это предложение и первым двинулся на выход.

Они прошли к блиндажу, в котором повар накрыл стол.

Отменно приготовленное мясо и умение Райхдихта вести беседу быстро сгладили горький осадок, оставшийся в душе Дика после злой шутки Рейхера.

Дик оттаял, достал бутылку коньяка и разлил его по рюмкам. Первый тост подняли за удачу, второй — за победу, на этом остановились и налегли на мясо. Обед затягивался, и Рейхер с Райхдихтом все чаще поглядывали на часы. Время поджимало, и они, поблагодарив капитана, покинули теплый блиндаж и возвратились к диверсантам.

Те занимались подготовкой к переходу линии фронта. На деревянном настиле, покрывавшем земляной пол, высилась внушительная горка красноармейского обмундирования, продуктов и личных вещей. В углу лежали взрывчатка, оружие и боеприпасы. Рейхер придирчиво осмотрел содержимое рюкзаков и все лишнее выбросил.

Отдельно на столе аккуратной стопкой лежали документы диверсантов. Райхдихт бегло просмотрел их, сунул в холщовый мешок, а затем заглянул за ширму, отгораживавшую угол блиндажа.

Там Петренко и Асланидзе корпели над схемами, которые ему предстояло захватить с собой в Крымскую. Вооружившись цветными карандашами и линейками, они снимали копию с карты капитана Дика и наносили на нее маршрут движения диверсионной группы от линии фронта к Туапсе, заполняли кодовые таблицы, отмечали контрольные точки и время выхода радиостанции в эфир.

Райхдихт не стал им мешать, возвратился к диверсантам и вместе с Рейхером еще раз внимательно просмотрел документы прикрытия: командировочные, красноармейские книжки и пропуска.

Эту проверку они проводили с особой тщательностью. Тут имели значение любая мелочь и деталь, именно на них, простых на внешний вид красноармейских книжках проваливались многие агенты абвера. Жесткое сито проверок советской контрразведки безжалостно отсеивало тот брак, что допускали спецы из лабораторий, где готовились документы для шпионов и диверсантов.

Пресловутые скрепки из нержавеющей стали, которыми в абвере соединяли липовые документы «красноармейцев», стали тем самым крючком, на который попался ни один агент. Русские то ли по бедности, то ли в силу своего восточного коварства прошивали книжки красноармейцев железными скрепками, которые быстро ржавели, в то время как великолепная крупновская сталь своим предательским блеском с головой выдавала агента абвера. К середине сорок второго в Берлине наконец разобрались в причине столь многочисленных провалов и разразились грозным указанием. Но и потом по чьему-то ротозейству эта роковая скрепка снова всплывала и падала очередных агентов.

На этот раз Самутин не допустил ошибок, и Райхдихту не к чему было придраться. Возвратив документы диверсантам, он отправился к капитану Дику, чтобы на месте еще раз убедиться в готовности спецгруппы батальона к проводке диверсантов в тыл к русским.

Рейхер остался в блиндаже и продолжил осмотр оружия, особенно тщательно проверил укладку взрывчатки. После проверки у стены остались лежать плотно набитые двухпудовые рюкзаки, в оружейной пирамиде матово поблескивали в свете керосиновой лампы советские автоматы ППШ, а в углу — груда лишнего хлама.

— Все, парни, отдыхать! — распорядился Рейхер и прилег на нары.

Диверсанты тоже разбрелись по местам, и вскоре в блиндаже раздался мощный храп. Лишь в углу, за ширмой, продолжали шуршать бумагой и бубнить голоса. Петр и Асланидзе, поругивая начальство, корпели над документами. Занятие муторной канцелярской работой переполнило чашу терпения горячего грузина, и он забастовал:

— Все, Петр. Кончаем эту чертову писанину. Они там дрыхнут, а мы тут с карандашом загибаемся.

— Уже немного осталось, — возразил ему Петр.

— Ну и скотина же Райхдихт! Спихнул на нас свою работу, а сам с Диком шнапс лакает, — не унимался Асланидзе.

— Угомонись, Вано, с контрразведкой ругаться — все равно, что против ветра ссать. В их дела лучше не суйся, — по-советовал Петр и продолжил водить карандашом по карте.

— Слушай, кацо, а какие у него могут быть дела? Нас спихнуть под комиссаров и потом ждать креста на грудь. Сволочь! Мог бы писарчуков Дика за бумажки засадить.

— Ладно себя накручивать. Мы с тобой еще лезгинку на могиле Сталина спляшем.

— Гляди, спляшем! С такими, как Райхдихт, на наших поминках другие спляшут. Нам кинжал точить надо, а не карандаш слюнявить. Все, с меня хватит! Пусть Дик своих дает.

— Их нельзя, работа секретная, — напомнил Петренко.

— Какие на хрен секреты? Что, эти бумажки сраные спасут нас от большевиков?

— Нет. Но порядок есть порядок.

— Какой к черту порядок! Чтоб таким, как Райхдихт, свою жопу прикрыть! — вспыхнул Асланидзе. — Нет, Петр, я тебе удивляюсь. Больше года у фрицев и до сих пор их не раскусил. Они же герры и херы только перед нами и при начальстве, а за глаза друг дружку готовы подставить, чтоб в окопы не загреметь. Случись что с нами, так этот долбаный Райхдихт мою и твою бумажку под нос Штайну и Гемприху подсунет и еще прибрешет: тут Асланидзе не так проход намалевал, а вот здесь секрет русских не показал. Может, ошибся, а может, гад, большевикам проданся и специально все подстроил. Нет, не знаю, как ты, а я давно понял, что в их сраной разведке чем больше бумажек, тем чище собственная жопа.

— Вано, перестань давить, и без тебя тошно. Перед операцией о другом надо думать, — с раздражением заметил Петр.

— О своей шкуре никогда не поздно подумать! — завелся Асланидзе. — Вспомни, как перед Рождеством, когда стояли

в Краснодаре, на штабе намалевали: «Здесь живут шпионы Гесса».

— Мало ли сволочей бывает. Райхдихту за всеми не уследить.

— Да при чем тут Райхдихт? Я тебе про другое талдычу, — не унимался Асланидзе. — Забыл, что тогда творилось? Этот твой шеф, хитрожопый Самутин, сразу закосил и залег в госпиталь.

— Он мне не шеф, — возразил Петр.

— Какая разнища. То, что он сука конченная — так это точно! — не мог уже остановиться Асланидзе. — А другие? Штольце порога еще не переступил, а они, как крысы, по норам разбежались и одно и то же бубнили: я не я и хата не моя. А Гесс? Вот, сука! До этого неделями не просыхал, а тут враз протрезвел, землю рыл, как бульдозер, под меня копал. Но Бог — не фраер, все видит. Не хуже меня знаешь — залетел Гесс не без помощи Штайна, которому ты с Колядой и Сергиенко жопу лижите.

— Кто лижет? Я? — вспыхнул Петр.

— Ладно, Петя, не лезь в бутылку. В этом гадюшнике мы все такие, — отмахнулся Асланидзе.

— Нет, ты постой!

— А что стоять? Я что — слепой...

— Ах ты, сука! — вскипел Петренко.

Скандал разбудил Рейхера. Доски настила закрипели под тяжестью массивного тела, и его помятая со сна физиономия появилась из-за полога.

— Прекратить! На большевиках дурь показывать будете! — рывкнул он.

Тяжело сопя, Петр и Асланидзе расползлись по углам. Поднятый ими шум разбудил диверсантов. Они ошалело вертели головами и ничего не могли понять. Рейхер бросил взгляд на часы — стрелки приближались к двадцати двум — и приказал:

— Еще раз проверить оружие, документы и приготовиться на выход!

Блиндаж наполнился гамом и лязгом металла. Диверсанты стали одеваться и разбирать оружие. Затем Рейхер заставил их повторять, как молитву, легенду прикрытия. Даже тугодум Белодед без запинки отвечал на самые заковыристые вопросы. Конец проверке положил батальонный повар.

Капитан Дик проявил редкое внимание и прислал им отменный ужин. В термосе дымился крепко заваренный чай, а ароматный запах разваренной гречневой каши пробудил аппетит. Рейхеру приходилось сдерживать самых прожорливых. Набитый под самую завязку живот для диверсанта, тем более в горах, был хуже, чем геморрой в первоклассном госпитале. Ужин подходил к концу, когда из-за ширмы показались мрачные Петр и Асланидзе. Они расселись по разным углам и угрюмо уткнулись в миски, но так и не успели съесть кашу.

Появившиеся в блиндаже Райхдихт и Дик принесли хорошую новость: батальонные разведчики, вернувшиеся с вылазки, доложили — проход на сторону большевиков расчищен. Потоплять диверсантов Рейхеру не пришлось. Каждый хорошо знал цену времени на передовой: здесь все решали минуты, а порой — мгновения.

Взвалив на плечи рюкзаки со взрывчаткой, боеприпасами и провиантом, они выбрались из блиндажа и, вытянувшись в цепочку, вслед за Рейхером поспешили к окопам. Пока удача была на их стороне. Свинцовые, набухшие дождем и снегом тучи, казалось, слились с землей. В кисельной пелене дождя и мокрого снега тонули все звуки. Диверсанты, особо не таясь, выдвинулись на передовую и сосредоточились для решающего броска в траншею первого эшелона.

Рейхер и Петренко, подобравшись, с нетерпением ждали команды Дика. Кому, если не ему, знавшему позиции как свои пять пальцев, было решать, когда группе начинать движение. Он же медлил, напряженно вслушивался и всматривался в чернильную даль. Справа, у вершины горы Голой, время от времени басисто бухал тяжелый миномет. Где-то в глубине обо-

ронительных порядков большевиков надсадно тарахтел дизель. Жизнь на передовой шла своим чередом, и тренированный слух Дика не уловил опасности. Рейхер мысленно благодарил Бога за то, что переход проходил на участке его батальона. От капитана и всего, что он делал, веяло основательностью и надежностью. Перебравшись к нему, Рейхер спросил:

— Может, пора?

— Подождем немного. По моим расчетам, у них должна начаться смена на постах. Под шумок и проскочите.

— Хорошо, — согласился Рейхер и плотнее затянул маскхалат.

Снег перешел в дождь. Холодные, упругие струи хлестали по лицам диверсантам. Спасаясь от него, они искали защиты под скалой, но там не всем хватало места. Белодед не сдержался и зло пробормотал:

— Шо дальше будет? Я уже до жопы промок.

— Добрый хозяин в такую погоду собаку на двор не выгонит, — буркнул Лихобабин.

— Нашел доброго хозяина — Рейхера, — брякнул Белодед и с опаской покосился в его сторону.

Тот не услышал, зато не пропустил мимо ушей Петр и цыкнул:

— Хорош скулить! Погода в самый раз, чтобы шкуры остались целыми.

— Тоже мне, заботливый выискался, — огрызнулся Лихобабин.

— Поговори еще. Я вам...

Конец перепалке положила команда Дика:

— Приготовиться! Густав, пошел!

Первыми из траншеи поднялись батальонные разведчики. Три белых призрака выскользнули из-под скалы и, слившись со снегом, устремились к скальному разлому. Вслед за ними, вытянувшись в цепочку, двинулись диверсанты. Первым полз Петр, за ним — Ломинадзе и Лихобабин. Рейхер занял место

в середине. Замыкал группу Асланидзе. Цепочка, подобно гигантской гусенице, судорожными рывками продвигалась по минному полю. Разведчики и минер капитана Дика по каким-то только им известным признакам находили проход в этом лабиринте затаившейся смерти.

Позади остались минное поле, нейтральная полоса; впереди черным провалом проступила щель траншеи. Петр дал знак остановиться. Диверсанты замерли и прислушались. Прошла минута-другая, он продвинулся вперед и свесился над бруствером. Траншея пустовала. Никого не было и в ходе сообщения, ведущем в блиндаж. Лишь слева, метрах в двадцати, из зарослей орешника доносились неясные звуки. Присмотревшись, Петр заметил слабый огонек. Описав замысловатую петлю, огонек пропал, и в воздухе запахло едким дымом отсыревшей махорки. В том месте, видимо, располагался пост.

Петр подался назад к Лихобабину и прошептал:

— Передай по цепочке: слева пост. Пусть ползут по моему следу. Ты держи его на прицеле.

— Понял, — ответил Лихобабин и возвратился к основной группе.

Петр, перебравшись через траншею, залег за скалой. Движение диверсантов красноармейцы не заметили. Со стороны поста доносились приглушенный говор и, как ему показалось, смех. Часовые и не подозревали, что рядом крадась их смерть. Вскоре разведчики Дика и диверсанты собрались в глубокой расщелине под скалой.

На карте эта скала значилась как контрольная точка номер один. Отсюда группе Рейхера предстоял затяжной спуск по снежнику в долину. Там, у небольшого озера, был запланирован короткий привал, после которого диверсанты должны были превратиться в особую команду инженерной разведки штаба Закавказского фронта, выполняющую специальную задачу командующего. Здесь пути разведчиков Дика и диверсантов разошлись. Во главе группы стал Петр, и она начала спуск в

долину. Цепляясь за кустарник и валуны, он заскользил вниз. Дождь превратил снежный наст в ледяное поле, и ему приходилось напрягать все силы, чтобы камнем не сорваться под откос.

В какой-то момент зыбкая опора ускользнула из-под ног. Все его усилия удержать равновесие оказались тщетными. Рюкзак навалился на голову и опрокинул Петра вниз. Под тяжестью тела снежный наст обрушился, и его захватила лавина. Он отчаянно цеплялся за все, что попадалось под руки, чтобы не сорваться в пропасть. Подвернувшийся на пути корень стал той спасительной соломинкой, за которую Петр ухватился и, чтобы укрыться от падающих комьев смерзшегося снега и глыб льда, вжался в расщелину. Но она не защитила — сильнейший удар пришелся в правое плечо, и рука мгновенно онемела.

«Все, конец», — подумал Петр и от боли на мгновение потерял сознание.

Снежная лавина скатилась в пропасть. Ее отголоски еще долго гуляли в горах, и когда стихли, до Петра, как сквозь вату, донеслось:

— Петренко, живой?

— Здесь я, — подал он голос и попытался встать на ноги. Плечо пронзила жгучая боль, его сознание снова замутилось, и когда прояснилось, то перед ним возникло лицо Рейхера. Тяжелым взглядом он смотрел на неуклюжие потуги Петра и от досады заскрипел зубами. Так тщательно готовившаяся операция, на которую было положено столько сил, в самом начале дала сбой. Петренко стал обузой. Рейхер помедлил секунду, и его рука потянулась к рукоятке ножа. Один короткий колющий удар в горло — и все будет кончено. Петр понял это по его глазам и, преодолевая боль в плече, поднялся и сказал:

— Кенак, я могу идти.

— Идти-то можешь, но что пользы. Нам сейчас каждая минута дорога, — в сердцах произнес Рейхер.

— Тогда, может, сделаем так — я возвращаюсь назад.

— Назад? — и Рейхер задумался.

Затянувшаяся пауза показалась Петру вечностью. Он уже не рассчитывал на снисхождение Рейхера, и рука опустилась на рукоять ножа. То ли это движение, то ли что-то другое заставило гитлеровца изменить решение:

— Хорошо, возвращайся, но...

— Этого не будет. Живым не дамся! — заверил его Петр.

— Удачи, — выдавил Рейхер и приказал: — Асланидзе, вперед!

Диверсанты снова построились в цепочку и заскользили вниз. Скрип снега и слабый треск кустарника еще какое-то время звучали в расщелине и вскоре растворились в шуме дождя. Петр остался один. Собравшись с силами, он направился к советским позициям. Подъем к ним окончательно измотал его. Выбравшись на бруствер траншеи, он еще долго приходил в себя, затем сполз на дно и заковылял в сторону блиндажа. Память не подвела — через несколько десятков метров Петр наткнулся на дверцу и, приоткрыв, окликнул:

— Есть кто живой?

В ответ послышалось невнятное бормотание, затем чиркнула спичка, и тусклое пламя выхватило из темноты заросшее щетиной лицо. Осипший спросонья голос спросил:

— Кто такой?

— Из штаба, — заявил Петр и вошел внутрь.

Навстречу поднялись пять бойцов и, сонно хлопая глазами, уставились на него. Старший — младший сержант — зажег фитиль и, разглядев Петра, поинтересовался:

— Товарищ старший лейтенант, позвольте узнать цель вашего прибытия?

— С целью потом, браток, — и здесь теплая волна согрела Петра: он был среди своих. — Ты мне скажи, ваш особист далеко?

— Та не, рядом.

— Позови, дело срочное! — потребовал Петр, в изнеможении опустился на нары и закрыл глаза. Боль в плече отпустила,

и его охватила блаженная слабость. Ему уже нечего было опасаться. Он был среди своих. «Своих» — промелькнуло в меркнувшем сознании Петра. Вырвали его из прострации громкие голоса. Он тряхнул головой и открыл глаза. Перед ним сидел худощавый младший лейтенант и с откровенным любопытством разглядывал его. Поймав взгляд Петра, он представился:

— Оперуполномоченный особого отдела младший лейтенант Волкодав.

— Как-как? — на лице Петра появилась улыбка.

— Волкодав Владимир Иванович, — повторил особист.

— Д-а, хорошая фамилия. От такого не уйдешь.

— Пока не уходили.

— Это хорошо.

— Так что случилось? — перешел к делу особист.

— Пока нет, но может. Поэтому, Володя, доставай карандаш, ручку и записывай!

— Че-го-о? — опешил тот от такого напора.

— Давай-давай! У меня нет времени, — поторопил Петр.

— Не гони лошадей! Ты вообще-то кто такой?

— Попроси ребят выйти.

— Это еще зачем? — насторожился особист.

— Володя, у нас мало времени, — напомнил Петр.

Волкодав, помявшись, распорядился:

— Дроздов, пока перекантуйтесь у Меланченко!

— Есть, товарищ младший лейтенант, — ответил сержант и вывел подчиненных из блиндажа.

Они остались одни. Волкодав повторил вопрос:

— Так кто ты такой?

— Абвергруппа-102 — слышал про такую? Так вот... — Петр не успел договорить.

Особиста подбросило, будто на пружинах, а пальцы судорожно заскребли по кобуре.

— Да не дергайся ты, Вова. Не шпион я. Я свой! — Петр придержал его руку.

Младший лейтенант, с опаской поглядывая на него, снова присел на лавку и, не спуская руки с кобуры, спросил:

— И все-таки кто ты такой?

— Гальченко, — не стал вдаваться в подробности Петр.

— И что? Мне это ничего не говорит.

— Я выполню специальное задание начальника особого отдела 6-й армии Юго-Западного фронта капитана Рязанцева.

— Такого давно нет.

— Слушай, младший лейтенант, может, хватит играть в шпионов? Дело более чем серьезное, — начал терять терпение Петр.

— И я о том же. С чего я тебе должен верить?

— Ладно, Рязанцева ты не знаешь, но про комиссара госбезопасности 3-го ранга Николая Николаевича Селивановского, слышал?

— Н-у-у, — промычал особист.

— Не ну, а гну! Только что на участке твоего полка прошла диверсионная группа абвера, а ты...

— Че-го-о? — и особист сорвался с лавки.

— Сядь! Ты чего такой дерганый? Далеко не уйдут. Давай записывай! — потребовал Петр.

— Точно не уйдут?

— Не уйдут, если суетиться не станешь.

Волкодав присел на лавку. Достал из полевой сумки листки бумаги, химический карандаш и, нетерпеливо поглядывая на Петра, приготовился записывать. Тот откинулся на стенку — боль из плеча прострелила в спину и притихла — и стал диктовать:

— Диверсионная группа абвера в составе 11 человек, нет — теперь десяти. Командир — лейтенант Кенак Рейхер. Приметы: рост около 190 сантиметров. Фигура богатырская. Так и пиши — богатырская. Лицо, как на плакате «Солдат рейха». Имеет документы прикрытия на капитана Альтшулера Германа Оскаровича, начальника особой команды инженерной разведки штаба Закавказского фронта...»

Петр продолжал перечислять истинные и вымышленные фамилии диверсантов, их приметы. Волкодав торопливо записывал и не уставал повторять: «Вот это да! Вот это бомба!». А когда на лист легло последнее предложение, уже не смог сдержать своего восхищения и воскликнул:

— Ну, ты даешь, парень! Тебя к герою надо представлять!

— Да ладно тебе, ну какой там герой. Тут живу бы быть, а остальное приложится, — смутился Петр.

— Это, конечно, так, — согласился Волкодав и, заметив болезненную гримасу на его лице, спросил:

— Что с тобой? Ты не ранен?

— Нет. Похоже, вывихнул плечо.

— Давай к санинструктору.

— Не могу, надо назад, в их гадюшник.

— Как же ты доберешься?

— Как-нибудь.

— погоди, так нельзя, мало ли что. Я сейчас сюда санинструктора дерну, — засуетился Волкодав.

— А вот это, Володя, лишнее. Чем меньше обо мне знают, тем надежнее, — положил конец спору Петр. — И еще. Доложи Селивановскому: в Краснодаре у начальника типографии Бойко лежит мой пакет, в нем список агентов, которых абвер забросил в декабре прошлого года и январе нынешнего. Связник пусть ищет меня в Крымской. Штаб группы находится на бывшем консервном заводе. Пароль — «Поклон от Павла Андреевича». Отзыв — «Как он поживает?». Запомнил?

— И запомнил, и запишу! — заверил Волкодав.

— Мне пора. Выведи так, чтобы бойцы не заметили, куда я девался, — попросил Петр и приподнялся с лавки.

Болезненная гримаса исказила его лицо. Волкодав поспешил подставить плечо. Они выбрались из блиндажа и по ходу сообщения дошли до передовой траншеи. Дождь к этому времени прекратился, и впереди проступили колючие заграждения.

Петр глубоко, как перед прыжком в воду, выдохнул, выбрался на бруствер и, оглянувшись, сказал:

— Волкодав, ты должен придушить этих бешеных псов Канариса! Обещай.

— Сделаю. Они не уйдут, — заверил тот и вдогонку спросил: — Тебя-то как зовут?

— Как того царя.

— Царя? Это которого?

— Нормального, — бросил в ответ Петр и пополз к позиции батальона капитана Дика.

Двести метров нейтральной полосы дались ему нелегко. Он взмок, как мышь, когда наконец услышал немецкую речь. Передохнув, Петр собрал остатки сил, одним рывком преодолел последние метры и сполз в окоп. Несмотря на проснувшуюся боль в плече, его душа ликовала — он выполнил еще одно задание советской контрразведки: рано или поздно диверсанты Рейхера будут обезврежены.

Блиндаж Дика, полковой медик, кружка шнапса, опалившего рот, острая боль в вывихнутом плече и снова изумленное лицо Волкодава путались и мешались в сумеречном сознании Петра, а потом он провалился в бездонную яму.

Утром его разбудил Райхдихт. На лице оберлейтенанта гуляла довольная улыбка. Группа Рейхера благополучно прошла вторую контрольную точку у Геленджика и быстро продвигалась к конечной цели — Туапсе. Дальше задерживаться в расположении батальона капитана Дика не имело смысла. И они, наскоро перекусив, выехали в Крымскую.

Солнце еще не успело подняться из-за гор, и водитель давил на газ, чтобы не попасть под бомбежку. Бешеная тряска отзывалась тупой болью в плече, но Петр старался не обращать на нее внимания. На базу в Крымской они добрались без остановок — русская авиация была бессильна перед плотным туманом. Встретил их сам Штайн. Посочувствовав Петру, он

тут же забыл о нем. Сейчас его заботило только одно — успех группы Рейхера.

До очередного выхода на связь радиста группы оставались считанные часы. Наступил вечер. Прошел контрольный срок. Истекло время резервного выхода, а эфир безжизненно молчал. На настойчивые вызовы Пантеры, которые радиоцентр посылал всю ночь, Вольф не отвечал. За окном забрезжил унылый мартовский рассвет, и всем, даже сонно клевавшему над ключом передачи радисту, стало ясно — группа Рейхера стало пятой в печальном списке потерь под Туапсе. Но Штайн упорно гнал прочь эту мысль. Он все еще надеялся, что такой ас, как Рейхер, не мог провалиться.

Прошло двое суток, а радист Вольф так и не отозвался на вызовы разведцентра. Все это время Штайн не покидал кабинета и жил надеждой, что группа даст о себе знать. Требовательный звонок телефона ударил по напряженным нервам. В Запорожье потеряли терпение — на связь вышел сам Гемприх. Он был немногословен, его интересовали результаты выполнения операции. Штайну докладывать было нечего, он старательно подыскивал слова, чтобы смягчить справедливый гнев, но они застревали в гортани.

— Господин подполковник, позавчера группа находилась в районе Геленджика. Связь была устойчивая...

— Где она сейчас? — перебил Гемприх.

— Затрудняюсь ответить. Пока не удастся установить связь.

— Почему?

— Не могу знать.

— А что вы вообще знаете? — взорвался Гемприх и обрушился с обвинениями: — Штайн, вы все развалили! Все! Пятую группу угробили! Что мне прикажете докладывать в Берлин? Что?

— Мы принимаем меры. Мы...

— Какие к черту меры. Теперь приму их я! — прорычал Гемприх.

Штайн пытался еще что-то сказать, но Гемприх не стал слушать и бросил трубку. Спустя сутки из Берлина Пиккенброк разразился разгромной шифровкой, не оставляющей от предыдущей службы и карьеры Штайна камня на камне.

Строго конфиденциально

Лично

Исполняющему обязанности начальнику абвергруппы-102

Оберлейтенанту Штайну

Срыв задачи по объектам «Д» в Туансе, участвовавшие в последнее время провалы разведывательно-диверсионных групп, отсутствие в течение длительного периода оперативно значимой информации о планах и действиях противника свидетельствуют о слабой организаторской работе руководства группы и о возможном наличии в ее составе агентуры НКВД.

В связи с этим по указанию адмирала Канариса в ближайшие дни для проверки состояния оперативно-служебной деятельности группы будет направлена комиссия из числа сотрудников центрального аппарата. Возглавит ее полковник Штольце. Все его указания подлежат неукоснительному исполнению.

Пиккенброк

Отправлено:

20.00. вр. бн.

Глава 14

Прошла неделя со дня поступления в абвергруппу-102 шифровки Пиккенброка, и после нее как обрезало. В Запорожье, Берлине и Кракове, где сейчас находился адмирал Канарис, будто забыли о ее существовании. Приезд из штаба абвера полковника Штольце с проверкой переносился со дня на день. Затянувшееся молчание ничего хорошего не сулило

ни самому Штайну, ни его подчиненным. У них на памяти еще были свежи последствия работы подобной комиссии в декабре прошлого года в Краснодаре.

Теперь же после провала задания группой Рейхера, которое находилось на личном контроле у Канариса, не только Штайну, а всей группе грозил разгром. Она замерла в нервном ожидании. Заброска диверсантов за линию фронта прекратилась, набор новых — не проводился, а работа с оставшимися велась через пень-колоду. Даже такие служаки, как Бокк и Кугл, забросили муштру и смотрели сквозь пальцы на откровенное безделье инструкторов.

Угроза, исходившая со стороны комиссии Штольце, а еще больше — от наступающих русских войск, нависала как дамоклов меч. Петля окружения вокруг группировки войск фельдмаршала Клейста, зажатой на Таманском полуострове, затягивалась все туже.

И только Райхдихт с его тайными агентами лезли из кожи вон, чтобы отыскать затаившегося шпиона. Он торопился до приезда Штольце обнаружить мерзавца, чтобы за провалы не поплатиться собственной головой. То, что ему удалось накопать за последние дни, было зыбко и неубедительно. Под подозрение попали многие, а конкретных доказательств вины Шойриха, по уши погрязшего в спекулятивных сделках, а также Коляды и Петренко, засветившихся на подозрительных контактах с местными жителями, не находилось.

Очередной день не принес облегчения Райхдихту. Склонившись над столом, он уныло ковырялся в сообщениях и справках осведомителей, пытаясь выудить в этом нагромождении слухов и предположений тот неоспоримый факт, который мог привести к вражескому агенту.

Внезапно земля под ногами качнулась, стены угрожающе затрещали, а стекла в окнах разлетелись вдребезги. Чудовищный силы взрыв стер с лица земли казарму второго учебного отделения. Окраины Крымской и предгорья утонули в море

огня. Войска Закавказского фронта начали решительный штурм «Голубой линии», казавшейся непреступной, — системы обороны, воздвигнутой на Кавказе лучшими инженерами рейха.

Штайну с Райхдихтом пришлось начать спешную эвакуацию группы.

Серая лента из машин и повозок выползла за ворота и, утопая в грязи, взяла направление на приморский город Темрюк. Там Штайна встретил оберлейтенант Краузе и передал приказ Гемприха: следовать дальше к порту Тамань, а оттуда переправляться в Керчь. Дорога к переправе заняла почти пять часов, и только поздним вечером группа наконец вышла на берег Керченского пролива.

В порту царил невообразимый хаос. Отыскать в этом бедламе коменданта порта и просить у него помощи было бесполезно. Поэтому Штайн решил действовать на свой страх и риск. По его приказу комендантское отделение, усиленное инструкторами, ринулось на штурм ближайшей баржи. На нее шла погрузка румынского стрелкового батальона.

Осипший, заросший густой щетиной майор-пехотинец попытался преградить путь здоровяку Райхдихту и сунул под нос бумагу, усыпанную лиловыми печатями. Тот отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и пошел на пролом. На борту баржи возникла короткая и яростная потасовка. Конец ей положили автоматные очереди. Пули, просвистевшие над головами румын, сделали их более сговорчивыми.

Через час баржа с группой на борту, осев ниже ватерлинии, с трудом отчалала и взяла курс на Керчь. Четыре с лишним километра, разделявшие берега, показались Штайну и его подчиненным дорогой в ад. Русские штурмовики на бреющем полете пронеслись над переправой и раскручивали свою смертельную карусель. Вода вокруг вскипала от шквала пуль и вздыбливалась чудовищными фонтанами разрывов авиационных бомб. Пролив напоминал огромный, бурлящий котел,

в котором варились кровь и плоть человеческих тел, пропитанных мазутом.

Баржа, получившая две пробоины в правом борту, чудом преодолела этот ад и уткнулась форштевнем в крымский берег. Краузе, ранее наезжавший в Керчь из Темрюка для координации разведывательной работы с командиром военно-морской базы корветен-капитаном Роттом, несмотря на кромешную темноту, быстро нашел в хитросплетении узких улочек штаб базы. Здесь группа несколько дней приходила в себя после эвакуации. В конце недели из Запорожья от Гемприха пришел приказ, предписывавший Штайну разместиться в Евпатории и приступить к работе.

Тихий приморский городок на западном побережье Крыма не привлекал внимания советской авиации. Здесь царил настоящий немецкий порядок, и Штайн со штабом смог спокойно заниматься своим непосредственным делом. Пока инструкторы вместе с агентами-курсантами занимались оборудованием учебной базы, Краузе с Самутиным объезжали лагерь военнопленных и занимались вербовкой агентов, а Штайн с головой погрузился в служебные дела. Но развернуть работу в Евпатории ему так и не удалось. От Гемприха поступило новое распоряжение: перебазироваться под Винницу, в местечко Вороновицы.

Украинская провинция встретила группу патриархальной тишиной и покоем. Здесь о войне напоминал лишь гул ночных дальних бомбардировщиков, направлявшихся на Курск, Воронеж и Ростов.

Сельская школа в Вороновицах, отведенная под центр подготовки диверсантов и агентов-разведчиков, подходила для этих целей как нельзя лучше. Парк из вековых дубов и лип надежно укрывал от посторонних глаз штаб, служивший одновременно и учебным корпусом. Соседство с батальоном СС отпугивало партизан и местных подпольщиков не только от села, но и от ближайших хуторов. Впервые за последние месяцы Штайн и его подчиненные получили идеальные условия для работы.

Меньше чем за неделю Райхдихт, Самутин, Коляда и Петренко подобрали из числа военнопленных, местных полицейских и украинских националистов полный комплект кандидатов в агенты. На этот раз работа не пошла насмарку. Контингент оказался весьма перспективным, особые надежды подавали националисты — они люто ненавидели советскую власть. Первые же заброски диверсантов в тыл советских войск оказались результативными и показали, что группа способна решать сложные задачи. Штайн снова оказался в фаворе у Гемприха. Речь о проверке группы комиссией Штольца уже не шла.

Эти успехи абвера не давали покоя Петру. Собранные им сведения лежали мертвым грузом. На связь с ним так никто и не вышел, а попытку подобрать надежного помощника среди жителей Вороновиц, через которого можно было бы переправить за линию фронта разведматериалы, оказались безрезультатными. Но он рук не опустил.

В его голове вызрел новый дерзкий план, как одним махом покончить с «осиным гнездом» абвера. Он решил его сжечь! Старое здание школы, где размещались штаб и офицерское общежитие, а также бараки для курсантов, построенные из дерева, должны были вспыхнуть, как порох. Своим планом он поделился с Василием Матвиенко.

— Правильно! Спалить — и ни каких концов! — подержал он.

— Где только столько бензина найти. Штаб, общага, учебный корпус... — принялся перечислять Петр.

— В первую очередь спалить сволочугу Штайна.

— Итого четыре места. Одной канистрой не обойтись. А если еще дождь?

— Наберу, — заверил Василий.

— А как же Рольф? Он ведь каждый литр считает.

— Обдурю.

— Каким образом?

— На выездах буду потихоньку сливать, он и не побачит.

— Вариант, — согласился Петр и тут же прикинул: — Надо литров двадцать. За неделю наберешь?

— Може, и раньшее.

— Так, с бензином понятно. А как палить станем? Четыре места поджечь одновременно и чтоб часовые не заметили, тут хоть разорвись, а не успеем.

— Если пошустрить, то сробим.

— Вряд ли, — усомнился Петр, достал лист бумаги и принялся чертить схему.

Она наглядно подтверждала его сомнения. При всем старании и самых ленивых часовых их замысел поджечь четыре объекта одновременно и остаться незамеченными осуществить было практически невозможно. Флигель Штайна находился в сотне метров от штаба, а между общежитием и учебным корпусом расстояние было и того больше. Дополнительным и существенным препятствием являлись сторожевые псы; ими охранялись учебный корпус и флигель Штайна.

— Как ни крути, Вася, а больше двух мест не закроем, — с горечью констатировал Петр.

— Сможем, Иваныч, — оживился Матвиенко и предложил: — А если подключить к делу Ивана Ковалю?

— Рановато. Надо бы еще присмотреться.

— Сколько можно? Он наш.

— Без проверки и сразу в такое дело? Рискованно.

— Вот и проверим, — наседал Василий.

— Ладно, — согласился Петр и предупредил: — Прежде чем с ним о деле говорить, прощупай, а там уже решать будем.

— Обижает, Иваныч, я не пацан.

— Знаю, но, как говорится, береженого Бог бережет.

— Все будет нормально. Ох, и пустим же мы фрицам гарного красного петуха. Помнишь, как в Краснодаре Гесса спалили? Здорово получилось, — ударился в воспоминания Василий.

— Да, хорошо потрясли, — был более сдержан Петр в оценках и напомнил: — Вась, ты с Ковалем не затягивай.

— Не вопрос, Иваныч, в ближайшие дни переговорю, — заверил он.

В своей оценке Ковалья Василий не ошибся. В первом же их разговоре Иван согласился участвовать в уничтожения абвергруппы-102. Теперь уже вместе они начали готовиться к осуществлению плана. Василий тайно накапливал запасы бензина, а Петр с Иваном оборудовывали для него хранилище в столярке, где работал Коваль.

Подходил к концу май. Все было готово. Осталось только дожждаться подходящего случая. И вскоре он представился.

Очередная удачная заброска группы агентов в советский тыл по уже сложившейся традиции должна была ознаменоваться грандиозной попойкой инструкторов.

Всего несколько часов оставалось до того момента, когда с абвергруппой-102 было бы покончено. Но роковая ошибка Ивана сорвала план и поставила смельчаков под удар: он проговорился о нем своему «другу», а тот оказался осведомителем и немедленно донес Райхдихту. Ивана и Василия тут же арестовали. Шансов спастись не было. На руках у гитлеровцев находились неопровержимые улики — емкости с бензином. Арестованных подвергли жестоким пыткам, но они не выдали Петра и мужественно приняли смерть.

Оставшись один, Петр не забился в нору и продолжил опасную работу. Втайне изготовил дубликаты оттисков печатей и штампов, переснял фотографии, анкеты на агентов и ждал подходящего случая, чтобы переправить материалы советским контрразведчикам. Но случай так и не представился. И тогда Петр решил вновь взорвать ситуацию в группе.

На этот раз объектом замысла стали инструктор зондерфюрер Венчик и его агенты, готовившиеся к заброске в район Ростова. Вскоре подвернулся и удобный случай для полного подрыва доверия к зондерфюреру и его выкорышам. В группе прошли зачеты, и со дня на день должен был поступить приказ о начале операции. Естественно, инструкторы собрались от-

метить это событие. Стол накрыл Венцик. Петр не поскупился выставить четверть первоклассного самогона-первача. Банкет прошел на ура и закончился далеко за полночь.

Утро 27 апреля в группе началось, как всегда, с доклада дежурного Штайну. Потом старшие учебных групп развели курсантов по рабочим точкам. Задержка произошла только в четвертой — дежурный не смог найти зондерфюрера Венцика. Спустя час в кабинет Штайна ворвался Райхдихт — на нем не было лица. За его спиной с почерневшей физиономией и потухшим взглядом стоял, едва держась на ногах, Венцик. Не лучше выглядели Коляда, Петренко и Самохин. Внутри Штайна что-то оборвалось и ледяным холодком растеклось по груди. Райхдихт подтвердил его самые худшие предположения — агент НКВД снова начал действовать.

Ночью у Венцика исчезли списки агентуры, анкетные листы и фотографии участников диверсионной группы. Поиск их по горячим следам ничего не дал. Сам Венцик ничего определенного сказать не мог, так как с трудом ворочал языком. Собутыльники по вчерашней пьянке — Самохин, Петренко и Коляда — несли какую-то околесицу.

Нечленораздельное мычание пьяной троицы взорвало Штайна. Он вскочил из кресла и в ярости заметался по кабинету. На этот раз досталось и Райхдихту. Он попытался оправдаться, но этим только подлил масла в огонь. Рассвирепевший Штайн припомнил ему все: уход к партизанам восьми курсантов, провал групп диверсантов под Туапсе, позор в Краснодаре и, наконец, действовавшего под носом шпиона Шевченко. Кончился разнос тем, что Венцик отправился под домашний арест, а Самохин, Петренко и Коляда оказались под замком в камере. Все остальные во главе с Райхдихтом принялись переворачивать вверх дном комнаты общежития, учебные классы и туалеты с умывальниками.

Проверка продолжалась до глубокого вечера и, несмотря на все усилия, ни к чему не привела — ни тайника, ни самих

документов, а тем более вражеского агента, обнаружить не удалось. Они словно провалились под землю. Дальше скрывать происшествие Штайн не решился, так как подозревал, что по линии контрразведки Райхдихт успел доложить.

Непослушной рукой Штайн поднял трубку телефона и заказал Запорожье. Ему ответил подполковник Гемприх. С трудом подбирая слова, чтобы смягчить удар, Штайн начал издали, но опытный служака по интонациям в голосе догадался, что в группе произошло очередное ЧП, и потребовал не ходить вокруг да около. Не дослушав доклад до конца, Гемприх разразился угрозами и оскорблениями. Штайн молча глотал их, затем нервное напряжение неожиданно спало, и он безвольно обмяк в кресле. Ему все стало безразлично — крик Гемприха, доносившийся из трубки, беготня курсантов за окном и сама работа, которая теперь теряла всякий смысл.

Жизнь в группе замерла. Со дня на день в Вороновицах ждали приезда комиссии Штольце. Офицеры ходили как в воду опущенные, инструкторы и курсанты втихую попивали самогон и поигрывали в карты. В кабинет № 1 штаба избегал заходить даже Райхдихт.

Постепенно вокруг Штайна образовался вакуум. Он сутками не выходил из комнаты отдыха и впал в запой. Денщик Венк только тем и занимался, что таскал ему бутылки с водкой. Встречать на вокзале приехавшую из Берлина комиссию отправился заместитель Штайна Краузе. А хитрый Райхдихт, чтобы не попасть под горячую руку, нашел себе неотложное дело и выехал в местное отделение гестапо. Инструкторы и курсанты забились в классы и имитировали бурную деятельность.

Штольце налетел на них подобно урагану. Отказавшись от завтрака, накрытого Шойрихом в столовой, он взялся за жесткую проверку. Первым делом отстранил от должности Штайна и до окончания расследования не разговаривал с ним. Опытные разыскники и офицеры гестапо немедленно принялись за поиск пропавших документов и агента НКВД. Круговорот допросов,

обысков и очных ставок втянул в себя не только инструкторов, но и офицеров штаба.

К исходу вторых суток появились первые результаты. В классе подготовки радистов гестаповцы обнаружили тайник, а в нем часть пропавших документов. За этой находкой немедленно последовали аресты.

Гролом среди ясного дня явилось разоблачение старого, казалось бы, проверенного вдоль и поперек, инструктора Старовойта. Сначала он упорствовал на допросах и отрицал явные улики — фотографии диверсантов, найденные в его комнате, но в руках гестаповцев сломался и поплыл. След от него привел к трем курсантам, и к ужасу Райхдихта, в группе обнаружилась вражеская резидентура.

Штольце приказал всех четверых арестованных отправить под усиленным конвоем в Берлин.

На следующий день Полтаву покинули Штайн и Райхдихт; им предстояло давать показания специальной комиссии Канариса. Краузе получил взыскание, но остался на месте. Самохин, Петренко и Коляда отделались лишь испугом и вышли из-под ареста.

После завершения проверки осиное гнездо абвера в Вороновицах еще около месяца лихорадило. Во второй раз Петру удалось одним ударом парализовать деятельность группы. Мало-мальски наладить работу Краузе сумел только в июле: за линию фронта отправились первые три группы, две из них успешно легализовались и приступили к работе. Но в августе, после мощного наступления советских войск под Курском и Орлом, стало не до шпионских дел.

К осени сорок третьего года положение гитлеровских войск на Украине значительно ухудшилось. Под ударами Красной армии они оставили Донбасс. Фронт стремительно откатывался на запад. В двадцатых числах сентября передовые части 13-й и 60-й армий 2-го Украинского фронта форсировали Днепр и закрепились на правом берегу.

Грозный гром артиллерийской канонады был слышен в Вороновицах. Командование группы сидело «на чемоданах» и ждало команду на эвакуацию. Петр решил воспользоваться этим, чтобы выйти на связь со своими. Его рапорт к руководству группы с просьбой отпустить на несколько дней, чтобы перед отъездом повидаться с родителями, проживавшими в Полтавской области, был удовлетворен. По мнению Краузе, заслуженный ветеран, за спиной которого была не одна походка в тыл к красным, своей добросовестной службой заслуживал этого, как никто другой.

25 сентября 1943 года Петр, спрятав под подкладкой плаща материалы на личный состав абвергруппы-102, копии бланков, оттиски печатей и штампов, покинул Вороновицы и направился на восток. Спустя сутки он перешел линию фронта на участке 57-го стрелкового корпуса, у села Брюсовка. Видимости в густом тумане не было никакой, и ему приходилось ориентироваться по звукам перестрелки. Они становились все тише и вскоре не стали слышны совсем. Петр уже начал опасаться, что сбился с пути, когда требовательный окрик заставил его остановиться. Из полумрака проступили два серых силуэта.

— Стою! — откликнулся Петр. — Не стреляйте!

— А ты не дергайся! — приказал старший патруля.

Патрульные приблизились к Петру. Луч фонаря обшарил его с головы до ног. Полувоенная одежда и шмайсер за спиной во фронтовой полосе у кого угодно могли вызвать подозрение. Старший патруля — младший сержант — подошел ближе, повел стволом автомата и потребовал:

— Покажи документы!

Петр замялся: удостоверение старшего инструктора абвергруппы-102 — не тот документ, которым без риска для жизни можно было размахивать перед лицом патруля, — и попросил:

— Проводи к командиру.

— Мы не на свиданке, чтоб гульки гулять, — с ехидцей заметил младший сержант.

— Мне не до шуток. Веди к командиру!

— У нас их много.

— Веди, там разберемся, — потребовал Петр.

— Не там, а здесь! А ну, руки за спину и топай вперед! — прикрикнул младший сержант, для убедительности передернул затвор, а напарнику приказал:

— Паш, шмайсер у него заberi!

Петр подчинился. Под конвоем его доставили в полевую комендатуру и провели в кабинет начальника. Капитан, небольшого роста, кряжистый здоровяк с землистым от хронической бессонницы и усталости лицом, оторвал взгляд от документов, прошелся по Петру, остановился на младшем сержанте и спросил:

— В чем дело, Марков?

— Да вот, товарищ капитан, до командира просится.

— Какого?

— Не говорит.

— Кто такой?

— Не представился.

— А где документ?

— Нет.

— Та-а-к, — протянул капитан, встал из-за стола, подошел к Петру и, вперившись в него взглядом, спросил: — И что ж ты за птица такая?

— Мне бы кого-нибудь из особого отдела, — не стал объясняться Петр.

— Особого отдела? Смерша? — переспросил капитан и, переглянувшись с младшим сержантом, язвительно заметил: — А чем я не устраиваю?

— Устраиваете, товарищ капитан, но мне нужен особист, а лучше — начальник.

— Ах, начальника тебе подавай! — неприкрытая угроза прозвучала в голосе капитана, и он приказал: — Марков, обшарь его!

— Не надо. Я сам, — остановил Петр, достал из кармана удостоверение сотрудника абвера и передал ему.

Комендант склонился к лампе, его глаза округлились, и он вскрикнул:

— Тут же по-фрицевски!

— Абвер, — пояснил Петр.

— Так ты фриц?

— Русский, русский! Вызывай особиста, капитан. Это очень важно. У меня времени нет. Там ждут, — начал терять терпение Петр.

— Важно? Ты... — в глазах коменданта промелькнула смутная догадка, и он потянулся к трубке полевого телефона, ворчливо бормоча, — черт-те что творится. Фриц мной командует. Третий год воюю, но такого еще не бывало.

В комнате какое-то время были слышны лишь прерывистое дыхание и треск в мембране, затем последовал громкий щелчок и в трубке раздался молодой и бодрый голос.

— Здравствуй, Георгич! Как говорится, кому не спится в ночь глухую: часовому, разведчику и...

— Петрович, мне не до шуток. Тем более уже утро. Понимаешь, тут такое дело, не знаю, как и сказать... — комендант замылся.

— Говори как есть, — и нотки смеха пропали в голосе контрразведчика.

— Мои хлопцы привели то ли шпиона, то ли... Короче — он из абвера.

— Да ну? — удивился собеседник, а затем в голосе появился металл. — Почему сразу не доложил?

— Вот и докладываю. Только что взяли, еще тепленький, — не удержался прихвастнуть комендант.

— Отлично! Молодец! — пророкотало в трубке.

— Капитан, ты что несешь? Какой еще тепленький? Я сам пришел! — возмутился Петр и двинулся на него.

— Стоять! — сорвался на крик комендант и хватился за кобуру.

— Дурак!

— Чего?

— Дай поговорю с особистом! — Петр протянул руку к телефонной трубке.

— Я тебе поговорю! Ты у меня сейчас соловьем запоешь!

— Идиот! Воды выпей...

— Я тебе попою! На всю жизнь нахлебаешься, — взбеленился комендант.

Особист уже ничего не мог понять, его голос надрывался в трубке:

— Георгич, ты что несешь! Вы что там с комиссаром пережрались?

В кабинете шла яростная возня. Петр пытался перехватить у коменданта трубку. Тот, рассвирепев, выхватил из кобуры пистолет. На помощь ему пришли патрульные. Опрокинув Петра на пол, они связали ему руки.

— Георгич? Георгич? Ты что там, охерел? За самоуправство пойдешь под трибунал! Немедленно тащи его ко мне! — грозился в трубке голос.

Комендант опомнился, тяжелым взглядом окатил Петра, затем распахнул окно и позвал:

— Дежурный, ко мне!

В коридоре послышался топот ног, и в кабинет вбежал запыхавшийся разбитной сержант. Стрельнув взглядом на арестованного, он остановился на начальнике. Тот спрятал пистолет в кобуру и буркнул:

— Отведи этого к особисту.

— В Смерш, что ли? — переспросил.

— Глухой, что ли? Я сказал, к особисту!

— Есть! — ответил сержант и прикрикнул на арестованного. — Топаи вперед!

Петр нагнул голову, чтобы не удариться о косяк, и вышел во двор. Дежурный по комендатуре пристроился за спиной и криками «Налево», «Направо» направлял движение. Позади них, пыхтя и матерясь, тащился капитан. Они прошли через всю деревню, в конце улицы свернули к неприметному, затерявшемуся в глубине сада, дому. Навстречу из кустов вынырнул часовой и преградил путь. Капитан назвал пароль, часовой отступил в сторону, и они поднялись на крыльцо.

Дежурный остался караулить у двери, а комендант с Петром вошли в дом. Обстановка в нем мало чем отличалась от той, что была у армейских офицеров. В углу стоял деревянный топчан, рядом находился чудом уцелевший шкаф, завершали обстановку две табуретки и стол. В полумраке, царившем в комнате, трудно было разглядеть хозяина. Он не выходил на свет и какое-то время внимательно рассматривал Петра и потом кивнул коменданту:

— Садись, Георгич!

— Спасибо, Петрович, сесть я всегда успею, за вами не заржавеет, лучше присяду, — хмыкнул капитан, сел на табуретку и положил на стол документ Петра.

Лейтенант-контрразведчик внимательно осмотрел удостоверение и с улыбкой заметил:

— Ну наконец у вас в абвере научились «липу» клепать, так сразу и не заметишь.

— Не у нас, а у них, там тоже не дураки работают, — в тон ему ответил Петр.

Усмешка моментально исчезла с лица лейтенанта и в голосе зазвучала угроза:

— Итак, что ты, такой умный, хотел сказать офицеру контрразведки?

— Сначала руки развяжите, — потребовал Петр.

— Еще чего! Они языку не мешают, — съязвил еще не остывший комендант.

Лейтенант пристально посмотрел в глаза Петра и распорядился:

— Ладно, Георгич, не упирайся. Куда он от нас денется, развяжи.

Тот неохотно достал нож и разрезал веревки. Но Петр не спешил говорить, размял затекшие кисти и попросил:

— Дайте, что-нибудь острое.

— Петрович, нет, ты только посмотри на эту наглую морду? Совсем оборзел. Он же, гад, нам глотки порежет! — задохнулся от возмущения капитан.

— В штаны наложил, что ли? — с усмешкой спросил особист.

— Еще чего?

— Тогда за чем дело?

Комендант пожал плечами, с неохотой положил нож на стол, но на всякий случай расстегнул кобуру. Петр подошел к столу. Офицеры внимательно следили за каждым его движением. Он распахнул плащ и вспорол подкладку.

На стол с тихим шелестом посыпались фотографии в форме бойцов и младших командиров Красной армии, бланки служебных документов с печатями и штампами, на которых бросались в глаза лиловые и фиолетовые свастики с хищными орлами.

От этой неожиданной и прямо-таки фантастической картины контрразведчик опешил. Его изумленный взгляд метался между Петром и документами. Такого за время службы лейтенанту Ивонину не приходилось видеть! В обыкновенной украинской хате, на обеденном столе лежала бесценная картотека из фотографий и анкет нескольких десятков вражеских агентов. Это была неслыханная удача, выпавшая на долю обыкновенного фронтового контрразведчика.

Последняя фотография, как поздний осенний листок, легла на горку документов. Ивонин склонился над фашистским архивом, долго разглядывал, затем обернулся к разведчику и, не стесняясь своего порыва, крепко обнял его. Лицо Петра

дрогнуло. На глаза навернулись слезы. Он не пытался их скрывать. Комендант с открытым ртом наблюдал за неожиданной развязкой — офицер Смерша и тот, кого он несколько минут готов был расстрелять, тискали друг друга в объятиях.

— Невероятно! Фантастика! — восклицал Ивонин.

Тронутый этим искренним порывом Петр в первые мгновения не мог произнести ни слова. Крепкие объятия офицера Смерша и изумленные глаза коменданта не были чудесным сном. Он действительно вернулся домой! Домой!

Полтора года постоянного риска и смертельной игры с фашистами остались позади. Теперь уже не требовалось таиться, выверять каждое сказанное слово и взвешивать каждый свой шаг. Ушли в прошлое коварные проверки оберлейтенанта Райхдихта, патологическая подозрительность Самутина и изматывающее душу состояние двойной жизни, когда он сам не мог понять, где кончается советский разведчик Прядко, а где начинается кадровый сотрудник абвера Петренко. Он был среди своих. Своих!

Петр счастливыми глазами смотрел на Ивонина, и в этот миг ему казалось, что ближе и роднее человека для него нет. Тот разжал объятия, и в нем снова проснулся контрразведчик.

— Как вас звать? Чье задание выполняли? Назовите пароль? — посыпал он вопросами, но спохватился и многозначительно глянул на коменданта.

Тот развел руками и смущенно произнес:

— Я что, не понимаю? Не первый год на фронте, — и попятился к двери, не переставая про себя повторять: — Ну и дела! Ну и дела!

Когда шаги капитана стихли, Петр порывистым движением расправил китель, строго посмотрел на Ивонина — тот невольно подтянулся — и доложил:

— Старший лейтенант Прядко, оперативный псевдоним Гальченко, после выполнения задания в абвергруппе-102 прибыл!

— Старший оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш лейтенант Ивонин, доклад разведчика Гальченко принял! — так же торжественно и строго ответил тот, а затем широко улыбнулся и пододвинул табуретку.

— Садись, дорогой, извини, что так встретили. Сам понимаешь, от этого всего голова кругом идет. Забыл даже спросить, как тебя зовут.

— Петр.

— А меня — Анатолий. Присаживайся, я сейчас, один момент, — засуетился Ивонин, сгреб в полевую сумку фотографии, документы фашистских агентов и исчез в соседней комнате.

Спустя минуту он возвратился. В его руках громоздились банки с тушенкой, чайник, две кружки и армейская фляжка. Штык-ножом Ивонин вскрыл консервы и вывалил в миску тушенку, из стола достал краюху черного хлеба и покромсал ее на куски. Петр с тихой радостью наблюдал за его быстрыми, сноровистыми движениями. Анатолий приподнял голову, заговорщицки подмигнул, потянулся к фляжке, разлил спирт по кружкам и предложил гост:

— За возвращение домой!

— Спасибо! За возвращение домой! — счастливым эхом прозвучал ответ Петра.

Кружки звонко звякнули, и они выпили до дна. У Петра перехватило в горле, из глаз крупными горошинами покатались слезы. Лейтенант зачерпнул кружкой воды из ведра и сунул ему в руку. Петр, давясь и захлебываясь, торопливо выпил, а когда спазмы прошли, навалился на тушенку с ржаным хлебом. В этот момент Петру казалось, что ничего вкуснее в своей жизни ему еще не приходилось есть. Это не были тот эрзац-хлеб и постная говядина, которыми его пичкал Шойрих. Он не заметил, как умял весь выставленный перед ним запас, и смущенно посмотрел на Ивонина. Тот улыбнулся, плеснул из чайника кипятку в кружку и опустил в нее два здоровенных, отливающих синевой

куска сахара. Петр обеими руками обхватил кружку и с наслаждением мелкими глотками пил обжигающий чай. А Ивонин возвратился к столу, вытащил из верхнего ящика тетрадь с карандашом и сказал:

— Петя, ты пока без меня похозяйничай, а я смогаюсь в штаб полка. Сам понимаешь, надо доложить начальству. Заодно у тыловиков еще харчишек вытрясу. Если будет время, набросай рапорт про то, как у фрицев воевал.

Петр кивнул головой, поставил кружку на стол и потянулся к тетради.

— Нет, ты пей, пей. Напишешь потом, — остановил его Ивонин и, прихватив полевую сумку с документами на гитлеровских агентов, выскочил во двор.

Петр допил чай, поднялся из-за стола и прошелся по комнате. Напряжение спало, голова перестала кружиться. Он взял тетрадь и принялся составлять рапорт. Тот самый рапорт, который ему приходилось десятки раз мысленно набрасывать в Краснодаре, Абинской, Евпатории и Вороновцах, легко ложился на бумагу.

Время шло. За окнами забрезжил рассвет. Строчки перед глазами начали расплываться, а мысли стали путаться и теряться. Свинцовая усталость, в конце концов, сморила Петра. Обволакивающая слабость разлилась по всему телу. Стены, потолок закачались и поплыли перед глазами, голова пошла кругом. С трудом он добрался до топчана, без сил рухнул и мгновенно уснул.

Сквозь сон до него доносились шум шагов, жужжание телефонного аппарата, обрывки неясных фраз. Сознание разведчика непроизвольно продолжало работать. В разговоре Ивонина речь шла о нем. И впервые за многие месяцы Петр поймал себя на мысли, что его совершенно не волновало происходящее. Он вернулся домой! Домой!

А Ивонин в ту ночь так и не уснул. До отдела Смерша армии он дозвонился с трудом — на телефонной линии оказался об-

рыв. Машину за разведчиком обещали прислать в ближайшие часы. Чтобы скоротать время, Ивонин сел за чтение рапорта Петра.

Девять листов были заполнены убористым почерком. За сухими и лаконичными строчками крылась поистине титаническая работа блестящего разведчика. Данные на 18 штатных сотрудников абвера, 101 агента и 33 фотографии из алфавитной картотеки позволили органам Смерша в короткие сроки разыскать многих из них. В последующем, после освобождения Полтавы, на основе добытых Петром материалов Управление контрразведки Смерш 2-го Украинского фронта арестовало еще семь агентов и содержателя конспиративной квартиры, оставленных гитлеровцами на «глубокое оседание» для проведения разведывательно-диверсионной работы.

Это было далеко не все, что удалось совершить зафронтовому разведчику Прядко-Гальченко. Добытая им разведывательная информация о военных планах 8-й армии вермахта представляла несомненный разведывательный интерес для командования Красной армии.

Лейтенант Анатолий Ивонин, за время службы в стрелковой роте, а потом в военной контрразведке немало хлебнувший своего и чужого горя, повидавший такого, что многим с лихвой хватило бы на две жизни, был поражен. За двадцать два месяца работы Петра в абвере ему пришлось прожить десятки жизней. И в них было все: неминуемый, казалось бы, провал в Ростове и Абинске; потом удача в Вороновицах, Краснодаре и Крымской. Заканчивал рапорт Петр Иванович просьбой о направлении его с новым заданием в тыл гитлеровских войск.

В тот же день Прядко и все добытые им материалы на абвергруппу-102 были направлены в Москву. Спустя двое суток Петр прибыл в столицу.

На встрече с руководством Смерша Петр доложил о выполнении задания и свои предложения по дальнейшей работе в абвере. Абакумов и его подчиненные, проанализировав

сложившуюся вокруг разведчика ситуацию, пришли к выводу, что на этот раз удача могла отвернуться от него — вероятность расшифровки была слишком велика, и предложили Петру отдохнуть, а затем продолжить службу в одной из армейских частей Московского военного округа. Петр Иванович отказался и настоял на том, чтобы его направили на фронт...

Продолжил службу он по своей прежней специальности — интендантом. Служил Петр Иванович хорошо — в воинском звании вырос до майора, а в должности — до заместителя командира полка по тылу, был награжден несколькими медалями и орденом.

Не забыли своего боевого товарища и военные контрразведчики. Руководитель Смерша Абакумов лично доложил Верховному главнокомандующему Сталину о результатах выполнения задания зафронтовым агентом Гальченко.

24 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за «проявленное мужество и героизм в тылу противника» Петр Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

Но самая большая награда ждала его после окончания войны. Прозвучали победные залпы, и майор Прядко, следуя к новому месту службы в Закавказский военный округ, никак не мог проехать мимо столицы Дона — Ростова. Туда бывшего разведчика влекли не прошлые воспоминания о службе в абвергруппе-102. В его сердце жила она — Вера Пивоварчук.

* * *

Петр Прядко, Иван Данилов, Александр Козлов, Алексей Скоробогатов и десятки других зафронтовых агентов особых отделов НКВД СССР — ГУКР Смерш НКО СССР своей самоотверженной работой существенно подорвали разведывательно-диверсионную деятельность абвера и «Цеппелина» и сохранили тысячи жизней красноармейцев.

Только за период с 1 октября 1943 по 1 мая 1944 года военными контрразведчиками в зафронтной работе были задействованы 343 разведчика. Из них 57-ми удалось выполнить самую трудную задачу: внедриться в абверкоманды, абвергруппы, специальные центры «Цеппелина» и закрепиться в их кадровом составе. Эти успехи дались дорогой ценой — 112 разведчиков погибли.

Оглавление

Об авторе.....	3
Зафронтовой разведчик Петр Прядко	4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Огонь, вода и медные трубы разведчика Петра Прядко	11
Глава 1	11
Глава 2	32
Глава 3	53
Глава 4	75
Глава 5	97
Глава 6	119

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И один в поле воин	142
Глава 7	142
Глава 8	164
Глава 9	187
Глава 10	209
Глава 11	233
Глава 12	253
Глава 13	276
Глава 14	297

Лузан Николай Николаевич

О НЕМ ДОЛОЖИЛИ СТАЛИНУ
Повесть

Редактор *А. П. Аристов*
Художественное оформление *О. Н. Козырева*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Е. Р. Ароян*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 22.03.13. Формат 84 × 108/32.
Усл. печ. л. 16,8. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.olompk.rf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 9785995002963

9 785995 002963